

ISSN 2619-1636

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭТНОЛОГИЯ

Historical
Ethnology

2024

Том 9. № 3

Vol. 9. No. 3

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2024. Том 9. № 3**СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

«Историческая этнология» – рецензируемый научный журнал, в котором освещаются новые методы и результаты исследований, стимулирующие дальнейшее становление в России и в сопредельных странах исторической этнологии как самостоятельного научного направления, тесно связанного со смежными историческими, этнографическими, культурологическими, антропологическими, социологическими дисциплинами.

Миссия журнала – содействие формированию новых стандартов историко-этнологических исследований на евразийском пространстве и укрепление международного сотрудничества в области исторической этнологии как объединительного механизма различных историко-социальных направлений гуманитарной науки.

В журнале публикуются работы по следующим темам: теория этнического, этническая реальность: синхронный и диахронный анализ, идентичность в теории и прикладных исследованиях, микроистория и культура повседневности, национальное образование.

Журнал принимает к публикации: оригинальные статьи, обзоры, переводы зарубежных материалов, мнения экспертов, дискуссионные, методические и информационные статьи, эссе, комментарии.

Год основания: 2016 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Российская Федерация)

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-86148
от 19 октября 2023 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 3 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843)292-84-82 (приемная)

© Академия наук Республики Татарстан, 2024

© «Историческая этнология», 2024

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2024. Vol. 9. No. 3

ONLINE ACADEMIC JOURNAL

“Historical Ethnology” is a peer-reviewed scientific journal which highlights new methods and research results that stimulate the further development of historical ethnology in Russia and neighboring countries as an independent scientific field, closely related to allied historical, ethnographic, cultural, anthropological, and sociological disciplines.

The mission of the journal is to promote the formation of new standards of historical and ethnological research in the Eurasian space and to strengthen international cooperation in the field of historical ethnology as a unifying mechanism for various historical and social areas of the humanities.

The journal publishes works on the following topics: ethnic theory, ethnic reality: synchronous and diachronic analysis, identity in theory and applied research, microhistory and the culture of everyday life, national education.

The journal accepts for publication: original articles, reviews, translations of foreign materials, opinions of experts; discussion article, methodological and informational articles, essays, commentaries.

Year of establishment: 2016

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution “Tatarstan Academy of Sciences”
(420111, Bauman St., 20, Kazan, Russian Federation)

Certificate of registration in the Mass Media ЭЛ № ФС 77–86148
received from Roskomnadzor on October 19, 2023

Published 3 times a year

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Baturin St., 7, Kazan, Russian Federation
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843)292-84-82 (reception)

© Tatarstan Academy of Sciences, 2024

© “Historical Ethnology”, 2024

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующий отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Составитель и научный редактор номера: Макарова Гузель Ильясовна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Гатина-Шафикова Дина Фасыховна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Compiler and Scientific Editor of the issue: Guzel I. Makarova (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara R. Sharifullina (Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Managing Secretary: Dina F. Gatina-Shafikova (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ажигали Серик Ескендирулы – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии архитектуры стран Востока, почетный академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, главный научный сотрудник отдела этнологии Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан)

Бари Донна – Ph.D. (политология), профессор политических наук, директор программы Патерно Феллоус, Университет штата Пенсильвании (Юниверсити-Парк, США)

Бустанов Альфрид Кашафович – Ph.D., ассистент-профессор гуманитарного факультета, Амстердамский университет (Амстердам, Нидерланды)

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Гарипова Розалия Равиловна – Ph.D., доцент кафедры религиоведения и истории Института истории, философии и религиоведения Школы естественных и гуманитарных наук, Назарбаев Университет (Астана, Республика Казахстан)

Гибатдинов Марат Мингалиевич – кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии колледжа гуманитарных и социальных наук, Университет Зайед (Аль-Айне, ОАЭ)

Загребин Алексей Егорович – доктор исторических наук, и.о. директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук; профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, научный руководитель научно-образовательного центра «Современные этнополитические исследования» (Москва, Ижевск, Российская Федерация)

Иноуэ Ацуси – заведующий кафедрой Корнелиуса Вандербильта и профессор экономики факультета экономики, Университет Вандербильта (Нашвилл, Теннесси, США)

Канлыдере Ахмет – доктор наук, профессор кафедры истории, кафедры всеобщей истории Турции, Факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Мармара (Стамбул, Турция)

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

Курбанова Земфира Ибрагимовна – доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус, Республика Узбекистан)

Лентон Адам – Ph.D., факультет политических исследований, Университет Джорджа Вашингтона (Вашингтон, США)

Резван Ефим Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Международный центр исламских исследований» Музея антропологии и этнографии Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, директор Санкт-Петербургского музея исламоведения (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович – кандидат исторических наук, заведующий Крымским научным центром (КНЦ), Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Всемирная история, историография и источниковедение», Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Титмайер Элизабет – профессор, директор Музея Европейских Культур (Берлин, Германия)

Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Хотопп-Рике Миесте – доктор тюркологии, директор Института Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT) (Магдебург, Германия)

Чичек Хусейн – Dr. habil., старший научный сотрудник кафедры религиоведения Венского университета; научный сотрудник Эрлангенского центра ислама и права в Европе, Университета Эрланген – Нюрнберг; Центр перспективных исследований безопасности, стратегических и интеграционных исследований Боннского университета (Эрланген, Германия)

Ягафова Екатерина Андреевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Serik E. Azhigali – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Architecture of Oriental Countries, Honorary Academician of the Republic of Kazakhstan National Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Ethnology, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Donna Bahry – Ph.D. in Political Science, Professor in Political Science, Director of the Paterno Fellows Program, Pennsylvania State University (University Park, USA)

Alfrid K. Bustanov – Ph.D., Assistant Professor, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)

Liliya R. Gabdrafiqova – Doctor of Science (History), Chief Research Fellow at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Rozaliya R. Garipova – Ph.D., Assistant Professor of the Department of Religious Studies and History, Institute of History, Philosophy and Religious Studies of the School of Sciences and Humanities, Nazarbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Marat M. Gibatdinov – Candidate of Science (Pedagogy), Deputy Director for Research, Chief of the Center for History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Golovnev – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Director of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Aygul T. Zabirowa – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, College of Humanities and Social Sciences, Zayed University (Al-Ain, United Arab Emirates)

Aleksei E. Zagrebin – Doctor of Science (History), Acting Director of the N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of the History of Udmurtia, Archeology and Ethnology, Udmurt State University, Academic supervisor of the Research and Education Center “Modern Ethnopolitical Research” (Moscow, Izhevsk, Russian Federation)

Atsushi Inoue – Cornelius Vanderbilt Chair and Professor of Economics, Department of Economics, Vanderbilt University (Nashville, Tennessee, United States)

Ahmet Kanlidere – Dr., Professor, Department of History, Department of General Turkish History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Elizaveta N. Kvilinkova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, Center for Research on Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Zemfira I. Kurbanova – Doctor of Science (History), Head of the Department of Ethnography, Karakalpak Research Institute for the Humanities, Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (Nukus, Republic of Uzbekistan)

Adam Lenton – Ph.D., Department of Political Science, The George Washington University (Washington, USA)

Efim A. Rezvan – Doctor of Science (History), Professor, Head of the International Center for Islamic Studies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Director of St. Petersburg Museum of Islamic Studies (St. Petersburg, Russian Federation)

Radik R. Salikhov – Doctor of Science (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow at the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Eldar Kh. Seydametov – Candidate of Science (History), Chief of the Crimea Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of Science (History), Professor, Chief of the Department “World History, Historiography and Source Studies”, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elisabeth Tietmeyer – Professor, Director of the Museum of European Cultures (Berlin, Germany)

Rafael S. Khakimov – Doctor of Science (History), Academic Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Mieste Hotopp-Riecke – Doctor of Turkology, Director of the Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT) (Magdeburg, Germany)

Hüseyin Çiçek – Dr. habil., Senior Research Fellow at the Department of Religious Studies, University of Vienna; Erlangen Centre for Islam and Law in Europe, Researcher, University of Erlangen – Nuremberg; Center for Advanced Security, Strategic and Integration Studies, University of Bonn (Erlangen, Germany)

Yekaterina A. Yagafova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State Socio-Pedagogical University (Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (сост. и науч. ред. *Г.И. Макарова*)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

О проблематике этносоциальности в городе: введение

Г.И. Макарова, Г.Ф. Габдрахманова 327

НАСЛЕДИЕ КЛАССИКОВ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

ПЕРЕВОДНАЯ СТАТЬЯ

Does ethnicity remain in the urban environment?

Some answers to the mysteries of the big city

L.M. Drobizheva 336

ПОЛИЭТНИЧНЫЙ ГОРОД: УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ МНОГООБРАЗИЕМ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОЦЕНКАХ ГОРОЖАН

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Городское межэтническое сообщество в объективе государственной национальной политики

Ю.В. Попков 349

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений в городах юга Тюменской области

Н.Г. Хайруллина 361

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Динамика межнациональных отношений в оценках жителей полиэтнического города (на примере Якутска)

Е.Ю. Щеголькова 373

ГОРОД В ФОКУСЕ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Социальное развитие региональных столичных городов как фактор (де)стабилизации республиканской идентичности в оценках населения и экспертов (по материалам исследования в Ижевске и Саранске)*О.А. Богатова* 397

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Трехсотлетие Перми как элемент политики идентичности*М.В. Назукина* 413

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Идентичность молодежи промышленного города в историческом и социальном контекстах (кейс Лениногорска)*Э.Р. Калимуллина* ..... 428**СОВРЕМЕННЫЕ ГОРОДСКИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
И ЯЗЫКОВО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ**

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Что говорят в мечетях Ташкента? Дискурс мусульманского духовенства об ограничении ритуальных расходов*А.А. Аширов* 441

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Город как фактор: языковая ситуация и восприятие проблематики этнических языков в Республике Саха (Якутия)*Е.М. Арутюнова* 458

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Этнические аспекты идентификации и языковая ситуация в нестоличных городах Татарстана*Г.И. Макарова* 474

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

История и современность, материальное и духовное, модерн и постмодерн: социально-философский анализ современной урбанистики на примере Казани*Г.Э. Шалагина* 489

CONTENTS

SPECIAL TOPIC OF THE ISSUE: ETHNOSOCIAL PROBLEMS OF THE MODERN CITY

(Compiler and Scientific Editor *G.I. Makarova*)

ORIGINAL PAPER

On the issues of ethnosociality in the city: introduction

G.I. Makarova, G.F. Gabdrakhmanova 327

THE LEGACY OF THE CLASSICS OF ETHNOSOCIOLOGY

TRANSLATED PAPER

Does ethnicity remain in the urban environment?

Some answers to the mysteries of the big city

L.M. Drobizheva 336

MULTIETHNIC CITY: MANAGING CULTURAL DIVERSITY AND INTERETHNIC INTERACTIONS IN THE ASSESSMENTS OF CITIZENS

ORIGINAL PAPER

Urban interethnic community through the lens of state national policy

Yu.V. Popkov 349

ORIGINAL PAPER

Sociological monitoring of interethnic and interfaith relations in the cities of the south of the Tyumen region

N.G. Khairullina 361

ORIGINAL PAPER

Dynamics of interethnic relations in the assessments of residents of a multiethnic city (the case of Yakutsk)

E.Yu. Shchegolkova 373

THE CITY IN THE FOCUS OF HISTORY AND IDENTITY POLICY

ORIGINAL PAPER

- Social development of regional capital cities as the factor of republican identity (de)stabilisation in estimations of the population and experts (based on research in Izhevsk and Saransk)**
O.A. Bogatova 397

ORIGINAL PAPER

- The tercentenary of Perm as an element of identity politics**
M.V. Nazukina 413

ORIGINAL PAPER

- Identity of youth of an industrial town in historical and social contexts (the case of Leninogorsk)**
E.R. Kalimullina 428

MODERN URBAN ETHNO-CONFESSIONAL AND LINGUISTIC-CULTURAL PRACTICES

ORIGINAL PAPER

- What do they say in mosques of Tashkent? Discourse of the Muslim clergy on the limitation of ritual costs**
A.A. Ashirov 441

ORIGINAL PAPER

- The city as a factor: the linguistic situation and perception of the problems of ethnic languages in the Republic of Sakha (Yakutia)**
E.M. Arutyunova 458

ORIGINAL PAPER

- Ethnic aspects of identification and linguistic situation in non-capital cities of Tatarstan**
G.I. Makarova 474

ORIGINAL PAPER

- History and the present time, material and spiritual, modern and postmodern: socio-philosophical analysis of contemporary urbanism by the Kazan example**
G.E. Shalagina 489

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ**

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.327-335>

О проблематике этносоциальности в городе: введение

Г.И. Макарова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
makarova_guzel@mail.ru*

Г.Ф. Габдрахманова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
medi54375@mail.ru*

Резюме. Статья открывает номер, посвященный этносоциальным проблемам города. Ее авторы – составитель и научный редактор номера и главный редактор «Исторической этнологии» – обосновывают связанный с идеологией журнала подход к данной теме. Он призван представить проявления этничности в городских поселениях в широком контексте происходящих в них экономических, политических, социальных, историко-культурных процессов. С этим связаны предлагаемые читателям рубрики. Они сфокусированы: на выявлении направлений изучения городов, заложенных в работах классиков этносоциологии; на проблематике государственной национальной политики применительно к ним и влияния многообразия социальных факторов на межэтнические взаимодействия; на теме городской идентичности в ее соотношении с этнической, региональной и общероссийской, а также в аспекте влияния на миграционную мобильность населения; на городских этноконфессиональных, языковых и культурных практиках, в которых отражаются социально-политические и экономические перемены в постсоветском пространстве. В кратком обзоре статей представлены их основные идеи и избранный каждым автором ракурс рассмотрения данной темы. Делается вывод о том, что раскрытие диалектической взаимосвязи исторического, политического, экономического и этносоциального развития открывает перспективы для дальнейшего исследования города как социальной общности.

Ключевые слова: город, этносоциальные процессы, городская идентичность, этническая идентичность, межэтнические отношения, языковая ситуация, этноконфессиональные практики, культурные практики.

Для цитирования: Макарова Г.И., Габдрахманова Г.Ф. О проблематике этносоциальности в городе: введение. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №3. С. 327–335. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.327-335>

© Макарова Г.И., Габдрахманова Г.Ф., 2024

On the issues of ethnosociality in the city: introduction

G.I. Makarova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
makarova_guzel@mail.ru*

G.F. Gabdrakhmanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
medi54375@mail.ru*

Abstract. The article opens the issue dedicated to the ethnosocial problems of the city. Its authors – the compiler and scientific editor of the issue and the editor-in-chief of *Historical Ethnology* – substantiate an approach to the topic in relation to the ideology of the journal. It is intended to present manifestations of ethnicity in urban settlements in the broad context of the economic, political, social, historical and cultural processes which occur in them. The sections offered to readers reflect this aim and focus on the following aspects: identifying the directions for studying cities, as laid down in the works of ethnosociology classics; the issues of state national policy as applied to them and the influence of various social factors on interethnic engagement; the topic of urban identity in its relationship with ethnic, regional and all-Russian identities, as well as in the context of the impact on the migration mobility of the population; urban ethno-confessional, linguistic and cultural practices that reflect socio-political and economic changes in the post-Soviet space. A brief overview of the articles presents their main ideas and the perspective chosen by each author on the topic. It is concluded that revealing the dialectical relationship between historical, political, economic and ethnosocial development opens up prospects for further research of the city as a social community.

Keywords: city, ethnosocial processes, urban identity, ethnic identity, interethnic relations, language situation, ethnoconfessional practices, cultural practices.

For citation: Makarova G.I., Gabdrakhmanova G.F. (2024) On the issues of ethnosociality in the city: introduction. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 3: 327–335. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.327-335> (In Russ.)

Глобальная турбулентность современного мира до неузнаваемости изменила действительность и законы упорядочивания социальных отношений. Немецкий социолог и политический философ Ульрих Бек еще в 1990-х годах, размышляя о причинах крушения мирового порядка, поставил под сомнение универсалистский социальный анализ, предсказал смену парадигмы в обществе и политике (Бек, 2012: 35–36). В этих условиях поле этничности с его коммуникацией представителей различных этнических и конфессиональных групп нуждается в новом осмыслении. Остается ли оно в сегодняшнем городе частью его разнообразия, рассматриваемого Луисом Виртом и Анри Лефевром в качестве основного свойства городских поселений – проблема, вокруг которой построен представляемый номер журнала «Историческая этнология».

Акцент на исследовании города как социальной общности с особым фокусом на этносоциальной проблематике отвечает политике журнала. Его тематика не сводится к узкоэтнической, а связана с рассмотрением этничности в широком контексте – во взаимодействии с историческими, политическими, экономическими, социальными процессами. Соответственно, обращение к данному явлению применительно к городским поселениям может включать изучение вопросов проявления национально-особенного в их социальной структуре, формирования городской / региональной / общероссийской идентичностей, миграционных установок населения, государственной национальной политики, продвижения городских символов и брендов в их переплетении с различными аспектами городской жизни, повседневными практиками горожан. Все перечисленное в отношении городов России и сопредельных государств отличается богатой территориальной спецификой. Имеются и общие черты, связанные с историей и влиянием на развитие городских сообществ масштабных трансформаций, происходивших в постсоветском пространстве на протяжении последних трех десятков лет.

Обозначенный подход был заложен классиками советской этносоциологии – Ю.В. Арутюняном, Л.М. Дробижевой, О.И. Шкаратаном. В данном случае мы считаем важным познакомить с их идеями не только российских, но и зарубежных исследователей. Поэтому в начале номера представлен перевод на английский язык статьи **Л.М. Дробижевой** «Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города». И это является не просто данью Учителю, а связано с тем, что работа 10-летней давности обнаруживает удивительную актуальность. Автор ставит в ней под вопрос тезис ряда известных в мире специалистов глобализации о постепенном сглаживании этнокультурных различий в условиях индустриализации и модернизации. Опираясь на проведенные в мегаполисах, городах областного значения и селах ряда регионов РФ социологические исследования, Л.М. Дробижева доказывает, что этническая идентичность в городской среде не только не ослабляется, но и становится более значимой. Справедливость этого вывода подтверждается в настоящий период, когда в условиях крайней геополитической турбулентности проблематика этничности в городах приобретает новое звучание. При этом ученый предлагает изучать этническую идентичность и межнациональные взаимодействия по отношению к каждому конкретному городу, поскольку эта идентичность и эти взаимодействия становятся результатом индивидуального сочетания в нем многих социальных факторов – «каждый фактор в связке с другими в каждой локальности» (Дробижева, 2013: 83).

Особо отметим широту географии выпуска. Помимо городских поселений республик и краев Приволжского федерального округа – Мордовии, Татарстана, Удмуртии и Пермского края – в публикуемых в нем статьях рассматриваются этносоциальные процессы в городах Тюменской области (входящей в Уральский федеральный округ), Республики Саха (Якутия) (находящейся в составе Дальневосточного округа), в административном центре Новосибирской области

и Сибирского федерального округа. Среди городов Республики Татарстан, помимо ее столицы, внимание исследователей сконцентрировано на ряде нестолических промышленных поселений региона. Значимо и включение статьи автора из ближнего зарубежья, показывающей как меняются этноконфессиональные практики населения в бывшем советском городе – столице Республики Узбекистан – в новых политико-правовых условиях.

Авторы статей, представленных в рубрике «Полиэтничный город: управление культурным многообразием и межнациональные взаимодействия в оценках горожан», концентрируют внимание на отношениях этнокультурных групп и поисках их оптимизации. Аргументы в пользу выделения города как особого объекта государственной национальной политики приводятся **Ю.В. Попковым**. (Ученый рассматривает тему в контексте проблематики научных исследований этнического феномена в целом, ратуя за продолжение отечественных научных традиций в противовес западным конструктивистским методологическим ориентациям.) Причем исследователь подчеркивает не только многоэтничность современного российского города, но и степень интегрированности в нем «этномаркированных субъектов», предлагая обозначать его как *межэтническое сообщество*. Тем самым автором вносится вклад в теорию вопроса. Интерес представляют и приведенные в статье, разрабатывавшиеся с его участием, основные положения Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска. Они могут быть полезными при создании и реализации аналогичных документов в других городах страны. В заключении работы Ю.В. Попковым делается важный практический вывод о необходимости расширения полномочий муниципальных органов власти для решения задач управления этносоциальным разнообразием.

Статья **Н.Г. Хайруллиной** интересна тем, что в ней рассматриваются межэтнические и межконфессиональные отношения в малых (до 50 тыс. человек) городах на примере городских поселений юга Тюменской области. Это имеющий давнюю историю Ялуторовск – возникший на месте татарского городища и получивший статус города с 1782 г. (то есть уже в таком качестве существующий несколько столетий) – и Заводоуковск, первое упоминание о котором относится к 1729 г., а городской статус получен в советский период (в 1960 г.). На базе данных мониторингового исследования (2019 и 2023 гг.) автор отслеживает динамику межнациональной ситуации в них и делает вывод о ее позитивном характере, а также о том, что проявления религиозности не становятся здесь основой для межконфессиональной нетерпимости. В связи с этим полезны приводимые автором сравнения с результатами аналогичных исследований, проведенных другими учеными в Алтайском крае, Республике Хакасия, в городах Республики Татарстан.

В работе **Е.Ю. Щегольковой** отметим, прежде всего, краткое, но емкое обобщение вклада отечественных и зарубежных ученых в понимание специфики взаимодействия представителей этносоциальных групп в пространстве города. Данные положения становятся отправной точкой для анализа межнацио-

нальной ситуации в столице Республики Саха (Якутия) в ее сравнении с сельской местностью и с регионом в целом. Опираясь на данные количественных и качественных исследований за пять лет (с 2019 по 2023 гг.), автор выявляет общие тенденции ее развития (как и изменения этнонациональных установок жителей), не забывая о проблемных зонах; особое внимание уделяется историческим и социально-экономическим факторам, на них влияющим. В контексте проблематики выпуска важно внимание исследователя к особенностям проявления межэтнических отношений в столичном городе: с одной стороны, указывается на позитивное влияние привычки к совместному проживанию на одной территории, с другой – артикулируется, что эти отношения здесь сложнее, в частности в силу притока мигрантов и конкуренции за рабочие места.

Статьи следующей рубрики посвящены рассмотрению городской идентичности в ее историческом, этнокультурном, социальном, политическом измерении. Так в работе **О.А. Богатовой** поднимается вопрос о социальном развитии центральных городов республик России – на примере Ижевска и Саранска – как факторе стабилизации/дестабилизации столичной и региональной идентичностей населения. Отмечается разница, связанная с масштабами изучаемых городов, их ресурсной обеспеченностью, наличием в возглавляемых ими регионах других относительно крупных городских поселений. На базе количественных и качественных исследований делается вывод об особенностях их самоидентификации как крупного индустриального центра (Ижевск) в одном случае и центра символической экономики (Саранск) в другом; обе столицы продолжают при этом осуществлять этносимволические функции. Автором подчеркивается значимость административного ресурса в этом процессе. Делается вывод о том, что неспособность столичных городов выступить локомотивами модернизации регионов и стимулировать появление в них новых экономических центров, способствует размыванию республиканской идентичности их жителей и формированию у них готовности войти в состав иных субъектов РФ, несмотря на продолжающиеся усилия местных властей по сохранению этнорегиональной идентичности.

В работе **М.В. Назукиной** внимание сконцентрировано на рассмотрении юбилея столицы края как события, призванного способствовать формированию важных для интеграции городского и регионального сообществ смыслов. Автором дается последовательная проработка вклада российских и некоторых зарубежных исследователей в теорию вопроса, важная для анализа кейса трехсотлетия Перми. Основываясь на текстах интервью с акторами политики идентичности (авторских и опубликованных в разных изданиях), исследователь приходит к выводу о том, что доминантой проекта «Пермь-300» стало информационное продвижение территории. То есть он был больше ориентирован вовне. Использовались и открывающиеся в связи с этим возможности привлечения ресурсов для развития городской инфраструктуры. В то же время вектор, направленный на осмысление специфики города, понимание региональной и городской истории, оказался слабовыраженным. Тем самым его возможности как катализатора

рефлексии городской культурной идентичности, особенностей локального сообщества, и, соответственно, его внутренней интеграции не были использованы, по мнению автора, в полной мере.

В отличие от статей, сфокусированных на идентичности региональных столиц, в работе **Э.Р. Калимуллиной** речь идет об идентификации молодежи нестоличного промышленного города Татарстана – Лениногорска. Она рассматривается через раскрытие отношения представителей молодого поколения к городу и видения ими собственных перспектив в нем в плане учебы, трудоустройства, профессиональной самореализации, проведения досуга, удовлетворения этнокультурных потребностей. Интересно, что в поисках новых смыслов автор обращается к истории поселения, делая предположение о том, что появление в нем высокотехнологичного производства (с учетом сохранившегося в памяти горожан опыта успешного функционирования Лениногорского приборного завода) способствовало бы актуализации городской идентичности. Вместе с активизацией деятельности в данном направлении городской администрации это, как считает исследователь, могло бы приостановить отток молодых людей из города.

На специфике современных языковых, этноконфессиональных и культурных процессов в городах сфокусированы работы завершающей выпуск рубрики. Ценность статьи **А.А. Аширова** видится в том, что она показывает значение политико-правового поля для формирования социокультурного и религиозного облика бывшего советского города. Изменения государственной политики Узбекистана в отношении ислама после вступления в 2016 г. в президентство Шавката Мирзиёева привели в республике к возрождению религиозной жизни. Оно, в частности, выразилось в распространении среди горожан новой одежды (не только национальной, но и мусульманской), а также в изменении семейной обрядности и в целом семейно-брачных отношений. Изучив тексты выступлений имамов на пятничных молитвах и работу Управления мусульман Узбекистана на официальных интернет-каналах, А.А. Аширов приходит к ценному выводу о том, что духовенство в современном городе может выступать значимым актором не только культурной и религиозной сферы, меняющим многие, важные для повседневной жизни горожан ритуальные практики, но и экономики поселения. Религиозные священнослужители способны влиять на оптимизацию финансовых потоков, перенаправлять их и трансформировать социально-экономическое поведение и установки горожан.

Следующие статьи рубрики посвящены языковой ситуации в городах двух республик России, наиболее активных в плане отстаивания статуса и сохранения этнических языков – в Республике Саха (Якутия) и Республике Татарстан. Языковые процессы в столице Саха – Якутске – в сравнении с другими городскими и сельскими поселениями региона проанализированы **Е.М. Аругюновой**. Город, и столичный город в частности, рассматривается в ее работе как фактор, существенно влияющий на языковое поведение населения. Изучая эмпирические данные количественных и качественных исследо-

ваний, проведенных в республике в 2019 и 2022 гг., автор приходит к выводу о том, что по сравнению с сельской местностью, в столице региона якутский язык применяется в качестве языка домашнего, профессионального общения и школьного образования реже. В то же время Е.М. Арутюнова подчеркивает, что в целом его позиции в республике достаточно крепки. И он не только продолжает выступать основным идентификатором этничности, но и реально используется в различных ситуациях коммуникации (в первую очередь в семье). Тем не менее, проведенный исследователем анализ экспертного дискурса показал озабоченность некоторой части интервьюируемых негативным влиянием урбанизации и культурной универсализации на владение и применение якутского языка населением. По мнению экспертов, это в конечном счете может отрицательно сказаться на его социальном самочувствии и межэтнических отношениях в регионе.

В статье **Г.И. Макаровой** языковая ситуация, в частности вопросы социального функционирования татарского языка, рассматриваются на примере нестоличных промышленных городов Татарстана – Набережных Челнов, Альметьевска, Нижнекамска, Зеленодольска. Эти вопросы представлены в контексте проблематики значимости этнокультурной составляющей городской идентичности. Опираясь на данные массовых опросов населения, автор делает вывод о сохраняющейся значимости для их жителей этнической идентификации (особенно для татар), как и важности локальной идентичности (чуть больше для татар, чем для русских). Однако однозначной связи между ними не обнаружено, поскольку на самоотождествлении горожанами себя с поселением, помимо этнокультурного фактора, сказывается ряд других. И все же для десятой доли татар он является важным. Этническая «принадлежность» респондентов сказывается и на восприятии ими языковых процессов. В частности, татары оказались, согласно приведенным данным, более критичными, нежели русские, в оценке реального места татарского языка в социокультурной среде городов в целом, как и в ряде конкретных общественных пространств.

Завершающая номер работа **Г.Э. Шалагиной** направлена на осмысление социокультурного развития Казани в плоскости споров об определении современного общества как модерного/постмодерного. Опираясь на работы теоретиков данных направлений, автор концептуализирует анализ городских культурных практик. В частности, организация и проведение в столичном городе республики чреды мегасобытий, как и запрос на его брендинг/ребрендинг, трактуются в качестве проявлений постмодернистской организации социокультурной жизни. К ним относятся и неклассическая музеефикация, джентрификация, организация креативного производства и развитие туризма, в особенности этнического. В связи с этим исследователь останавливается на феномене фэйклизации (когда аутентичное культурное наследие искажается в угоду экономической выгоде), вызывающем споры и негативные оценки экспертов – историков и этнографов. Названному явлению противостоит, по мнению автора, археоавангардистская идеология, позволяющая сохранять традиционные ценности.

Делается вывод о сочетании в Казани современного материального базиса и постмодерных тенденций в культурных городских практиках.

Таким образом, представленный вниманию читателя выпуск сконцентрирован на рассмотрении этносоциальных проблем городских поселений в широком историческом, политическом, социально-экономическом контекстах. Именно такой подход дает возможность учесть все многообразие факторов, влияющих на развитие города как социальной общности.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Дробизжева Л.М. Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 3 (27). С. 73–83.

Бек У. Жизнь в мировом обществе риска: космополитический поворот // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 5. С. 35–52.

REFERENCES

Beck U. (2012) Life in a global risk society: a cosmopolitan turn. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science]. No. 5: 35–52. (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2013) Is ethnicity disappearing in the urban environment? Some answers to the riddles of the big city. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [Proceedings of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences]. No. 3 (27): 73–83. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Макарова Гузель Ильясовна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>; e-mail: makarova_guzel@mail.ru

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, заведующий отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

About the authors:

Guzel I. Makarova, Doctor Sc. (Sociology), Chief Research Fellow at the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>; e-mail: makarova_guzel@mail.ru

Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor. Sc. (Sociology), Head at the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 15.05.2024

Доработана после рецензирования / Revised 24.05.2024

Принята к публикации / Accepted 31.05.2024

НАСЛЕДИЕ КЛАССИКОВ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

От редакции. Специальный выпуск журнала, посвященный этносоциальным процессам в современном городе, открывается переводом статьи Л.М. Дробижевой «Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города». Публикация призвана представить мировой научной общественности взгляд знаменитого российского ученого – признанного классика отечественной этносоциологии – на городскую этносоциальную проблематику. Журнал благодарит Главного редактора издания «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки», в котором работа была опубликована на русском языке, Виталия Владимировича Гошуляка за любезно предоставленную возможность перевести ее на английский язык (См.: Дробижева Л.М. Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 3 (27). С. 73–83. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz_on.pnzgu.ru/09313.pdf).

From the editor. A special issue of the journal dedicated to ethnosocial processes in the modern city opens with a translation of the paper by L.M. Drobizheva “Does ethnicity remain in the urban environment? Some answers to the mysteries of the big city”. The publication is intended to present to the global academic community of the famous Russian scholar, a recognised Russian ethnosociology classic’s the view on urban ethnosocial issues. The journal expresses gratitude to Vitaly Vladimirovich Goshulyak, the editor-in-chief of the publication *News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences*, in which the paper was published in Russian, for the courtesy to translate it into English (See: Drobizheva L.M. (2013) Does ethnicity remain in the urban environment? Some answers to the mysteries of the big city. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki*. [News of higher education institutions. Volga region. Social sciences]. No. 3 (27): 73–83. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz_on.pnzgu.ru/09313.pdf).

Переводная статья / Translated paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.336-348>

Does ethnicity remain in the urban environment? Some answers to the mysteries of the big city

L.M. Drobizheva

Abstract. Background. The processes of industrialisation and modernisation, according to classical sociologists, should lead to the blurring of ethnic differences, but practice shows the opposite trend. The purpose of the paper is to identify the level of civil and ethnic identity in the settlements of different types (metropolis, town, village), and the impact of various factors on its formation.

Materials and methods. The implementation of the research tasks has been achieved on the basis of analysing the data of the nationwide research by the RAS Institute of Sociology “20 years of reform as viewed by Russians”, a series of studies by the International Relations Research Center of the RAS Institute of Sociology in Moscow and the republics on a representative sample, a study conducted by the subdepartment of sociology and personnel management” of Penza State University

© Дробижева Л.М., Шарифуллина Д.Р. (перевод), 2024

under the grant “Dynamics of students’ values and attitudes in the Volga Federal District under Russian sociocultural modernisation”, as well as data of the European Social Survey. Sociological survey and secondary analysis methods have been used.

Results. The analysis of the research results showed that civil and ethnic identity in the cities not only lower than in the rural areas, but the significance of ethnic identity in the cities is even a little higher.

Conclusions. The nature of interethnic relations is influenced by many factors, such as the level of education, satisfaction or dissatisfaction with one’s life, the assessment of what people gained or lost in the last decade, the collapse of hopes, anger against corruption and injustice in life. In addition, each factor in conjunction with the others “works” in different ways on every territory.

Keywords: civil identity, ethnic identity, xenophobia, identity matrix, ethnic tensions, immigrants.

For citation: Drobizheva L.M. (2024) Does ethnicity remain in the urban environment? Some answers to the mysteries of the big city. Transl. by D.R. Sharifullina. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 3: 336–348. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.336-348>

Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города

Л.М. Дробижева

Резюме. *Актуальность и цели.* Процессы индустриализации и модернизации, по мнению классиков социологии, должны привести к стиранию межэтнических различий, однако практика демонстрирует противоположные тренды. Цель работы – выявить уровень гражданской и этнической идентичности в поселениях различного типа (мегаполис, город, село), а также влияние различных факторов на ее формирование.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа материалов всероссийского исследования Института социологии РАН «20 лет реформ глазами россиян», ряда исследований Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН в Москве и республиках по репрезентативным выборкам, исследования, проведенного кафедрой «Социология и управление персоналом» Пензенского государственного университета в рамках гранта «Динамика ценностей и ориентаций студенческой молодежи Приволжского федерального округа в условиях социокультурной модернизации России», а также данных Европейского социального исследования. Использовались социологические методы опроса и вторичного анализа.

Результаты. Анализ результатов проведенных исследований показал, что гражданская и этническая идентичность в городах не только не меньше, чем в сельской среде, но по значимости этническая идентичность в городах даже чуть выше.

Выводы. На характер межэтнических отношений влияет множество факторов: уровень образования, удовлетворенность или неудовлетворенность своей жизнью, оценка того, что люди приобрели или потеряли в последние десятилетия, нереализованность надежд, раздражение от коррупции и несправедливостей в жизни. При этом каждый фактор в связке с другими в каждой локальности «работает» по-разному.

Ключевые слова: гражданская идентичность, этническая идентичность, ксенофобия, матрица идентичности, межэтническая напряженность, иммигранты.

Для цитирования: Drobizheva L.M. Does ethnicity remain in the urban environment? Some answers to the mysteries of the big city / пер. Д.Р. Шарифуллиной. *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 3. С. 336–348. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.336-348>

Max Weber, when analysing the processes of industrialisation and urbanisation, predicted blurring of interethnic differences. Experts on globalisation of our time – Archer, Albrow, and Giddens also based their concepts on the fact that “global values and guidelines receive priority dominance over local values, including the ethnic factor, which is being eliminated...” (Pokrovskiy, 2001: 51). However, actual social practice does not confirm the predictions of the classics. Sociological research data demonstrate opposite trends. We have to give answers to challenging questions: why, when and how people perceive the world and interpret problems in ethnic, racial, national terms, and not in some others; why we encounter ethnic rhetoric in political projects, reproduced meanings, events, discursive frames, in various everyday circumstances when interpreting people’s interactions?

We are going to make an attempt to approach the explanation of some of these issues by analysing the results of studies in the focus of the urban environment influence of varying degrees of urban load.

As a source, we use materials from an all-Russian study by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences “20 years of reforms through the eyes of Russians”, series of studies by the Center for Interethnic Relations Research of the Russian Academy of Sciences Institute of Sociology in Moscow and the republics based on representative samples, a study conducted by the Department of Sociology and Personnel Management at Penza State University as part of the grant “Dynamics of values and orientations of student youth in the Volga Federal District in the context of sociocultural modernisation of Russia”, as well as data from the European Social Survey.

First of all, the unexpected result is that ethnic identity in cities is not only as important as in rural environments, but its significance for people in the city is approximately the same as for rural residents (Fig. 1).

Actually, in the city, people’s identity matrix is certainly more diversified. The concept of an identity matrix was introduced into scientific lexis by the famous French psychologist S. Moscovici when substantiating the theory of social representations. The famous American psychologist T. Shibutani used the concept of identity matrix as a combination of “self-images” integrated into the “self-concept”. In the city, a person definitely has more identities and “self-images”. With all the “fluidity,” as they say now, of the given categories, they are present; and the ones to which significance and meaning are attached in the matrix, naturally, avoided levelling and have potential. Thus, according to the study, civil identity has high potential (Fig. 2).

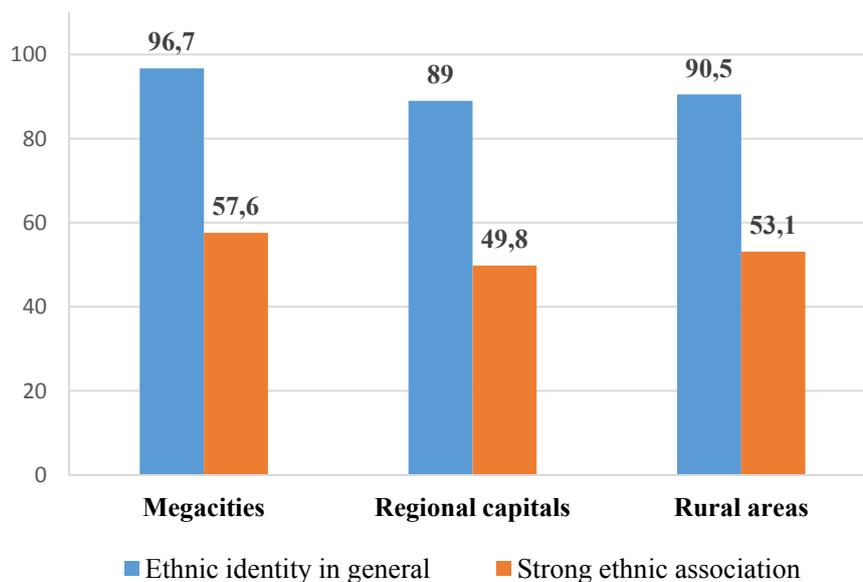

Figure 1. Ethnic identity in settlements of different types (proportion of respondents who answered that they feel a connection to people of the same nationality, as a percentage of respondents)

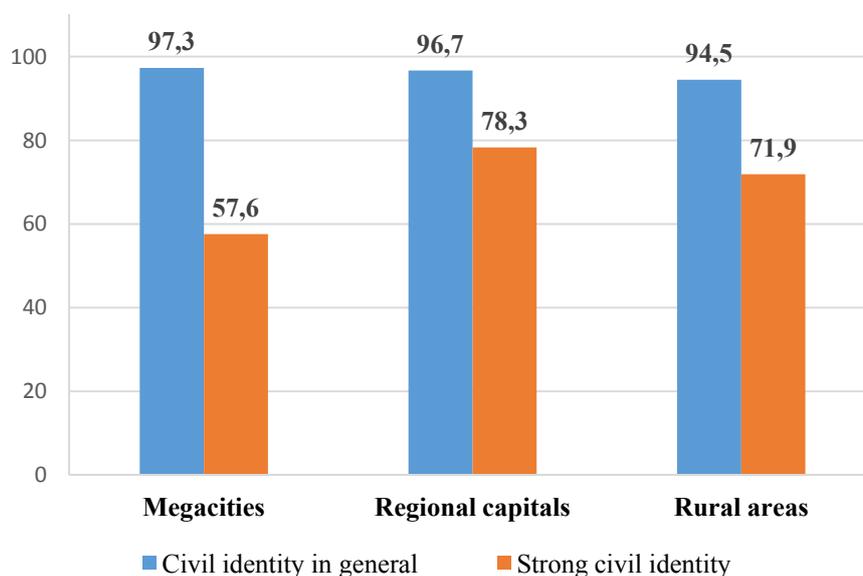

Figure 2. Civil identity in settlements of different types (proportion of respondents who answered that they feel a connection with the citizens of the country, as a percentage of respondents)

Civil identity should be stronger in comparison with ethnic identity in the city, but the given hypothesis is not confirmed in a straightforward manner. In regional cities, both civil identity in general and the share of people with a significant urban identity are indeed slightly larger than in rural areas. However, in megacities there are

slightly fewer people for whom civil identity is significant and strong – 58% versus 72% in rural areas. Overall, civil identity in cities and villages does not differ significantly between people, and ethnic identity in cities is even slightly higher. Why? To answer this question, we have to make assumptions which need to be tested.

Naturally, in cities, and particularly in metropolises, there is a larger proportion of educated people, who are included in the global Internet space (Fig. 3).

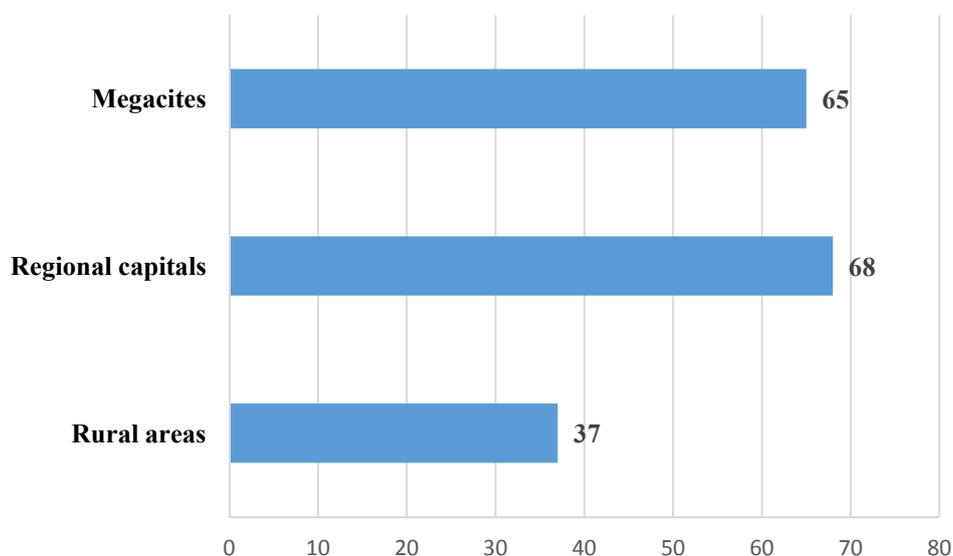

Figure 3. Distribution of answers to the question about the use of computers (as a percentage of respondents)

They critically evaluate categorical prescriptiveness, are able to apply a stricter filter to stereotypical ideas (such as “we are all people of such and such nationality”, “we are citizens”); they are more prone to identifying themselves with different communities dynamically (their identity matrix is more versatile and more flexible). If today a person acts more as a member of a professional community, tomorrow he or she is a supporter of a political movement, the day after tomorrow – a citizen, etc. Every time the place and meaning of the identities which interest us – ethnic, civil, each of which is associated with interethnic relations – can change. For example, let us say, today, a person acts as a businessman who does not need country or republic borders; and tomorrow he understands that the country or the territory where he lives is losing resources, and he begins to think through actions from the point of view of a representative of certain people and the country as a whole.

Ethnic identity, despite the traditional nature of its presence among people, is fluid in its significance, particularly in cities – metropolises and regional capitals. It would seem that it is supposed to be calmer here, less relevant. After all, the number of high-achieving people in large cities is higher (Table 1).

Table 1

Self-assessment of the qualities of economic success. Distribution of answers to the question “Do you relate or not relate to the following statement: ‘It seems to me that I have few qualities which are valued in the present-day economic situation’?” (as a percentage of the number of respondents)

	Russia as a whole	Moscow	Saint Petersburg	Krasnodar
Agree	46.3	42.4	43.0	48.2
Do not agree	41.7	50.3	46.0	45.3
Neither agree nor disagree	12.1	7.3	10.6	6.5

In large cities, there are more residents who are satisfied with their labour compensation (Table 2).

Table 2

Degree of satisfaction with wages in Russian regions. Distribution of answers to the question “How satisfied or dissatisfied are you with the payment for your work?” (as a percentage of the number of respondents)

	Russia as a whole	Moscow	Saint Petersburg	Krasnodar
Satisfied	21.6	34.7	22.9	19.1
Both satisfied and dissatisfied	17.4	13.9	20.3	17.0
Not satisfied	59.3	50.2	53.4	61.7

Judging by the results of the surveys in Moscow, life satisfaction makes an impact on identity. Among those who are satisfied with life, there are more people who often feel like Russian nationals and fewer people who feel connected to representatives of their own nationality (Table 3).

Table 3

Updated ethnic and Russian identities in groups with different degrees of life satisfaction (as a percentage of the number of respondents)

I often feel unity with people...	Satisfied with life (among the employed)	Unsatisfied with life (among the employed)
We are citizens of Russia	60.9	49.3
We are people of a certain nationality	48.3	73.3

It must be said that in cities not many people have personally encountered the kind of problems which can be interpreted as infringements based on national origin: 96% have not encountered infringements of rights based on ethnic origin when apply-

ing for a job or a school; 85% did not feel discriminated against in everyday life, even though it is in shops and public transport where citizens of different ethnicities usually come into contact with each other and it is the area with the least social control.

All positive conditions are present. Nevertheless, specifically in cities, and even more often in megacities, we observe people who feel the need for ethnic solidarity (Fig. 4) and have negative attitudes towards people of a different national origin (Fig. 5).

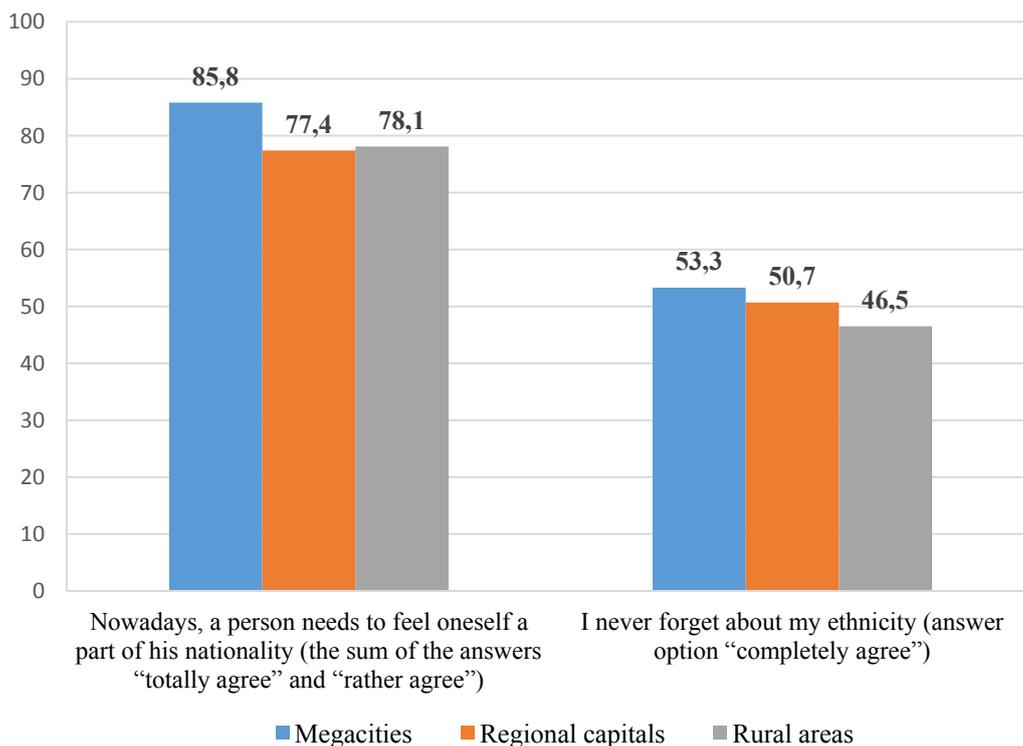

Figure 4. Solidaristic tendencies (based on the results of the project "20 years of reforms through the eyes of Russians") [2].

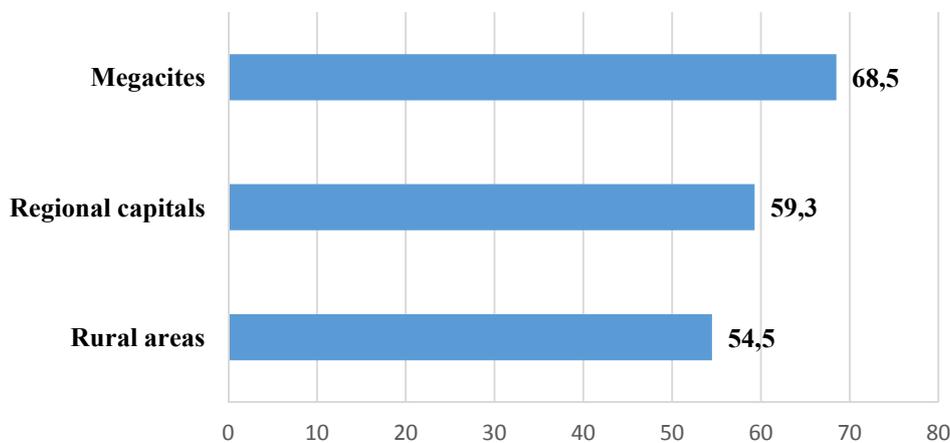

Figure 5. Irritation and hostility towards representatives of other nationalities (based on the results of the project "20 years of reforms through the eyes of Russians") [2]

Moreover, on the account of megacities, this negative tendencies in Russia (68%) is higher than in a number of republics, in particular in Tatarstan, Bashkortostan, and the Republic of Sakha (Yakutia) (14–37%). Research among the student youth in the regions showed different results compared with the general population. Most of all, hostility towards people of other ethnicities is expressed in Mordovia (24%); in the Penza region, and Tatarstan – 22% each; in Bashkortostan – only 7%.

A study conducted among the student youth in the Volga region showed the following: only 8% feel hostility towards people of other national origin; 75% do not feel hostility; 7% find it difficult to answer. Distribution by nationality: among Russians, 19% feel hostility; among Tatars – 13%; among Mordvins – 28%; Bashkirs – 6%; among Russians 73% do not experience it, among Tatars – 80%, Mordovians – 72%, Bashkirs – 92%. Besides, if in the first year at university 29% feel hostility, then by the fifth year only 13% of students with such attitudes remain. Students from rural areas also experience greater hostility towards people of other nationalities compared to people from large cities (24% versus 16%, respectively). Thus, it can be concluded that the student youth are more tolerant of other nations than the older generation.

Studies show that interethnic tension in recent years has been associated mainly with the influx of foreign migrants. 63% of respondents approve of the forced eviction of migrants from megacities, almost half as much in regional centers and villages (Fig. 6).

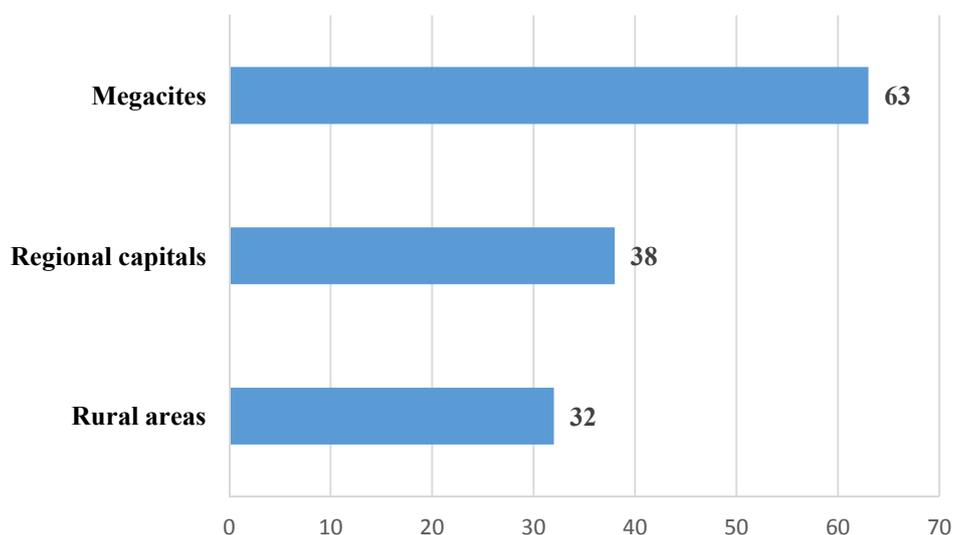

Figure 6. Attitudes towards forced eviction of migrants (as a percentage of respondents)

It often concerns people who came from the republics of Central Asia and Transcaucasia. It is a known fact that Russia is not alone in anti-migrant sentiments. According to the data of the European Social Survey (ESS), 22% of the respondents

in the Russian Federation agree with the opinion that “no migrants are to be allowed to enter the country” (21.7%). In the following countries the data on this marker in 2010 was higher than in Russia: Israel (33.3%), Hungary (32.1%), Czech Republic (24.4%), and Portugal (22.6%).

However, we must admit that it is in cities, and particularly in metropolises, where negative attitudes are often considered to be xenophobia.

From the data of the survey which examines the attitude of Muscovites towards immigrants, it can be observed that people who attach less importance to the ethnicity of others are more tolerant, including their attitude towards immigrants, and are less likely to support ideas of advantages for themselves compared to people of other nationalities. Attitudes toward, for example, immigrants are simply transferred to all “others”, including people of other national origin. However, xenophobia, a fear of the other, is far from a purely psychological, spontaneous reaction. We have observed how such attitudes are fueled both during election campaigns and when it is necessary to shift attention from other events that are unpleasant for people. This kind of xenophobia is formed and launched by political technologists (Fig. 7).

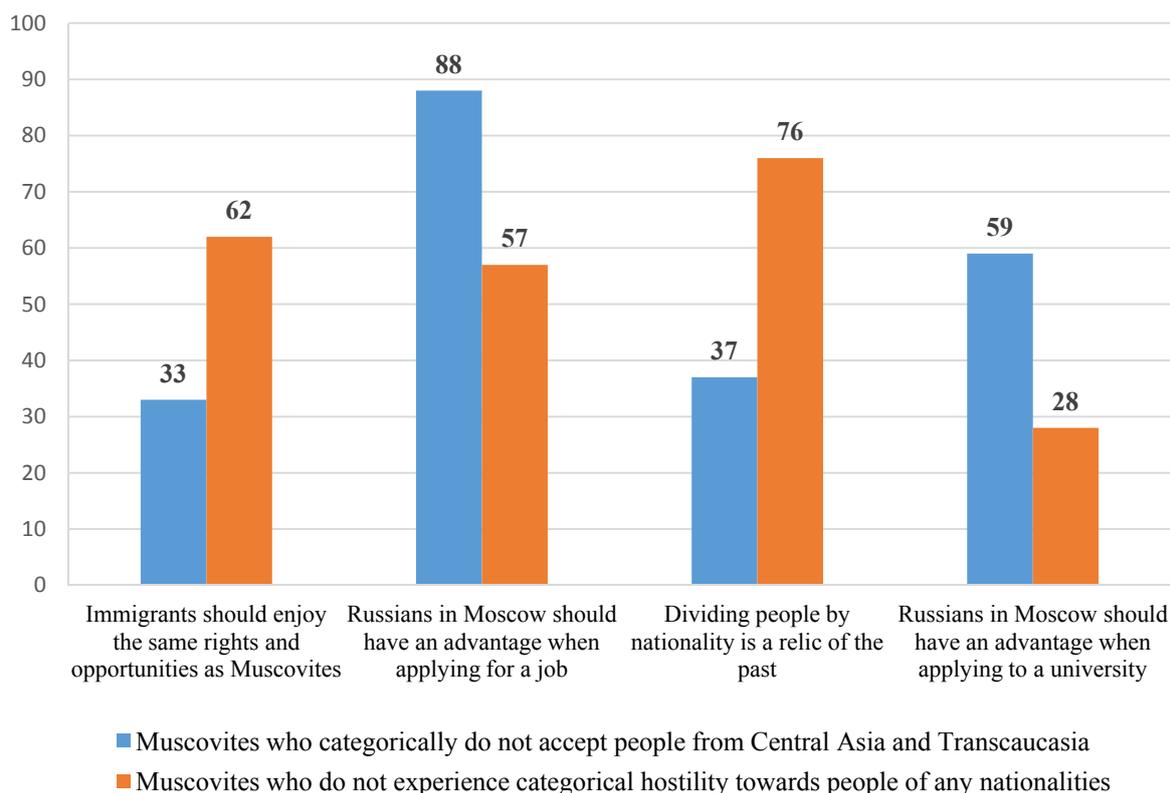

Figure 7. Level of ethnocentrism among people with different degrees of tolerance (proportion of those who agree with the statements, as a percentage of respondents)

Therefore, people in megacities allow violence and are characterised by stricter forms of ethnic protection (Fig. 8).

Over 80% of the population in Moscow and up to 90% of the population in other cities (primarily regional) believe that violence is unacceptable in interethnic conflicts. However, if “justice for my people” is violated, then violence is considered acceptable by 60% of city residents in megacities, 36% in regional centers, and 48.7% in villages. “Any means are good to protect the interests of my people”, half of citizens in megacities believe (Fig. 8).

These negative attitudes extend to the political sphere (Fig. 9).

In cities, and particularly in metropolises, there are fewer people (Russians dominate in our all-Russian study in Moscow) who maintain the following idea: “Russia is the common home for many peoples with equal rights”. In 1994, according to national surveys, that number amounted to 65%, now it is 42%, and in megacities – 50%. While 40% in megacities and 32% in regional cities believe that Russians should have more rights. It is no coincidence that the most noticeable Russian marches take place in megacities. Their organizers expect to find the support of so-called soft nationalists.

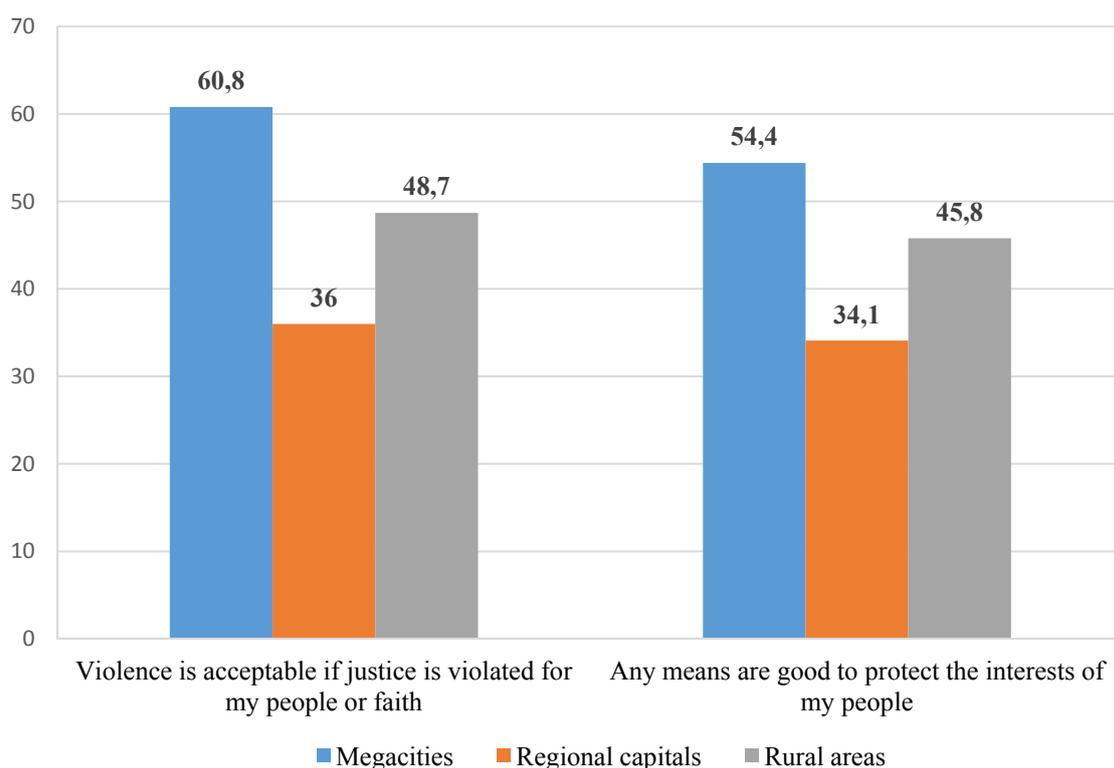

Figure 8. Strict ethnic protective forms of isolationism (based on the results of the project “20 years of reforms through the eyes of Russians”, the total of those who fully and most likely agree).

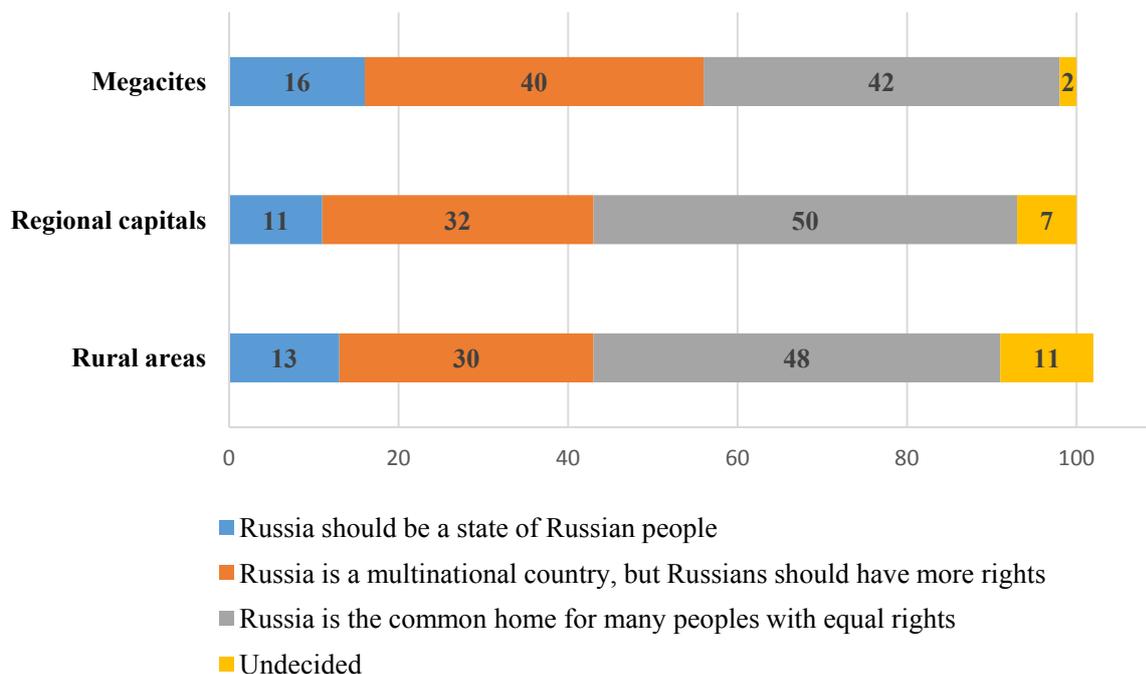

Figure 9. Opinions of respondents from different types of settlements about what the national structure of the Russian state should be (as a percentage of respondents)

At the same time, in the capitals of the Russian republics, there are supporters of the opinion that titular nationalities should have advantages in the republics, although the proportion of people with such ethnocentric attitudes, for instance, in Kazan, Ufa, and Yakutsk, is noticeably smaller than in megacities.

Thus, cities, particularly megacities, are territories not only for the formation of civil and ethnonational ideas and projects, but also the most important fields of ethnopolitical interactions that require the attention of the public, including the academic community.

At present, in Russia as a whole, and particularly in Moscow, order with the immigration influx is set to be restored. These are essential projects. The future will show to what consequences the mechanism for implementation of such measures will lead. However, for now, we as researchers can say that the importance of the role of increased contact with migrants of foreign nationalities should not be exaggerated. In our study in Moscow, two districts have been singled out: Veshnyaki, with high ethnic contact with migrants, and Otradnoye, where such contact is less frequent. Nonetheless, the reaction of Muscovites to the influx of visitors in these areas turned out to be closely approximated (Fig. 10).

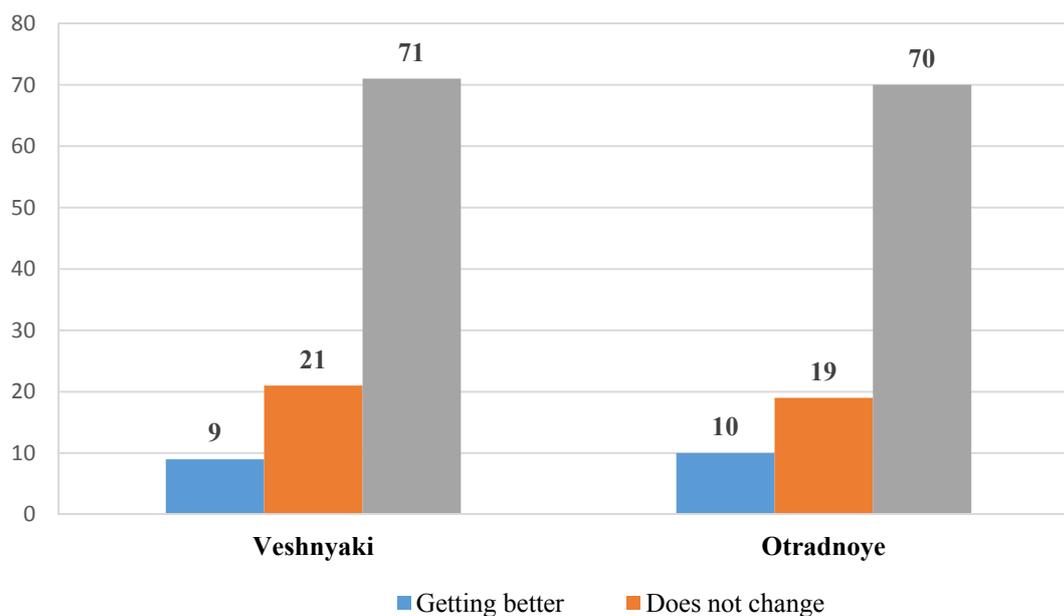

Figure 10. Attitude to the migration situation in Moscow (as a percentage of respondents)

In both Veshnyaki and Otradnoye, 70% of Muscovites shared the opinion “Moscow is getting worse with the influx of visitors,” and the opinion that it is “getting better” was also practically the same (10–12%). It means that “migrant phobia is rather a virtual phenomenon, which relates to images circulating in the information environment” formed by the mass media. In Veshnyaki, 28% of Muscovites agreed that Moscow should accept migrants because it needs workers; in Otradnoye, 9% agreed with this opinion, i.e. those who have more contacts turned out to be more tolerant. Obviously, due to more frequent contacts in such areas as Veshnyaki, there is a greater theoretical possibility of conflicts; at the same time, a stronger degree of adaptation, a feeling of certain benefits from migrants are observed.

In urban areas, clashes are most likely to occur in the event of problematic situations which are related to access to property or struggling for it, for the use of official positions, which is in the nature of conflicts.

Upon reflection on the latest data from representative studies, we find more and more evidence that not cultural differences themselves, but the meanings that we attach to them shape the nature of interpersonal relationships. Space that is fragmented according to various characteristics is especially typical of cities and metropolises; it encourages us to consider a maximally possible number of factors, specifically for each space, including the space within cities.

For instance, unlike in the past, we cannot say that education significantly fragments attitudes toward interethnic contacts. Ethnic negativism in some locations diminishes among people with higher education, while in others it has very little to do with the level of education and, even more broadly, with cultural outlooks.

Previously, satisfaction with labour compensation and work in general, as a pattern, used to be associated with tolerance, but nowadays – not everywhere and not always. Related to it in cities is, for example, satisfaction or dissatisfaction with “one’s affairs in life” with an assessment of what one has lost or gained over the past 15–20 years. Those who believe that they have lost a lot are more irritated by their foreign ethnic environment.

Unfulfilled hopes, as well as irritation from corruption and injustices in life, are projected onto the sphere of interethnic relations. Moreover, each factor in conjunction with others “works” differently in each locality.

Transl. by D.R. Sharifullina

Перевод на англ. Д.Р. Шарифуллиной

REFERENCES

Pokrovskiy N.E. (2001) Transit of Russian values: unrealized alternative, anomie, globalization. In: *Globalisation. Post-soviet society*. Moscow: Stovi Publ.: 39–60 (In Russ.)

20 years of reforms in the eyes of Russians: experience of long-term sociological observation (2011). M.K. Gorshkov, R.Krumm, V.V.Petukhov (eds.). Moscow: Ves’ Mir Publ. (In Russ.)

ЛИТЕРАТУРА

Покровский Н.Е. Транзит российских ценностей: нереализованная альтернатива, anomie, глобализация // Глобализация. Постсоветское общество. М.: Стوفي, 2001. С. 39–60.

20 лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. *М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова*. М.: Весь Мир, 2011.

Сведения об авторе: Дробижева Леокадия Михайловна (1933–2021), профессор, доктор исторических наук

About the author: Leokadiya M. Drobizheva (1933–2021), Professor, Doctor Sc. (History)

Сведения об авторе перевода: Шарифуллина Дилара Рашитовна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); e-mail: dilara.ksu@gmail.com

About the translation author: Dilyara R. Sharifullina, Cand. Sc. (Philology), Kazan (Volga region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russian Federation); e-mail: dilara.ksu@gmail.com

**ПОЛИЭТНИЧНЫЙ ГОРОД:
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ МНОГООБРАЗИЕМ
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ОЦЕНКАХ ГОРОЖАН**

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.349-360>

**Городское межэтническое сообщество
в объективе государственной национальной политики**

Ю.В. Попков

Институт философии и права

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Российская Федерация

yuripopkov54@mail.ru

Резюме. Автор, опираясь на теоретические и эмпирические наработки представителей новосибирской научной этносоциологической школы по этносоциальной проблематике, актуализирует и развивает их в аспекте особого акцента государственной национальной политики на городах. В существующих доктринальных документах, которые имеют серьезные концептуальные ограничения и пробелы по базовым вопросам, такого акцента нет, хотя именно города сегодня задают доминирующие тенденции этносоциальной динамики общества и одновременно концентрируют в себе наиболее острые проблемы в сфере межнациональных отношений и национальной политики. Обосновывается необходимость выработки и реализации на практике эффективной интеграционной национальной политики на разных уровнях организации общества, включая его региональный и локальный масштаб. Осуществление данной задачи связывается с рассмотрением города в качестве межэтнического сообщества, которое складывается в ходе локализованных этносоциальных процессов и которое предложено воспринимать как комплексный объект национальной политики на муниципальном уровне. В отличие от распространенного на Западе термина «полиэтническое сообщество», понятие «межэтническое сообщество», по мнению автора, отражает не просто наличие некоторой совокупности этномаркированных субъектов и различие их позиций в конкретном социокультурном пространстве, но и определенный уровень их взаимообусловленности и интегрированности. Выделяются противоречивые общие закономерности функционирования города под влиянием миграционных процессов, имеющие проекции в современность. Фиксируются особенности Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска, разработанной с участием автора и принятой в качестве нормативного документа по реализации государственной национальной политики в самом крупном муниципальном образовании России. Делается вывод о том, что для создания эффективного механизма управления этносоциальным развитием городского межэтнического сообщества, как и муниципальных образований вообще, требуется расширение полномочий местных органов власти и создание реальных институциональных, правовых, административных, финансовых и кадровых возможностей.

Ключевые слова: этносоциальные процессы, город, межэтническое сообщество, национальная политика, Новосибирск, новосибирская научная этносоциологическая школа.

Для цитирования: Попков Ю.В. Городское межэтническое сообщество в объективе государственной национальной политики. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №3. С. 349–360. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.349-360>

Urban interethnic community through the lens of state national policy

Yu.V. Popkov

Institute of Philosophy and Law

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

yuripopkov54@mail.ru

Abstract. Relying on the theoretical and empirical developments of representatives of the Novosibirsk scientific ethnosociological school on ethnosocial issues, the author updates and develops them in the aspect of the special emphasis of the state national policy on cities. In existing doctrinal documents, which have serious conceptual limitations and gaps on basic issues, there is no such emphasis, although it is cities today that set the dominant trends in the ethnosocial dynamics of society and at the same time concentrate the most pressing problems in the sphere of interethnic relations and national politics. The necessity of developing and implementing in practice an effective integration national policy at different levels of social organization, including its regional and local scale, is substantiated. The implementation of this task is associated with considering the city as an interethnic community, which develops in the course of localised ethnosocial processes and which is proposed to be perceived as a complex object of national policy at the municipal level. In contrast to the term “multi-ethnic community”, which is common in the West, the concept of “inter-ethnic community”, according to the author, reflects not only the presence of a certain set of ethnically marked subjects and the difference in their positions in a specific socio-cultural space, but also a certain level of their interdependence and integration. The contradictory patterns of city functioning under the influence of migration processes, which have projections into modern times, are highlighted. The features of the Concept of sustainable ethno-social development of the multinational community of the city of Novosibirsk, which was developed with the participation of the author and adopted as a regulatory document for the implementation of state ethnic policy in the largest municipal formation in Russia, are recorded. It is concluded that in order to create an effective mechanism for managing the ethnosocial development of the urban interethnic community, as well as municipalities in general, it is necessary to expand the powers of local authorities and create real institutional, legal, administrative, financial and personnel capabilities.

Keywords: ethnosocial processes, city, interethnic community, national policy, Novosibirsk, Novosibirsk scientific ethnosociological school.

For citation: Popkov Yu.V. (2024) Urban interethnic community through the lens of state national policy. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 3: 349–360. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.349-360> (In Russ.)

Если задать вопрос о том, уделяется ли какое-то внимание городу как особому объекту и выделяется ли он в качестве значимого локуса в системе современной российской национальной политики, то на него следует ответить отрицательно. В существующей Стратегии государственной национальной политики РФ¹ (далее – Стратегия) нет акцента на городах, несмотря на то, что это было бы чрезвычайно важно сделать в силу особой роли городов, городских сообществ в определении доминирующих тенденций развития современных этносоциальных процессов в стране, состояния межнациональных (межэтнических) отношений, а также по той причине, что именно в городских поселениях концентрируется большинство проблемных зон, подпадающих под регулирующее воздействие данного направления внутренней политики государства.

Как можно объяснить этот факт (отсутствие акцента на городах и этносоциальных процессах)?

Думаю, что одна из причин – заложенная в основание данного доктринального документа парадигмальная составляющая. Вслед за переводом России после распада СССР на рельсы западной модели социально-экономического и политического развития, такой поворот (точнее даже переворот) произошел и в области научных исследований этнического феномена, а также концептуальных оснований государственной национальной политики. В обобщенном виде суть переворота состоит в отрицании отечественных научных традиций в рассматриваемой сфере и в навязывании конструктивистских методологических ориентаций. В концентрированном виде это проявилось в переходе от представлений об этносе и этносоциальных процессах как объективном явлении общественной жизни (а также объекте наук об этническом феномене) к этничности, которая в конечном счете сводится, как правило, к идентичности (Попков, 2023).

Такой подход заложен и в Стратегии (более точно его можно назвать либерально-конструктивистско-инструменталистским). Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно прочитать текст документа и вникнуть в содержание основных понятий, используемых в нем. Так, многонациональный народ Российской Федерации отождествляется с российской нацией и рассматривается как сообщество граждан, обладающих одной качественной характеристикой – гражданским самосознанием. А народы, национальности, этнические общности (видимо, они рассматриваются как тождественные) – это «национальный и этнический состав населения Российской Федерации, образующий этнические общности людей, свободно определяющих свою национальную и культурную принадлежность»². По сути, и российская нация, и народы, и этнические общности представляются здесь как проявление идентичности. Э.А. Паин дает сле-

---

¹ Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812070007> (дата обращения: 03.03.2024).

² Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703.

дующую оценку этого доктринального документа в его исходном варианте: Стратегия «эkleктична, и она не политологичная в принципе, то есть она вырвана из контекста определенной политической системы и рассматривает нацию как вообще некое благое пожелание» (Паин, 2013: 32).

При всем при этом теоретико-методологические проблемы в рассматриваемой сфере порой трактуются довольно узко и упрощенно. Так, В.Ю. Зорин в одной из своих публикаций выделяет в рамках национальной политики единственный концептуальный вопрос, в качестве которого называет концепт единой российской нации (трактуемой в гражданско-политическом смысле). Он воспринимает его в виде «серьезной идеологической инновации» и считает «прорывным направлением в отечественной политологической мысли» (Зорин, 2019: 334). Реализация данного концепта, включая его активную пропаганду, рассматривается как важный ресурс формирования гражданского единства и целостности России.

Однако если учитывать то, какое содержание вкладывается в концепт российской нации, представленный в том числе в Стратегии, возникает много дополнительных важных вопросов как концептуального, так и практического плана в контексте задач реализации эффективной государственной национальной политики. Мне уже приходилось неоднократно писать на эту тему, выделяя, в частности, такие вопросы, заслуживающие своего внимания и серьезной разработки: о методологической основе и объекте национальной политики; о ее базовых региональных моделях; о содержании и типологии этнокультурного разнообразия, а также его субъектах; об элементарных единицах национального единства; о содержании и приоритетах политики идентичности (Попков, 2019). Не останавливаясь здесь на них, обращусь непосредственно к проблеме, которая составляет предмет рассмотрения в данной статье.

Прежде всего стоит заметить, что формирование целостности России не должно ограничиваться проведением политики идентичности, пусть и подкрепленной мощной информационной поддержкой, но предполагает решение множества реальных экономических, социальных, культурных и политических проблем. Кроме того, крайне необходимым является также выработка и реализация на практике эффективной, по сути интеграционной, национальной политики на разных уровнях организации общества, в том числе региональном и локальном, особо выделяя, с учетом сказанного выше, городские поселения.

Другое важное замечание: отсутствие специального акцента на городах в государственных документах федерального уровня не значит, что у других структур в иерархии власти и у общества в целом не существует такой потребности. На самом деле она в настоящее время актуализируется. Причем особый акцент на городах проявляется в международном масштабе. Как отмечает О.В. Кузнецова, «национальная городская политика представляет собой относительно новое явление и продолжает формироваться в большинстве стран мира» (Кузнецова, 2021: 8). Правда, понятие «национальная» используется здесь автором не в этнокультурном, а в гражданском смысле, в том числе примени-

тельно к России. Поэтому в указанной статье, посвященной становлению национальной городской политики, она имеет в виду государственную (или федеральную) политику городов, не выделяя в ней этнокультурный аспект.

В отличие от этого монография О.И. Вендиной и Э.А. Паина прямо касается города как объекта и субъекта национальной политики (в традиционном для нашей страны с советских времен понимании понятия национального). Как отмечают сами авторы, они «меняют оптику исследования межэтнических отношений, перенося главный акцент с выявления степени их конфликтности на поиск сложившихся механизмов предупреждения конфликтов и взаимного приспособления», подчеркивая «необходимость корректировки российской национальной политики с учетом новой парадигмы «управления культурным разнообразием»» (Вендина, Паин, 2018: 2). Весьма ценными являются результаты анализа по итогам конкретного эмпирического исследования, проведенного в трех крупных российских городах с выделением особенностей управления культурным разнообразием, фиксацией противоречий и доминирующих механизмов взаимного «приспособления» разных этнических групп. Так, О.И. Вендина в данном контексте говорит по сути о, соответственно, трех моделях города: как коалиции коалиций; соперничества как способа поддержания межэтнического согласия и различающейся философии жизни основных групп влияния как фильтра восприятия действительности (Вендина, Паин, 2018: 64–154).

Л.М. Дробижеева в рамках обсуждаемой темы тоже ставила вопрос об управлении культурным разнообразием. Правда, она речь вела не о муниципальном, а региональном уровне власти применительно к республикам и анализировала уроки России 1990-х гг. с акцентом на имевшие место институциональные противоречия, а также насильственные конфликты (Дробижеева, 2021).

Серьезный *опыт научной диагностики и управленческой практики* в сфере городской национальной (этнонациональной) политики накоплен в самом крупном в нашей стране муниципальном образовании – *городе Новосибирске*. В обобщенном виде исследовательский и управленческий опыт представлен в нашей коллективной монографии «Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика», где отражены проблемы концептуального (теоретико-методологического) и методического плана, а также дана комплексная, применительно к Новосибирску, характеристика реальной этносоциальной ситуации и ее динамики с учетом существующих проблемных вопросов (Социокультурный мониторинг..., 2018).

Остановлюсь далее на наиболее важных моментах, имеющих прямое отношение к обсуждаемой теме.

Прежде всего следует сказать о такой важной концептуальной новации как *представление города в качестве межэтнического сообщества*. Данное понятие введено в научный оборот нашими коллегами (Мархинин, Удалова, 1996; Мархинин, Удалова, 2014), уточнено и конкретизировано в упомянутой монографии и других работах представителей новосибирской научной этносоциологической школы. Каковы его существенные характеристики?

Под межэтническим сообществом мы понимаем исторически сложившуюся социокультурную общность взаимодействующих этнических групп, занимающих определенные социальные ниши в городском пространстве (однотипные позиции, роли, места). В свое время Р.Э. Парк, обращая внимание на важную роль не только географического, но и пространственного фактора, отмечал: «В обществе мы живем не только вместе, но в то же время по отдельности, и человеческие отношения всегда можно рассчитать с большей или меньшей точностью в терминах дистанции. Поскольку социальная структура может быть определена через позиции, социальные изменения можно описать в терминах движения» (Парк, 2006: 11).

Значимыми субъектами данного сообщества являются социально локализованные этнические группы, а также отдельные, наиболее активные представители этих групп, формальные и/или неформальные лидеры и авторитетные представители общественного мнения. При диффузном распределении представителей разных этнических групп, отсутствии выраженных этнической идентичности и социальных позиций вряд ли целесообразно говорить о системообразующих межэтнических отношениях. Таким образом, в рамках данного подхода город (муниципалитет) следует рассматривать через призму социальных (межэтнических) взаимодействий, система которых представляет целый комплекс возможных отношений этнических групп и их представителей: сотрудничества, соперничества, борьбы. В отличие от распространенного на Западе термина «полиэтническое сообщество», понятие «межэтническое сообщество», на наш взгляд, отражает не просто наличие различий позиций в социокультурном пространстве, но и определенный уровень интегрированности взаимодействующих субъектов (Социокультурный мониторинг..., 2018: 73–96).

Формирование, развитие и функционирование межэтнического сообщества в существенной мере определяются миграционными процессами и подчиняются действию определенных закономерностей. Анализ истории городов древности и средневековья позволяет выделить целый комплекс таких закономерностей в их социокультурной динамике, которые во многом являются универсальными, то есть действуют вплоть до современности, хотя и имеют особенности проявления. К числу таких закономерностей принадлежат: отсутствие демографической самодостаточности городов, что восполняется неизбежными миграционными потоками из других мест, из разных социальных и этнических групп; полиэтничность крупных городов, часто реализуемая в виде этнических кварталов (микрорайонов) и относительно обособленных общин, использующих поддержку «материнского» государства, в том числе в процессе анклавизации; возникновение у отдельных этнических групп мигрантов и их лидеров чувства превосходства по отношению к местному населению в ситуации неэффективного городского управления; постепенное укрепление статуса иммигрантской верхушки в экономической и политической структуре местного сообщества; обострение межэтнической напряженности в отношениях местного населения и мигрантов, а также разных групп последних между собой при воз-

никновении конкуренции за обладание различного рода ресурсами (Город в средневековой цивилизации..., 1999: 198–206, 221–250).

Еще один вопрос касается выделения конкретного объекта национальной политики в рамках самого города. Проблема объекта управленческого воздействия в федеральной Стратегии государственной национальной политики специально не обговаривается и не определяется не только применительно к городу, но и в отношении национальной политики в целом. Но можно предположить, что в качестве такового воспринимаются межнациональные (межэтнические) отношения, поскольку именно состояния этих отношений касается констатирующий раздел данного документа.

Как представляется, *объектом* и одновременно целостной единицей исследования и управленческого воздействия в русле *национальной политики на муниципальном уровне призваны выступать не только межнациональные (межэтнические) отношения, но и конкретные межэтнические (многонациональные) сообщества* в целом как некоторые интегрированные комплексные образования, исторически складывающиеся в ходе локализованных этносоциальных процессов, которые, в свою очередь, представляют собой результат межэтнических взаимодействий. Поэтому среди важных инструментов реализации национальной политики следует признать мониторинг не просто межнациональных и межконфессиональных отношений и предупреждения конфликтов, как об этом говорится в Стратегии, а мониторинг состояния и динамики межэтнического сообщества.

В указанной монографии дано подробное описание методологического и методического обоснования мониторинга межэтнического сообщества и предложена системы его конкретных показателей (Социокультурный мониторинг..., 2018: 155–160). Идея подобного мониторинга состоит в рассмотрении его не только как исследовательской, но и как управленческой практики – составной части механизма муниципального управления. Его реализация помогает отслеживать состояние, изменения и общую динамику этносоциальных процессов, решать текущие социальные проблемы, определять сценарии, выработать соответствующие управленческие модели.

В системе показателей мониторинга межэтнического сообщества важное место занимают *вопросы социального самочувствия представителей разных этнических групп*, которое мы рассматриваем в качестве комплексного индикатора состояния этносоциальной ситуации и качественной характеристики городского межэтнического сообщества, анализируемого сквозь призму восприятия его со стороны городских жителей. Режим мониторинга дает возможность отследить данные процессы в динамике, влиять на их ход и перспективу.

Характеристика социального самочувствия включает в себя выявление степени удовлетворенности представителей разных этнических групп отдельными сторонами жизни, значимости для них разных видов идентичности (гра-

жданской, региональной, городской, этнической) и удовлетворения этнокультурных потребностей, оценок состояния и динамики межэтнических отношений, отношения к мигрантам и др. Следует подчеркнуть тот факт, что среди составляющих социального самочувствия выделяются этнокультурные показатели. Они являются весьма значимыми для людей, особенно в ситуации, когда происходит ухудшение социально-экономического положения населения³.

Обобщенный в нашей монографии опыт аналитической и управленческой практики применительно к межэтническому сообществу города Новосибирска был положен (при дополнительном фокусированном исследовании) в основу разработки Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года, которая была принята Постановлением мэрии от 10.06.2020 г. № 1831 в качестве основного нормативного документа по реализации государственной национальной политики в самом крупном муниципальном образовании в России⁴ (автор был одним из главных разработчиков данного документа).

В чем состоит *оригинальность Концепции*?

Во-первых, она отличается уже самим названием. В нем четко обозначен объект регулирующего воздействия, и это не только межнациональные отношения, но и более широкое проблемное поле, а именно этносоциальные процессы (этносоциальное развитие), локализованные в рамках городского многонационального (межэтнического) сообщества как продукта взаимодействия не только отдельных людей, но и определенным образом консолидированных этнических групп, диаспоральных сообществ и т.п.

Во-вторых, в тексте Концепции обозначены и ее субъекты, то есть те, кто в той или иной степени являются акторами, ответственными (хотя и в разной степени) за ее реализацию: органы управления города и его районов, структуры гражданского общества (национально-культурные автономии, другие общественные организации, в повестке деятельности которых присутствует этническая или межэтническая проблематика), районные муниципальные учреждения, коммерческие организации, оказывающие услуги социального или культурного характера, местные средства массовой информации, научное и экспертное сообщество города). Таким образом, предусматривается активное привлечение для реализации национальной политики более широкого круга учреждений и организаций при одновременном обозначении их ответственность за эту работу.

---

³ Значимость этнокультурных показателей в исследовании социального самочувствия убедительно показана Е.Г. Маклашовой на примере коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) (Маклашова, 2023).

⁴ О Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года: Постановление мэрии города Новосибирска от 10.06.2020 № 1831 (В редакции, введенной постановлением мэрии от 05.05.2021 № 1423). URL: <https://docs.cntd.ru/document/465737610> (дата обращения: 15.03.2024).

В-третьих, она отличается от многих других аналогичных документов не только названием, но и четкой фиксацией реальных проблем, существующих в рассматриваемой сфере, в том числе применительно к разным локусам социокультурного пространства города.

В-четвертых, настоящий документ согласуется со Стратегией социально-экономического развития города Новосибирска на период до 2030 года (по сути рассматривается как часть механизма ее реализации), которая является общим основополагающим документом стратегического планирования на муниципальном уровне.

Кроме того, в Концепции зафиксированы установки, отражающие возможности благополучного функционирования межэтнического сообщества: а) сохранение устойчивого единства социокультурного пространства города в ситуации этнокультурного разнообразия; б) воспитание чувства взаимного уважения к культурам разных народов с доминантой традиций коренного, местного населения; в) невозможность достижения благополучия отдельной этнической группы без общего благополучия городского сообщества (что определяет их взаимную зависимость и взаимную ответственность); г) необходимость активизации потенциала каждого этнокультурного сообщества в интересах общего благополучия и использование потенциала города для благополучия отдельных этнических групп.

Важной представляется также *фиксация акцентов, требующих учета в муниципальной управленческой практике:*

неоднородность городского этнокультурного пространства;

взаимозависимость развития и благополучия местных и приезжих жителей;

неоднородность мигрантов («старые» и «новые» мигранты) с различающимися проблемами, потребностями и устремлениями;

нуждающееся в применении разных технологий работы разведение процесса адаптации приезжего населения к среде и его адаптации к городскому сообществу;

особое внимание к группам, локализованным по этническому признаку (противодействие анклавизации);

необходимость выделения и работы с целевыми группами.

Принципиально значимой установкой является ориентация на то, чтобы проблемы мигрантов решались в системном единстве с решением проблем местного населения, которое (в том числе этническое большинство) испытывает острую потребность в адаптации к новой этносоциальной ситуации, связанной с миграционными процессами. Особого внимания требуют также школы с многонациональным составом учащихся.

В заключении стоит обратить внимание на две важные проблемы. Во-первых, установка федеральной власти в отношении вопросов национальной политики применительно к муниципальному уровню управления за последние

два десятилетия претерпела существенную трансформацию: от фактического запрета на эту деятельность, что зафиксировано в исходном варианте Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», до повышенной ответственности местных органов власти за реализацию национальной политики в настоящее время. Во-вторых, следует констатировать, что сейчас местные (муниципальные) власти оказались в зоне высокой ответственности за реализацию национальной политики при недостаточной проясненности необходимых для этого институциональных, правовых, административных, финансовых, кадровых и других возможностей. До сих пор они остаются по сути не вполне определенными и явно недостаточными. Их изыскание во многом ложится на плечи самих муниципалитетов, и далеко не каждый из них может успешно справиться с возникающими серьезными трудностями.

Поиск возможных путей решения обозначенных проблем является весьма актуальным, что осознается на самом высоком уровне государственного управления. Остается надеяться на решение обозначенной 15 января 2020 г. в Послании Президента РФ к Федеральному Собранию задачи: «полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти – могут и должны быть расширены и укреплены»⁵. К сожалению, текст законопроекта № 40361–8 от 16.12.2021 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (который уже более двух лет находится в ситуации обсуждения), на наш взгляд, не способствует решению такой задачи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Вендина О., Паин Э. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018.

Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма / отв. ред. *А.А. Сванидзе*. М.: Наука, 1999.

Дробижева Л.М. Опыт 1990-х гг. и управление культурным многообразием // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 49–61.

Зорин В.Ю. Концептуальные основы государственной национальной политики в постсоветской России // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред.: *М.Ю. Мартынова*. Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 334.

---

⁵ Послание Президента Российской Федерации от 15.01.2020 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148/page/1> (дата обращения: 15.03.2024).

Кузнецова О.В. Становление национальной городской политики в России в контексте европейского опыта // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 4. С. 7–20.

Маклашова Е.Г. Социальное самочувствие коренных малочисленных народов Севера: к вопросу о методологии изучения (на материалах республики Саха (Якутия)) // *Respublica Literaria*. 2023. Т. 4. № 2. С. 59–75.

Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12. Вып. 1. С. 70–78.

Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур: (по материалам социологического исследования в районах традиционного северного природопользования коренного национального и русского старожильческого населения Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск: Наука, 1996.

Паин Э.А. Вопросы реализации стратегии государственной национальной политики РФ в системе государственного управления // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2 (21). С. 31–35.

Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Том 5. № 1. С. 11–18.

Попков Ю.В. «Почва» в этничности: традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизмом (постановка проблемы) // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 137–153.

Попков Ю.В. Государственная национальная политика России: проблемы и концептуальные лакуны // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019 Т. 15. № 3. С. 345–366.

Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / под. ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018.

REFERENCES

Vendina O., Pain E. (2018). *A multi-ethnic city. Problems and prospects of cultural diversity management in the largest cities*. Moscow: Sektor Publ. (In Russ.)

City in the medieval civilization of Western Europe. Vol. 1. The phenomenon of medieval urbanism. (1999) A.A. Svanidze (ed.). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Drobizheva L.M. (2021) Experience of the 1990s and management of cultural diversity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 8: 49–61. (In Russ.)

Zorin V.Yu. (2019) Conceptual foundations of state ethnic politics in post-Soviet Russia. In: M.Yu. Martynov (ed.) *The 13th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: a collection of materials*. Kazan. Moscow; Kazan: IEA RAS, KFU, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ.: 334. (In Russ.)

Kuznetsova O.V. (2021) The formation of national urban policy in Russia in the context of European experience. *Baltiyskiy region* [Baltic region]. Vol. 13, No. 4: 7–20. (In Russ.)

Maklashova E.G. (2023) Social well-being of indigenous peoples of the North: on the question of study methodology (based on materials from the Republic of Sakha (Yakutia)). *Respublica Literaria*. Т. 4. No. 2: 59–75. (In Russ.)

Markhinin V.V., Udalova I.V. (2014) Interethnic community as a sociocultural concept (statement of the problem). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy]. Vol. 12. Issue. 1: 70–78. (In Russ.)

Markhinin V.V., Udalova I.V. (1996) *Interethnic community: state, dynamics, interaction of cultures (based on materials from a sociological study in the areas of traditional northern environmental management of the indigenous national and Russian old-timers of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug)*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russ.)

Pain E.A. (2013) Issues of implementing the strategy of the state national policy of the Russian Federation in the public administration system. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy* [Issues of national and federal relations]. No. 2 (21): 31–35. (In Russ.)

Park R.E. (2006) Urban community as spatial configuration and moral order. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review]. Vol. 5. No. 16: 11–18. (In Russ.)

Popkov Yu.V. (2023) “Soil” in ethnicity: traditions of domestic ethnic studies as tested by “perestroyka” and postmodernism (statement of the problem). *Novye issledovaniya Tuvy* [The new research of Tuva]. No. 1: 137–153. (In Russ.)

Popkov Yu.V. (2019) State national policy of Russia: problems and conceptual gaps. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. [Political expertise: POLITEX]. Vol. 15. No. 3: 345–366. (In Russ.)

Sociocultural monitoring of the urban interethnic community: methodology, methods, practice. (2018) Yu.V. Popkov (ed.). Novosibirsk: NSTU Publ. (In Russ.).

Сведения об авторе: Попков Юрий Владимирович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (630090, ул. Николаева, 8, Новосибирск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1036-9253>; e-mail: yuripopkov54@mail.ru

About the author: Yuriy V. Popkov, Doctor Sc. (Philosophy), Professor, Chief Research Fellow at the Department of Social and Legal Research, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev St., Novosibirsk 630090, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1036-9253>; e-mail: yuripopkov54@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 06.04.2024

Доработана после рецензирования / Revised 24.04.2024

Принята к публикации / Accepted 15.05.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.361-372>

Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений в городах юга Тюменской области

Н.Г. Хайруллина

Тюменский индустриальный университет

Тюмень, Российская Федерация

nursafa@inbox.ru

Резюме. Тюменская область играет важную стратегическую роль среди российских регионов, оставаясь ведущим отечественным производителем нефти и газа на протяжении шести десятилетий. Сложный характер сегодняшнего внешнеполитического положения России ставит новые задачи перед обществом, органами власти, жителями страны в различных сферах жизнедеятельности, в частности, в области этноконфессионального развития и взаимодействия. Для оценки влияния проводимых мероприятий необходимо систематически проводить социологические исследования с учетом основных положений национальной политики государства. Примером таких исследований является мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений, осуществляемый с 2013 г. в российских регионах, в том числе в городах юга Тюменской области. Анкетные опросы, проведенные учеными Тюменского индустриального университета среди жителей двух провинциальных городов (Ялуторовск, Заводоуковск), позволили выявить позитивную динамику межнациональной и межконфессиональной ситуации в регионе. По итогам опросов, число жителей, положительно оценивающих отношения, складывающиеся между людьми различных национальностей и вероисповеданий, увеличилось за исследуемый период на 1–4 % и составило 90–95 %. Для сравнения в целом по стране такую оценку дают три четверти россиян. На отсутствие в отношении себя неприязни по признаку национальной и религиозной принадлежности указали 93,3–94,0% жителей указанных городов, за пять лет их доля возросла на 3,2–5,3%.

В ходе исследований формулируется вывод о том, что в провинциальных городах юга Тюменской области сложилась стабильная межнациональная и межконфессиональная ситуация, определяющая позитивную направленность в исследуемых сферах. На доброжелательность сложившихся взаимоотношений не оказывает влияние национальность и вероисповедание респондентов.

Ключевые слова: городское население, межнациональные отношения, межконфессиональные отношения, гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений, Ялуторовск, Заводоуковск.

Для цитирования: Хайруллина Н.Г. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений в городах юга Тюменской области. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №3. С. 361–372. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.361-372>

Sociological monitoring of interethnic and interfaith relations in the cities of the south of the Tyumen region

N.G. Khairullina

Tyumen Industrial University

Tyumen, Russian Federation

nursafa@inbox.ru

Abstract. The Tyumen region plays an important strategic role among Russian regions, remaining a leading domestic oil and gas producer for six decades. The complex nature of Russia's current foreign policy situation poses new challenges for society, authorities, and residents of the country in various spheres of life, in particular, in the field of ethno-confessional development and interaction. To assess the impact of ongoing activities, it is necessary to systematically conduct sociological research taking into account the main provisions of the national policy of the state. An example of such research is the monitoring of interethnic and interfaith relations, carried out since 2013 in Russian regions, including the cities of the south of the Tyumen region. Questionnaire surveys conducted by scientists from the Tyumen Industrial University among residents of two provincial cities (Yalutorovsk, Zavodoukovsk) revealed the positive dynamics of the interethnic and interfaith situation in the region. According to the survey results, the number of residents who positively assess the relationships that develop between people of different nationalities and religions increased during the study period by 1–4% and amounted to 90–95%. For comparison, countrywide, three-quarters of Russians give such assessment. 93.3–94.0% of residents of these cities indicated the absence of hostility towards them on the basis of nationality and religion; over five years their number increased by 3.2–5.3%.

In the course of the research, it is concluded that in the provincial cities of the south of the Tyumen region, a stable interethnic and interfaith situation has developed, which determines a positive direction in the areas under study. The goodwill of the existing relationships is not influenced by the nationality and religion of the respondents.

Keywords: urban population, interethnic relations, interfaith relations, harmonisation of interethnic and interfaith relations, Yalutorovsk, Zavodoukovsk.

For citation: Khairullina N.G. (2024) Sociological monitoring of interethnic and interfaith relations in the cities of the south of the Tyumen region. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 3: 361–372. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.361-372> (In Russ.)

Тюменская область является российским регионом, в котором гармонично проживают представители различных национальностей и вероисповеданий. При этом и в социально-экономической сфере он входит в тройку ведущих среди остальных российских субъектов. Эти и другие преимущества делают область привлекательной для трудовых мигрантов, в первую очередь из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и др. Последнее обстоятельство может выступить фактором социальной напряженности между людьми многочисленных национальностей, проживающих и прибывающих в регион. В условиях международных санкций, проводимой СВО вопросы борьбы за рабочие места, за участие в распределении финансовых потоков и др. уходят на второй план, но воп-

росы личной безопасности и утраты культурной самобытности представителей различных национальностей актуализируются с каждым годом. Для обеспечения гармоничного развития представителей различных национальностей и вероисповеданий, предупреждения конфликтов Комитет по делам национальностей Администрации Тюменской области с 2013 г. осуществляет социологический мониторинг ситуации в указанных сферах.

На юге Тюменской области мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений проводят ученые Тюменского индустриального университета под руководством автора данной статьи в рамках договоров на проведение научно-исследовательских работ между университетом и Муниципальным автономным учреждением культуры «Арт-Вояж» (МАУК «Арт-Вояж»), Автономным учреждением дополнительного образования муниципального образования Заводоуковский городской округ «Центр развития детей и молодежи» (АУ ДО «ЦРД и М»).

Отметим, что в южной части области расположены 5 городов, 26 муниципальных районов. В целях нашего исследования мы будем анализировать данные, полученные в двух провинциальных городах: Ялуторовск (численность населения около 40 тыс. чел.) и Заводоуковск (27 тыс. чел.). Первое упоминание о Ялуторовске встречается в 1659 г., статус города присвоен в 1782 г. Заводоуковск более молодой город, впервые о нем упоминается в 1729 г., а статус города он получил в 1960 г. В Ялуторовске в 1829–1856 гг. отбывали ссылку, находясь на поселении, декабристы М. Муравьев-Апостол, Е. Оболенский, И. Пущин, В. Тизенгаузен и др. Один факт, который вызовет интерес читателей: в 1935 г. И. Озолин нашел в доме М. Муравьева-Апостола, написанное и спрятанное в бутылку в 1849 г. письмо потомкам. Много лет спустя, И. Озолин, став директором первого в Советском Союзе музея, посвященного декабристам, сам написал письмо потомкам. Данное письмо замуровано в стене музея и ждет своих читателей в 2027 г. (с нетерпением ожидаем эту дату и планируем присутствовать на этом историческом мероприятии)¹. О названии Заводоуковска существует две версии: первая связана с созданием «завода на реке Ук». Согласно второй, в Сибири была распространена традиция создания специальных поселений («заводов») для отдыха каторжан, направляемых в ссылку.

Методика исследования

Объектом мониторинговых опросов стали жители, достигшие возраста 18 лет (и старше), проживающие в Ялуторовске и Заводоуковске. Важным условием отбора респондентов выступал фактор гражданства: на момент анкетирования они должны были иметь официальную регистрацию в указанных городах. Предметом мониторинга явилась ситуация в сферах межнациональных и межконфессиональных отношений.

---

¹ Письмо декабриста Муравьева-Апостола М.И. URL: <https://ar.culture.ru/ru/subject/pismo-dekabrista-muraveva-apostola-matveya-ivan> (дата обращения: 18.11.2023).

В исследовании, как было указано выше, применялся анкетный опрос. На каждом его этапе опрашивались 500 респондентов. Отметим, что объем выборочной совокупности формировался квотным способом, квотируемыми факторами для нас выступали пол и возраст населения обследуемых городов (табл. 1).

Таблица 1

Возрастная структура выборочной совокупности по годам, %

Возраст	Город / этап			
	Заводоуковск		Ялutorовск	
	2019	2023	2019	2023
до 20 лет	12	11	4	5
21–30 лет	22	20	20	17
31–40 лет	20	19	19	21
41–50 лет	18	16	21	21
51–60 лет	18	19	18	17
61 и старше	10	15	18	19

Задачи, ключевые показатели и индикаторы, вошедшие в анкету для массового опроса городского населения, представлены далее (табл. 2). Анкета включала четыре основных блока. Помимо двух задач, представленных в следующей таблице, изучалось социальное самочувствие городского населения, в том числе протестный потенциал горожан.

Таблица 2

Ключевые показатели и индикаторы

Задача	Показатель	Индикатор
Оценка межнациональной ситуации	Межнациональная ситуация	Национальная идентификация
		Оценка межнациональных отношений
		Симпатии и антипатии к людям различных национальностей
Оценка межконфессиональной ситуации	Межконфессиональная ситуация	Религиозная самоидентификация
		Оценка межрелигиозных отношений
		Симпатии и антипатии к людям различных вероисповеданий

Охарактеризуем национальную принадлежность участников опроса: большинство респондентов в исследуемых городах – русские, вторыми представлены в Ялуторовске татары и далее представители других национальностей (украинцы, армяне, азербайджанцы). Отметим, что в Заводоуковске численность татар вдвое меньше, чем в Ялуторовске, но немцев проживает больше в два раза (табл. 3). Выборочная совокупность соответствует сложившейся структуре населения исследуемых городов.

Таблица 3

**Распределение респондентов по национальности и языку,
который они назвали родным в 2021 г., %**

Национальность	Город	
	Ялуторовск	Заводоуковск
Русский/русская	77	78
Татарин/татарка	8	4
Украинец/украинка	2	2
Немец/немка	2	4
Армянин/армянка	3	2
Азербайджанец/азербайджанка	2	3
Другая	6	7

Обсуждение и результаты исследования

В ходе мониторинговых исследований участники оценивали ситуацию, сложившуюся между людьми различных национальностей, проживающих в Тюменской области в целом. Большинство респондентов (90,9%) – жителей Ялуторовска – в 2019 г. оценили ситуацию как совершенно или относительно спокойную (табл. 4). Только 4,1 % опрошенных признались, что ощущается некоторое напряжение в отношениях между людьми различных национальностей, а 5% затруднились ответить на указанный вопрос. Спустя четыре года, в 2023 г., количество позитивных ответов среди ялуторовчан увеличилось на 4,1%, соответственно уменьшилось число тех, кто ощущал некоторое напряжение, и затруднившихся ответить (в 2,5 раза). Среди жителей Заводоуковска результаты за указанный период, если сложить ответы «спокойная» и «совершенно спокойная», практически не изменились (число позитивных оценок горожан ситуации в межнациональных отношениях составило здесь в совокупности 89,1% в 2019 г. и 89,9% в 2023 г.; негативных – 6,3% и 6,6% соответственно). В то же время метод включенного наблюдения сформировал у автора статьи устойчивое представление о том, что социальные настроения жителей Заводоуковского городского округа зависят от происходящих изменений. Так, в ходе опроса летом 2023 г. мы выявили настороженность и раздраженность некото-

рых жителей, в частности работников аптек, торговых центров, пункта выдачи товаров, пекарни, которые наотрез отказались взаимодействовать с интервьюерами, ссылаясь на большое количество работы или отсутствие свободного времени. От интервью отказывались как женщины, так и мужчины в возрасте от 30 до 50 лет.

Таблица 4

Динамика оценки межнациональной ситуации в Тюменской области, %

Оценка ситуации	Жители			
	Заводоуковск		Ялуторовск	
	2019	2023	2019	2023
Напряженная	0	0	0	0
Некоторое напряжение	6,5	6,5	4	3
Спокойная	47	34	45,5	45
Совершенно спокойная	42	56	45,5	50
Затрудняюсь ответить	4,5	3,5	5	2

Несмотря на указанную ситуацию, в целом между представителями различных национальностей, проживающих в анализируемых городах, за последние пять лет укрепилась сложившаяся ранее стабильные, спокойные, доброжелательные и гармоничные взаимоотношения. Исследования автора, проведенные в сельских поселениях, расположенных вблизи указанных городов, показывают еще более позитивную направленность этих отношений: большинство жителей сельских поселений считают отношения между представителями различных национальностей совершенно спокойными (Хайруллина, Воробьев, 2010). В областном центре и в крупных городах Тюменской области данный показатель ниже: только две трети жителей оценивают межнациональную ситуацию как стабильную, совершенно спокойную. Исследования российских и региональных ученых подтверждают данный вывод. Например, анкетные опросы, проведенные в 2015–2022 гг. в Алтайском крае под руководством С.Г. Максимовой, выявили наличие конфликтов на национальной почве. Причем в городах края они происходили чаще, чем в сельских поселениях, и в форме хулиганских действий (драки, нападения, физическое насилие) (Максимова и др., 2022). В свою очередь, в Республике Хакасия исследования, проведенные И.Н. Трошкиной, также, как и в осуществленных нами опросах, зафиксировали позитивную направленность в межнациональных отношениях среди городских жителей. Если в 1996 г. нормальными их назвали почти три четверти жителей республиканских городов, то в 2021 г. – 89,5% (Трошкина, 2022).

При изучении отношений, складывающихся в российских регионах между представителями различных национальностей, исследователям важно понять,

чувствуют ли респонденты враждебность к себе со стороны инонационального населения, а также ощущают ли они негативные чувства к представителям инонационального населения (Конев, Ковров, 2021; Шаруха, Гуденкова, 2020). Как показали результаты опросов, проведенных в г. Ялуторовск и г. Заводоуковск, большинство их участников никогда не испытывали агрессию и неприязнь со стороны людей других национальностей (табл. 5). Только от 2% до 3,3% опрошенных признались, что им доводилось испытывать враждебное отношение представителей иных этнических групп. Из данных приведенной ниже таблицы (табл. 5) также видим, что наблюдаются позитивные изменения в ответах на данный вопрос. Причем вариант «никогда или практически никогда» не испытывал / не испытывала враждебность к себе от людей иных национальностей чаще отмечали ялуторовчане (в 2023 г. 93,0% и 91,5% соответственно). Позитивным моментом за анализируемый период стало и снижение числа респондентов, которые затрудняются с ответом.

Практически аналогично ответили опрашиваемые на вопрос, испытывали ли они сами чувство враждебности или неприязни к людям других национальностей. Отметим, что позитивное отношение к ним значительно превышает негативное в течении всего периода мониторинговых исследований, проводимых автором в городах и муниципальных районах юга Тюменской области (начиная с 2013 г.).

Таблица 5

**Динамика ответов о враждебных чувствах по отношению к себе
и в отношении инонационального населения, %**

Вариант ответа	Чувство враждебности к себе со стороны инонационального населения			
	Заводоуковск		Ялуторовск	
	2019	2023	2019	2023
Довольно часто	0	0	0	0
Редко	3,2	3,3	3	2
Никогда/ практически никогда	84,2	91,5	86	93
Затрудняюсь ответить	12,6	5,2	13	5
Вариант ответа	Чувство враждебности к инонациональному населению			
	Заводоуковск		Ялуторовск	
	2019	2023	2019	2023
Довольно часто	0	0	1	0
Редко	3,2	3,3	6,9	6
Никогда/ практически никогда	84,2	91,5	89,1	92
Затрудняюсь ответить	12,6	5,2	3	2

В начале 1990-х гг. исследования российских ученых зафиксировали рост интереса к религии, увеличение уровня религиозности населения страны, а в следующее десятилетие – усиление религиозной идентичности на мировоззренческом уровне. В ситуации актуализации этноконфессиональной проблематики особую значимость приобретают вопросы межконфессионального взаимодействия.

Исторически самым распространенным вероисповеданием в России является православие. Не является исключением и тюменский регион: православие лидирует среди всех других. О принадлежности к православию в 2019 г. заявили 61,7% и в 2023 г. 68,4 % жителей Заводоуковска. Среди жителей Ялуторовска такой выбор сделали 61,7% и 68,0% респондентов соответственно. Ислам – вторая по численности вероисповедная традиция в Тюменской области. Число приверженцев ислама составило от 4,0% до 10,0 % респондентов (табл. 6). Около десятой доли жителей не считают себя верующими. Фактор религиозной принадлежности мы измеряли через индикатор: считают ли себя верующими или нет участники опроса.

Таблица 6

Динамика религиозной принадлежности респондентов, %

Вероисповедание	Заводоуковск		Ялуторовск	
	2019	2023	2019	2023
Я не верующий (ая)	12,2	10,4	13	11
В Бога верю, но никакую религию не исповедую	11,4	8,8	11	10
Ислам	4	4,6	8,3	10
Православие	68,4	72,8	64,7	68
Католичество	4	4	2	2

Из данных, представленных в таблице, видно, что в 2023 г. 81,4% жителей Заводоуковска и 80% ялуторовчан самоопределились в качестве верующих. Для сравнения, в 2011 г. 84,4% татар и 83,7% русских, проживающих в городах Республики Татарстан, назвали себя верующими. Это данные этносоциологических исследований, полученных при участии Р.Н. Мусиной (Мусина, 2015). По материалам исследований у русских и у татар наблюдается рост уровня религиозного сознания, конфессиональной идентичности и солидарности.

Многолетние исследования автора позволяют выявить динамику численности религиозного населения юга Тюменской области. Так, в первой половине 2010 г. было проведено анкетирование среди татарского населения, проживающего в городах Тюмень, Тобольск, Ялуторовск и некоторых районах юга области (n=721). В 2010 г. мы зафиксировали среди татар уровень религиозности 61%. Этот показатель выше среднего российского показателя на 8%. Согласно данным всесоюзного опроса, проведенного в 2007 г. сотрудниками ИСПИ РАН,

средний уровень религиозности россиян составил 53% (Россия: центр и регионы, 2009). В ходе исследования был сформулирован вывод о размытости социально-демографического портрета религиозных и нерелигиозных татар юга области (Татары..., 2010). Городское население Алтайского края, по данным С.Г. Максимовой, О.Е. Ноянзиной, Д.А. Омельченко, проявляет большую веротерпимость, чем этническую толерантность (Максимова и др., 2022). Данный вывод подтверждается и нашими исследованиями, проведенными в сельских поселениях области: вопросы веры, проявления религиозности для сельчан не являются основаниями для межконфессиональной нетерпимости и разногласий.

Ситуацию, складывающуюся между людьми различных вероисповеданий, проживающих в Тюменской области, большинство жителей исследуемых городов оценили как относительно и совершенно спокойную. При этом за анализируемый период выявлена позитивная динамика в ответах респондентов. Только 1–1,9% участников опроса назвали ее напряженной. Некоторое напряжение в отношениях между людьми различных вероисповеданий ощущают менее десятой доли опрошенных (табл. 7).

Таблица 7

Динамика межконфессиональной ситуации в Тюменской области, %

Оценка ситуации	Жители			
	Заводоуковск		Ялуторовск	
	2019	2023	2019	2023
В высшей степени напряженная	0	0	0	0
Напряженная	1,9	1	1,9	1
Некоторое напряжение	9,4	7,9	8	7
Относительно спокойная	47	45	45,8	52
Совершенно спокойная	41,7	47,1	43,2	40

Закономерно, что в ходе опросов выявлены позитивные оценки в ответах городского населения. Практически никто не признался, что испытывал по отношению к себе враждебность со стороны людей других вероисповеданий и испытывал религиозную нетерпимость к людям иных вероисповеданий (табл. 8). Из представленных данных видно, что только 2–4,2% изучаемого городского населения чувствовали к себе неприязнь со стороны представителей иных вероисповеданий. В целом нами был отмечен рост позитивных тенденций в данном направлении. Так жители г. Ялуторовска, отвечая на данный вопрос, выбирали вариант «никогда или практически никогда» не испытывал / не испытывала к себе враждебных чувств со стороны представителей иных вероисповеданий в 2023 г. несколько чаще, чем в 2019 г. (94% против 90,8% соответственно). Аналогичные ответы получены и на вопрос, испытывали ли сами респонденты чувство неприязни к людям других вероисповеданий. Мониторинго-

вые исследования, проводимые нами более десяти лет в городах и населенных пунктах юга области, позволяют сформулировать вывод о позитивной направленности отношений, складывающихся между людьми не только различных национальностей, но и вероисповеданий.

Таблица 8

Динамика ответов о враждебных чувствах по отношению к себе и в отношении людей иных вероисповеданий, %

Вариант ответа	Враждебные чувства к себе от людей иных вероисповеданий			
	Заводоуковск		Ялуторовск	
	2019	2023	2019	2023
Довольно часто	0	0	1	0
Редко	3	3,3	4,2	2
Никогда/ практически никогда	88	93,3	90,8	94
Затрудняюсь ответить	4,2	3,4	4	4
Вариант ответа	Враждебные чувства к людям иных вероисповеданий			
	Заводоуковск		Ялуторовск	
	2019	2023	2019	2023
Довольно часто	0	0	1	0
Редко	6,7	3,3	5	3
Никогда/практически никогда	89	93,3	90,1	94
Затрудняюсь ответить	4,3	3,4	3,9	3

В ходе опросов, проведенных в 2023 г., никто не признался, что у них возникли негативные чувства к людям иных вероисповеданий очень часто. При этом эти чувства возникали редко среди 3,0–3,3% жителей исследуемых городов. Как видим из данных, представленных в таблице (табл. 8), большинство респондентов исследованных городов не испытывают негативные чувства к людям иных вероисповеданий.

Таким образом, на протяжении анализируемого периода в г. Заводоуковск и г. Ялуторовск мы зафиксировали доброжелательные отношения между людьми различных вероисповеданий, стабильную межконфессиональную ситуацию.

* * *

Многообразие национального состава населения Тюменской области в целом, а также провинциальных городов юга области в частности, исторический опыт взаимодействия представителей различных национальностей и вероисповеданий, проживающих на территории региона, определяют позитивную направленность в развитии межнациональных и межконфессиональных отношений.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Конев Ю.М., Ковров В.Ф. Межнациональные отношения: оценки учащейся провинциальной молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2021. № 4. С. 114–129.

Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Межрелигиозные и межнациональные отношения в приграничном регионе России: институциональные условия и межкультурный диалог // Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах / отв. ред. В.К. Левашов, Н.Г. Хайруллина. Тюмень: ТюмИУ, 2022. URL: <https://cloud.tyuiu.ru/index.php/s/rRhMe4c5Pxi5qi> (дата обращения: 15.03.2024).

Мусина Р.Н. Особенности этноконфессиональной ситуации в постсоветском Татарстане // Россия – Тюмень: векторы евразийского развития / под ред. В.К. Левашова, Н.Г. Хайруллиной. Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. С. 154–160.

Россия: центр и регионы. Вып. 21. М.: Серебряные нити, 2009.

Татары Тюменской области: история и современность / под ред. Н.Г. Самтарова, Р.Х. Насырова. Тюмень: Вектор Бук, 2010.

Трошкина И.Н., Тугузжекова В.Н. Диалог культур в контексте межэтнической коммуникации в Республике Хакасия // Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах / отв. ред. В.К. Левашов, Н.Г. Хайруллина. Тюмень: ТюмИУ, 2022. URL: <https://cloud.tyuiu.ru/index.php/s/rRhMe4c5Pxi5qi> (дата обращения: 15.03.2024).

Хайруллина Н.Г., Воробьев Е.М. Межэтнические отношения в Тюменской области: динамика и тенденции. Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.

Шаруха А.В., Гуденкова О.И. Социально-правовые основы регулирования межнациональных отношений: результаты эмпирического исследования в Тюменской области // Евразийский юридический журнал. 2020. № 12 (151). С. 465–466.

REFERENCES

Khairullina N.G., Vorob'ev E.M. (2014) *Interethnic relations in the Tyumen Region: dynamics and trends*. Tyumen: TyumGNGU Publ. (In Russ.)

Konev Yu.M., Kovrov V.F. (2021) Interethnic relations: assessments of provincial youth students. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [Proceedings of higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics]. No. 4: 114–129. (In Russ.)

Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Omel'chenko D.A. (2022) Interreligious and interethnic relations in the border region of Russia: institutional conditions and intercultural dialogue. In: V.K. Levashov, N.G. Khairullina (eds.). *Intercultural and interreligious dialogue in Russian region*. Tyumen: Tyumen Industrial University Publ. URL: <https://cloud.tyuiu.ru/index.php/s/rRhMe4c5Pxri5qi> (accessed: 15.03.2024) (In Russ.)

Musina R.N. (2015) Features of the ethno-confessional situation in post-Soviet Tatarstan. In: V.K. Levashov, N.G. Khairullina (eds.). *Russia – Tyumen: vectors of Eurasian development*. Tyumen: TyumGNGU Publ.: 154–160. (In Russ.)

Russia: center and regions. (2009) Vol. 21. Moscow: Serebryanye niti Publ. (In Russ.)

Sharukha A.V., Gudenkova O.I. (2020) Social and legal foundations for regulating interethnic relations: results of empirical research in the Tyumen region. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal]. No. 12 (151): 465–466. (In Russ.)

Tatars of the Tyumen region: history and modernity (2010) N.G. Sattarova, R.Kh. Nasyrova (eds.). Tyumen: Vektor Publ. (In Russ.)

Troshkina I.N., Tuguzhekova V.N. (2022) Dialogue of cultures in the context of interethnic communication in the Republic of Khakassia. In: *Intercultural and interreligious dialogue in the Russian regions*. V.K. Levashov, N.G. Khairullina (eds.). Tyumen: Tyumen Industrial University Publ. URL: <https://cloud.tyuiu.ru/index.php/s/rRhMe4c5Pxri5qi> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.)

Сведения об авторе: Хайруллина Нурсафа Гафуровна, доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет (625000, ул. Володарского, 38, Тюмень, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-7290-3290>; e-mail: nursafa@inbox.ru

About the author: Nursafa G. Khairullina, Doctor Sc. (Sociology), Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Tyumen Industrial University (38 Volodarskiy St., Tyumen 625000, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-7290-3290>; e-mail: nursafa@inbox.ru

Поступила в редакцию / Received 16.01.2024

Доработана после рецензирования / Revised 29.03.2024

Принята к публикации / Accepted 22.04.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.373-396>

Динамика межнациональных отношений в оценках жителей полиэтничного города (на примере Якутска)

Е.Ю. Щеголькова

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
le_na_3@mail.ru*

Резюме. В статье представлены результаты анализа межнациональных отношений населения г. Якутска. Обобщаются существующие в общественном сознании представления о состоянии данных отношений в республике, их проблемных зонах, диагностируется динамика городской этносоциальной ситуации и установок в межличностном общении (на примере Якутска). Анализируются результаты репрезентативного социологического опроса и экспертных интервью, реализованных в разные годы в Республике Саха (Якутия) с использованием следующих показателей: оценка межнациональных отношений, данные о восприятии гражданами людей другой национальности. Представлены этнически дифференцированные мнения о межнациональном взаимодействии населения г. Якутска на основе сопоставления с данными по региону в целом, а также по якутянам, проживающим в сельской местности и в отдельных районах республики. Анализ динамики оценок межэтнических отношений жителями Якутска показывает, что они не были стабильны. За пять лет их характер изменился от достаточно высокой напряженности до преимущественно благоприятного состояния. Тревожные тенденции в их развитии, выявленные в 2019–2021 гг. в контексте событий в «Триумфе» и ковидных ограничений, в последнее время сменили свой вектор в сторону доброжелательности на фоне роста удовлетворенности материальным положением у отдельных категорий населения. Оценки межэтнических отношений жителями Якутска на региональном и локальном уровнях практически не отличаются и в целом схожи с общереспубликанскими представлениями. Проведенный анализ подтвердил наличие различий в их развитии в городской и сельской средах региона. В городах, особенно крупных, они оцениваются как более сложные, но уровень этнического негативизма ниже. Динамика этнонациональных установок саха и русских жителей Якутска демонстрирует позитивный тренд – для более половины опрошенных характерно устойчивое отсутствие враждебности к людям иных национальностей.

Ключевые слова: межнациональные отношения, межнациональное согласие, Республика Саха (Якутия), Якутск, межэтническая напряжённость.

Для цитирования: Щеголькова Е.Ю. Динамика межнациональных отношений в оценках жителей полиэтничного города (на примере Якутска). *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №3. С. 373–396. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.373-396>

Dynamics of interethnic relations in the assessments of residents of a multiethnic city (the case of Yakutsk)

E.Yu. Shchegolkova

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied

Sociology of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

le_na_3@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the analysis of interethnic relations of the population of Yakutsk. The ideas existing in the public consciousness about the state of these relations in the republic and their problem areas are summarised. The state and dynamics of the urban ethnosocial situation and attitudes in interpersonal communication are diagnosed (using the case of the city of Yakutsk). The results of a representative sociological survey and expert interviews on topical issues of interethnic relations implemented in different years in the Republic of Sakha (Yakutia) have been analysed using the following indicators: assessment of interethnic relations, data on the attitude of citizens to people of other nationalities. Ethnically differentiated assessments of the interethnic interactions of the population of Yakutsk are presented based on their comparison with the opinion of the population of the region as a whole, as well as with the Yakut people living in rural areas and in certain regions of the republic. An analysis of the dynamics of assessments of interethnic relations by residents of Yakutsk shows that they were not stable. In five years, their character has changed from a fairly high tension to mostly favourable assessments. The alarming trends in the development of interethnic relations, identified in 2019–2021 in the context of the events in Triumph and Covid restrictions, have recently changed their vector towards benevolence against the background of increasing satisfaction with the financial situation of certain categories of the population. The assessments of interethnic relations by residents of Yakutsk at the regional and local levels practically do not differ and are generally similar to national ideas. The analysis confirmed the existence of differences in the development of interethnic relations in the urban and rural environments of the region. In cities, especially large ones, relationships are assessed as more complex, but the level of ethnic negativity is lower. The dynamics of ethnic and national attitudes of Sakha and Russian residents of Yakutsk demonstrates a positive trend – more than half of the respondents are characterised by a stable lack of hostility towards people of other nationalities.

Keywords: interethnic relations, interethnic accord, the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, interethnic tension.

For citation: Shchegolkova E.Yu. (2024) Dynamics of interethnic relations in the assessments of residents of a multiethnic city (the case of Yakutsk). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 3: 373–396. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.373-396> (In Russ.)

В стратегических государственных документах, выступлениях Президента РФ В.В. Путина в числе неизменных, значимых, ключевых приоритетов в том числе обозначены вопросы обеспечения межнационального согласия, в основе которого традиции добрососедства и взаимоуважения, исторический опыт меж-

культурного взаимодействия¹. Межнациональные отношения – весьма чувствительная тема, которая в любое время требует постоянного внимания как со стороны органов власти, так и со стороны научного сообщества, а также представителей общественности. На фоне текущей ситуации, связанной с СВО, учитывая изменения внешне- и внутривнутриполитической ситуации, санкционные вызовы экономике, отражающиеся на социальном самочувствии и настроениях людей, потребность в регулярном мониторинге и анализе состояния и контекстов российского общества, в частности в отдельных регионах, возрастает. По словам Президента, в основе большинства «горячих точек», которые сейчас полыхают на карте мира, экономические и политические причины. Однако нельзя забывать о межнациональной нетерпимости, которая зачастую стоит у истоков тех или иных конфликтов².

В статье на примере столицы крупнейшего и стратегически важного региона РФ – Республики Саха (Якутия) – мы рассмотрим восприятие и оценку межнациональных отношений в динамике.

В республике сохраняется стабильная и мирная межнациональная обстановка. Тем не менее, необходимо постоянное внимание и контроль для поддержания этой ситуации. Поэтому вопросы изучения особенностей межэтнических отношений в Республике Якутия остаются актуальными. Анализ материалов социологических исследований за пятилетний период позволит определить как динамику изменения общественного мнения, так и локальные особенности восприятия этносоциальных процессов в Якутии, обозначить причины возможных напряженностей.

Методология и методы

Научный интерес к межэтническим отношениям в городах обусловлен их значимостью для любого территориального образования. В городе, в административном центре особенно, сосредоточены наиболее важные проблемы и противоречия, характерные для региона в целом.

Результаты переписи 2020 г. говорят о продолжающейся тенденции урбанизации в России³. Жизнь большинства жителей нашей страны протекает в го-

---

¹ Указ Президента Российской Федерации О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512/page/3> (дата обращения: 11.03.2024); Участникам, гостям и организаторам Всероссийской научно-практической конференции «Россия: единство и многообразие» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/69842> (дата обращения: 11.03.2024).

² Межнациональный код: как в России будут укреплять идентичность // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1144488/dmitrii-laru/mezhnatsionalnyi-kod-kak-v-rossii-budut-ukrepliat-identichnost> (дата обращения: 15.03.2024).

³ Три четверти населения проживает в городах (в 2010 г. соотношение городского и сельского населения составляло 73,5% и 26,5% соответственно). См.: Росстат представил предварительные цифры о численности населения в регионах страны по данным Всероссийской переписи населения // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/166784> (дата обращения: 18.03.2024).

родах, которые являются пространством не только физическим, но и коммуникативным, территорией взаимодействия. Город – это постоянно меняющееся пространство, которое формируется и перестраивается повседневными практиками и коммуникацией его жителей. Это качество социальный и культурный географ Дорин Массей обозначила термином «thrown-togetherness» («оказавшиеся вместе») – со-бытие людей различных национальностей, вероисповедания, возраста, пола и так далее (Massey, 2005: 9). В городской среде многонациональное население вступает в разные формы взаимоотношений (совместное проживание, бытовые, культурные, деловые контакты, производственная деятельность).

Как известно, определенные факторы влияют на развитие межэтнических отношений. К ним можно отнести историческое прошлое, социально-политическую обстановку в стране, экономические и культурно-бытовые условия жизни людей, конкретную ситуацию взаимодействия и заинтересованность людей в общении (Дробижева, 2012: 91). Исследования межэтнических отношений в городской среде выявили сложное взаимодействие специфических факторов. Эрдутуг и Працинакис подчеркивают роль городского пространства и контекста соседства в их формировании, причем последний отмечает положительное влияние разнообразия (Эрдутуг, 2002; Працинакис, 2017). Однако Кастеллини обнаружила, что высокая этническая неоднородность может привести к снижению чувства общности и более высокому уровню предрассудков (Кастеллини, 2011). Джонсон, исследуя потенциал межэтнических конфликтов особенно среди этнических меньшинств в городах США, подчеркивает их высокую вероятность, поскольку всегда есть факторы, их провоцирующие (Джонсон, Оливер, 1989). К противоречивым социальным параметрам городской жизни также относится «анонимность, кратковременность и поверхностность контактов в межличностном общении» (Новикова, 2011: 18). Эти исследования в совокупности подчеркивают необходимость детального понимания межэтнических отношений в городских районах с учетом влияния социально-экономической ситуации, этнических особенностей воспроизводства и миграционной подвижности населения, этнополитических процессов и других факторов.

Эти тенденции в той или иной степени отражаются на состоянии межнационального климата в городской среде. Поскольку совокупность факторов разного порядка влияет на межэтнические отношения таким образом, что последние могут приобретать характер от согласия, уважения и взаимопонимания до этнической напряженности, дискриминации и неприятия.

В городской среде социальные и культурные трансформации протекают более динамично, порой и противоречиво. Р. Парк, например, «представляет себе город как социальную лабораторию», так как в городе любое качество человеческой природы не только проглядывается, но и усиливается (Парк, 2022: 4). Проявления межэтнической напряженности в городе легко фиксируемы и наблюдаемы. Кроме того, они находят отражение в средствах массовой инфор-

мации, распространяются в социальных сетях и могут приобретать общественный резонанс.

Трансформационные процессы, происходящие в российском обществе, оказали значительное влияние на городское пространство. Так, непрекращающиеся перемещения и интенсивные миграционные процессы современности превратили города, особенно крупные, в центры межэтнических взаимодействий. Но зачастую практики государственного управления в указанной сфере не учитывают специфику городского пространства, сужая предметную зону национальной политики и выводя на первый план столкновения интересов мигрантов и принимающего сообщества на территории крупных городов (Вендина, Паин, 2018: 9). Меж тем город является межэтническим сообществом, понимаемым как исторически сложившаяся социально-антропологическую общность взаимодействующих этнических групп (этносоциальных субъектов), занимающих определенные социальные ниши (однотипные позиции, роли, места), и анализируемым через призму социальных (межэтнических) взаимодействий в рамках локального (городского) социума (Социокультурный мониторинг ..., 2018: 77).

Акцентуация на мнении населения респондентов г. Якутска обусловлена культурной, политико-административной, социально-коммуникативной нагрузкой столицы республики, где проживает 36% населения Республики Саха (Якутия)⁴. Это третий по численности город в Дальневосточном округе⁵ и самый крупный город мира, расположенный в зоне вечной мерзлоты⁶.

По итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. в Якутске проживали представители более 100 национальностей, из которых самыми многочисленными являлись: якуты (саха) – 59,2% и русские – 26,4%. Среди других национальностей: киргизы – 3,4%, эвенки – 1,9%, таджики – 1,7%, китайцы – 1,4%, армяне – 1,1%, буряты и эвены – по 0,6%, украинцы – 0,5%, татары – 0,4%, юкагиры – 0,1%⁷. Межэтнические отношения традиционно фокусирова-

---

⁴ По итогам Всероссийской переписи населения его численность на 01.01.2023 г. составляла 372 928 чел. См.: Численность и состав населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия): [сайт]. URL: https://14.rosstat.gov.ru/chisl_sostav (дата обращения: 1.03.2024).

⁵ С 2019 по 2022 гг. среднегодовая численность населения города увеличилась на 11,8%, в основном за счет миграционного прироста. См.: Социально-экономическое положение городского округа «город Якутск» ожидаемые итоги за 2023 год. URL: https://yktgorduma.ru/f/sep_yakutsk_ozhidaemye_itogi_2023.pdf (дата обращения: 1.03.2024).

⁶ 31% рабочей силы и 49% субъектов МСП находятся в столице республики. 56% объема розничной торговли, 53% объема ввода жилья и 17% инвестиций в основной капитал по Якутии приходится на город Якутск. См.: Отчет главы городского округа «город Якутск» и окружной администрации города Якутска за 2022 год // Окружная администрация города Якутска: [сайт]. URL: <https://yakutskcity.ru/upload/Годовой%20отчет%2008.02.23%20с%20правками.pdf?ysclid=lu9uzjt6b7784444560> (дата обращения: 20.03.2024).

⁷ Город Якутск: жители сквозь призму статистики // Окружная администрация города Якутска: [сайт]. URL: <https://yakutskcity.ru/press-tsentr/gorod-yakutsk-zhiteli-skvoz-prizmu-statistiki/?ysclid=lte6crusp2363951690> (дата обращения: 5.03.2024).

лись вокруг взаимодействия саха и русских. Мы имеем возможность проанализировать особенности межэтнической коммуникации в ситуации, когда одна из сторон, составляющая половину населения, это национальность, дающая название республике.

Значимость города для жизни региона очевидна, а статус г. Якутска как политического, экономического, научного и культурного центра обуславливает его ведущую роль в реализации значимых социальных программ, к которым относится государственная программа Республики Саха (Якутия) «Укрепление общероссийской гражданской идентичности и этнокультурное развитие народов в Республике Саха (Якутия)»⁸. Этот документ представляет собой всеобъемлющий план действий, направленный на достижение приоритетов и целей, изложенных в Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. Но без детального анализа текущих проблем, ситуации в динамике, того, как складывались и складываются межэтнические отношения, провести стратегическое планирование в этой сфере невозможно. И как следствие, сложно разработать верные управленческие решения, которые выстраиваются и как ответ на текущие проблемы, и как реакция на будущие изменения. Изучение непосредственных оценок населения, вектора их установок на взаимодействие позволяет определить открывающиеся перспективы в области поддержания стабильных межнациональных отношений, направления их изменения и потенциал возможных рисков. Данные социологических научных исследований являются незаменимым ресурсом в стратегическом развитии как г. Якутска, так и Республики Саха (Якутия) в целом.

Статья представляет анализ материалов опросов, проведенных на территории Республики Саха (Якутии) в период с 2019 по 2023 гг. при участии Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН⁹. Сопоставление их результатов позволяет проследить динамику развития представлений жителей республики о ситуации в области межнационального взаимодействия. В представленной работе сакцентрируем внимание на таких интересующих нас проблемных вопросах, как уровень оценки межнациональных (межэтнических) отношений и вектор межэтнических установок. Дополнительным источником эмпирических данных стали качественные интервью.

Анализ и систематизация статистических данных, материалов интервью и групповых дискуссий позволили выявить основные тренды развития этниче-

---

⁸ О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Укрепление общероссийской гражданской идентичности и этнокультурное развитие народов в Республике Саха (Якутия)» // Правительство Республики Саха (Якутия): [сайт]. URL: <https://prav.sakha.gov.ru/uploads/551/1ff1a75914f5a05be136bb67539167bd477f2d89.pdf>

⁹ В ходе каждого массового опроса было опрошено 1500 респондентов в 13 муниципальных районах Республики Саха (Якутия), выборка многоступенчатая, типологическая, квотная. Опрос проводился методом личного формализованного интервью по месту жительства респондентов. Также были использованы качественные социологические методы сбора информации для углубления понимания причин результатов опроса, мотиваций и ценностных ориентаций респондентов. Интервью проводились в городах Якутск и Мирный.

ских процессов в столице Республики Саха (Якутия) – г. Якутске. Комбинирование качественных и количественных методов социологии дало возможность взглянуть на оценки межнациональных отношений в регионе более полно и глубоко. Статистические сведения характеризуют количественные параметры межэтнических установок жителей Якутска, данные качественного этапа исследования применяются для описания особенностей этнических взаимодействий, подтверждения и иллюстрации выводов, основанных на материалах опросов.

Методология исследования базируется на использовании комплексного подхода к изучению феномена межэтнических отношений в сравнительном контексте. В статье представлен социологический срез оценок межнациональных (межэтнических) отношений, рассматриваемых через призму таких пространств – в целом Республика Саха (Якутия), населенные пункты (места проживания респондентов) и г. Якутск. Для анализа используется категоризация по типу населенного пункта, по национальности и по исходному месту жительства. Вне поля зрения остается изучение отдельных этнических общин и проблем адаптации мигрантов.

Представления о характере межэтнических отношений

Для понимания общей ситуации обратимся к данным по Республике Саха (Якутия) в целом. Респонденты оценивали характер межэтнических отношений на региональном (в республике в целом) и на локальном (в своем городе, селе) уровнях. Анализ пятилетней динамики их оценок позволяет констатировать, что у населения региона сложилось устойчивое мнение по данному вопросу, а ситуация в сфере межэтнических коммуникаций в Республике Саха (Якутия) стабильна и носит позитивный характер. За последние пять лет напряженность между этническими группами, согласно данным опросов, снизилась с 34% до 11%. В то же время значительно возросло число респондентов (с 44% до 78%), отмечающих доброжелательность и бесконфликтность межнациональных отношений в республике. Сохранение устойчивого бесконфликтного взаимодействия – очевидный тренд развития якутского социума.

Информанты в интервью подтверждают, что в сравнении с другими временными периодами сейчас межнациональные отношения в республике можно назвать спокойными:

Как человек, который прожил здесь вот разные периоды и, если сравнивать с концом 90-х и 2000-х годов, я точно скажу, что сейчас они спокойные. И вот «Триумф» он был, он правда побережил спокойствие. ... Исходя из того, что я знаю, в чём я участвовала, и как всё проистекало здесь, да, были разные периоды, я ещё раз повторюсь, я считаю, что сейчас он спокойный и вообще не сравним с тем, что иногда бывало (ПМА, 2023: 1).

Могу сказать точно, что какого-то межнационального напряжения точно нет. Это давно уже как-то здесь нормально, что и якуты,

народ саха, и русские, они нормально живут. В целом такого национального напряжения нет, и слава Богу (ПМА, 2023: 2).

В основном дружелюбные. В основном, да. Потому что те единичные случаи – не в счет (ПМА, 2023: 3).

В моем советском детстве этого, каких-то напряженностей в межнациональных отношениях, было намного, в разы больше, чем сейчас (ПМА, 2023: 3).

Сравнение локальной и общереспубликанской ситуаций – это еще одна характеристика восприятия межнациональных отношений. Из представленных данных очевидна дифференциация положительных и негативных оценок в республике в целом и в месте проживания в частности. Эти оценки на уровне населенного пункта были лучше, чем на уровне республики в 1,5–2 раза. В разные годы от 44 до 78% якутян характеризовали отношения между национальностями в своих населенных пунктах как доброжелательные и нормальные, с низким риском конфликтов. Такие характеристики оказались более оптимистичными, чем восприятие положения на республиканском уровне. То есть, по мнению якутян, межнациональные отношения на их собственной территории проживания выглядят более гармоничными, чем в регионе в целом. Этот факт демонстрирует невысокую степень рисков развития напряженности в национальной сфере.

Из данных интервью очевидно, что благоприятные отношения оцениваются как значимая ценность, которую необходимо поддерживать:

Якутия – многонациональная..., да, и вообще у нас на Севере. Я сама же с северного улуса. Поэтому мы в многонациональной... выросли в многонациональной, так сказать, среде. У меня, например, все учителя мои были приезжие: и белорус был, и азербайджанец, и украинка была, и из Краснодарского края учителя были. Поэтому мы как-то особо там именно на этничность особо не обращали внимания, но в то же время мы понимали, что мы являемся как бы коренными жителями (ПМА, 2021: 1).

В Якутии такие вещи (межнациональные проблемы – прим. авт.) не прослеживаются, я считаю, межэтнические вещи здесь нормально улеглись. Другой вопрос, что в головах людей эти вещи есть, но люди всё равно чётко понимают эти барьеры, они их не переходят (ПМА, 2021: 2).

В экспертных мнениях подчёркивается, что в республике одна из наиболее гармоничных ситуаций: «Очень спокойная ситуация в межнациональных отношениях» (ПМА, 2019: 1).

Представим динамику изменения мнений о состоянии межнациональных отношений в г. Якутске (рис. 1, 2).

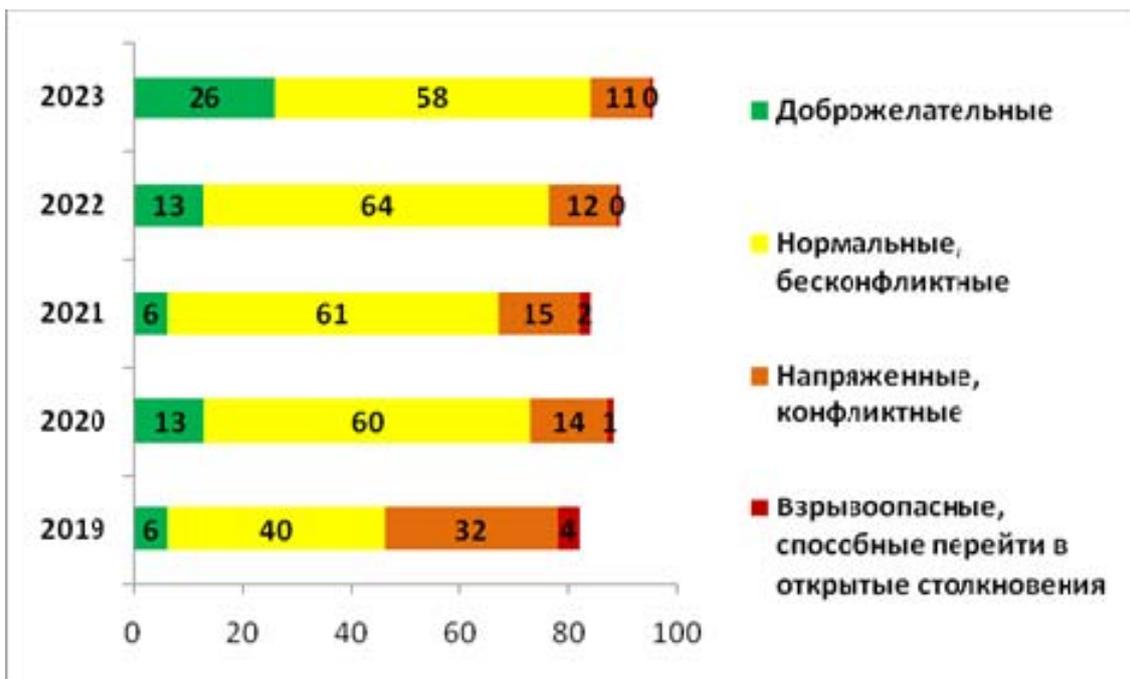

Рис. 1. Оценка межнациональных отношений в республике в целом, г. Якутск, по годам, %

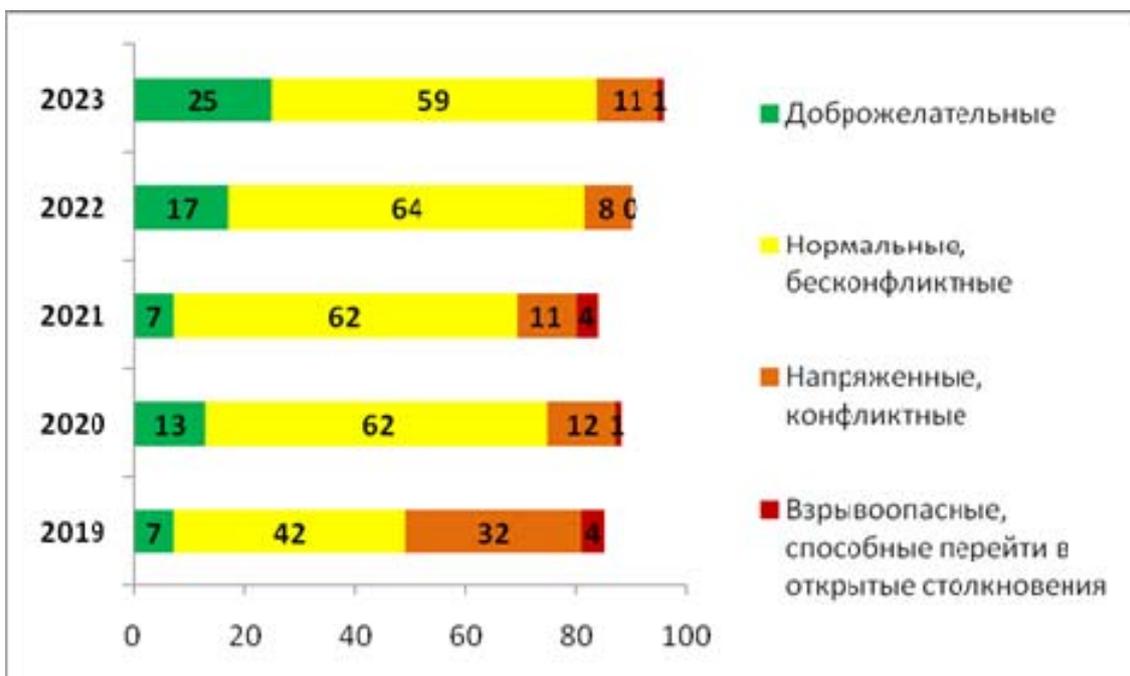

Рис. 2. Оценка межнациональных отношений в населенном пункте (месте проживания), г. Якутск, по годам, %

Сопоставляя данные за 2019–2023 гг., можно сделать вывод, что оценка межнациональных отношений в Якутске имеет в целом положительную динамику. Достаточно указать, что суммарная доля жителей города, так или иначе обеспокоенных ими, снизилась с 32% до 11%. Наиболее существенные изменения – в том, что оценки ситуации как близкой к конфликту заметно сократились, а как доброжелательной – выросли с 6% до 26% для республики в целом и с 7% до 25% для города. Таким образом, отмечен значительный рост позитивных оценок на фоне снижения негативных. Средняя оценка (т.е. «ситуация нормальная, бесконфликтная») претерпела изменения на 17–18 п.п. Начиная с 2022 г., позитивные характеристики на региональном и локальном уровнях, до этого представленные в меньших или сравнимых долях, стали превалировать над негативными. Нельзя также исключать, что негативные оценки могут быть отзвуками прошлых лет:

В городе Якутске был период, когда, пример, половина на половину было население, были некие проблемы. И были в клубах драки толпа на толпу, и это связано было с разделением по национальному признаку. Были драки между школами якутскими и неякутскими, и это был факт. Мы это видели своими глазами. Сказать, что этого не было – сейчас закрыть глазки, замылить всё и сказать, что этого никогда не было – это было, и поэтому отголоски, это было очень недавно на самом деле, это конец 90-х – начало 2000-х (ПМА, 2023: 1).

Важно отметить следующую особенность: если на общереспубликанских данных межэтнические отношения заметно лучше оцениваются населением в местах их проживания, чем в республике в целом, то жители г. Якутска представляют практически не отличающиеся оценки ситуации на региональном и местном уровнях. В целом представления столичных жителей схожи с общереспубликанским мнением, являясь его отражением. В этом контексте траектория развития межнациональных отношений здесь является показателем межнационального климата для республики в целом:

Мы понимаем, что настроение общественное делается в городе Якутске. Во всех смыслах этого. У нас есть средства массовой информации здесь, у нас и блогеры здесь. Все новости идут из Якутска, значит, они там все сидят в WhatsApp, ловят, что здесь происходит. То, конечно, весь этот негатив, который идёт от города, то он распространяется на остальных. Это как зараза (ПМА, 2019: 2).

Выясним, наблюдается ли расхождение по данному вопросу в общественном мнении основных этнических групп, проживающих в городе (табл. 1).

Таблица 1

Оценка межнациональных отношений в населенном пункте проживания респондентов в зависимости от национальности, Якутск, по годам, %

Как Вы сейчас оценили бы межнациональные отношения в Вашем городе, селе?	2019		2020		2021		2022		2023	
	Саха-якуты	Русские								
Доброжелательные	7	6	13	13	6	7	16	18	20	28
Нормальные, бесконфликтные	40	42	61	72	64	59	67	62	65	56
Напряженные, конфликтные	28	36	14	5	14	6	7	10	10	11
Взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения	6	4	1	–	2	9	–	–	1	1
Затрудняюсь ответить	19	12	11	10	14	19	10	10	4	4

Важно, что за исследуемый период по анализируемому вопросу представители разных этнических групп дали схожие ответы. Небольшие расхождения имеются лишь в 2020–2021 гг., когда представители народа саха оценивали существующие в городе межнациональные отношения чуть более критично, чем русские. Вероятно, в определенной степени это связано с изменением в последние годы этнокультурного ландшафта Якутска под влиянием активных миграционных потоков (которые идут главным образом из Средней Азии и Кавказа). В результате местное население наблюдает иную, чем это было несколько лет назад, этносоциальную ситуацию, рассматривая ее как напряженную.

Миграция последних лет (прим. авт.) изменила облик Якутска. Если раньше в нем проживало 70% русских и 30% якутов, то сегодня, наверное, 60% якутов и 40% русских и других национальностей в целом. Это меняет социальную карту, потому что эти люди в большинстве работают в частных структурах и не всегда имеют социальные пакеты, то есть они не защищены со стороны государства. Частники же сейчас стараются как можно меньше платить этим людям. Естественно, они тоже в какой-то степени чувствуют себя не совсем городскими и не совсем устроенными (ПМА, 2019: 2).

Далее рассмотрим мнение жителей Якутска в сравнении с жителями сел и других городов республики. Данные опросов подтверждают, что жителям разных типов поселений не всегда свойственно единодушные мнения о благоприятном межнациональном климате. Здесь мы наблюдаем вариативность ответов по представленным вопросам (табл. 2).

Таблица 2

Оценка межнациональных отношений в населенном пункте проживания респондентов в зависимости от типа поселения, по годам, %

Тип населенного пункта*	Как Вы сейчас оценили бы межнациональные отношения в Вашем городе, селе?																			
	Доброжелательные					Нормальные, бесконфликтные					Напряженные, конфликтные					Взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения				
	2019	2020	2021	2022	2023	2019	2020	2021	2022	2023	2019	2020	2021	2022	2023	2019	2020	2021	2022	2023
Якутск	7	13	7	17	25	42	62	62	64	59	32	12	11	8	11	4	1	4	0	1
Города и ПГТ	18	18	16	15	29	71	61	74	75	56	4	9	6	4	5	–	–	–	1	2
Села	19	28	15	17	19	68	65	68	67	67	4	9	4	4	6	–	–	–	1	1

Примечание: * $p \leq 0,05$

В 2019 г. более благоприятные оценки наблюдались в сельских населенных пунктах. В городах межэтнические отношения характеризовались сдержанно. Особенно тревожной на этом фоне в этот период выглядела ситуация в г. Якутске, где около трети опрошенных отмечали напряженность, а 4% даже взрывоопасность. В 2020 г. среди столичных жителей и сельчан очевиден рост позитивных оценок в сравнении с предыдущим годом. И эта положительная динамика продолжает наблюдаться в ответах жителей Якутска и в 2023 г., а у сельских жителей они стабильно держатся на уровне 2019 г. Примечательно, что в 2022 г., на фоне начавшейся СВО, жители оценивали доброжелательность межнациональных отношений в своем населенном пункте (независимо от его величины) в равной мере – на уровне 17%. В 2023 г. анализ ответов жителей разных по величине населённых пунктов свидетельствует о повышении доли доброжелательных характеристик межнациональных отношений на местах в Якутске и других городах республики до 25 и 29% соответственно.

В приведенных табличных данных заслуживают внимания несколько моментов. Во-первых, население Якутска ощущает меньшую комфортность и доброжелательность в сфере межнациональных отношений, чем жители других городов республики: «В Якутске оно (настроение – прим. авт.) более напряженное. В деревнях оно особо не ощущается. Люди живут размеренной жизнью» (ПМА, 2021: 3).

Во-вторых, можем заметить, что мнения жителей сел и небольших городов более консервативны и за наблюдаемый период были подвержены изменениям в меньшей степени, чем оценки столичных жителей республики. Во-третьих, очевидна закономерность – в сельских населенных пунктах респонденты реже, чем в городах, характеризуют ситуацию как напряженную. Это связано с тем, что этнический состав сел, как правило, более однороден, поэтому этнические конфликты здесь почти не наблюдаются. И данные общероссийского опроса подтверждали вывод о том, что оценка межнациональных отношений в месте проживания тем лучше, чем меньше населенный пункт (Щеголькова, 2020). Это объяснимо, так как в городах отношения воспринимаются как более сложные из-за потенциально более интенсивных межэтнических контактов и повышенной конкуренции за социально значимые ресурсы.

Есть у нас производственные города. Это Мирный, это Ленск, это Нерюнгри, это Алдан. Здесь, как бы, больше всего приезжего населения, и национальностей действительно у него больше, чем в самом Якутске. Якутск, и вот эти улусы, близкие к Якутску, и дальше там, северные, они больше национализированы, чем Южная Якутия и Мирный. ... Якутск, да, отличается, как будто бы две территории (ПМА, 2021: 4).

Но анализ динамики оценок жителей разных по величине населённых пунктов обнаруживает тенденцию к тому, что влияние средств массовой информации, распространенность социальных сетей и растущая связь с городом сказываются на настроении жителей села, приближая их мнение к мнению горожан.

Динамика установок по отношению к представителям других национальностей

Общая оценка межэтнического взаимодействия в регионе и месте проживания как более или менее конфликтных – это лишь один важный параметр характеристики межнациональной ситуации горожанами. Другой столь же важный и относительно независимый от первого параметр – это распространенность среди населения неприязненного (раздражительного) отношения к представителям тех или иных этнических групп.

Регулярно проводимые в республике исследования межнациональных отношений, фиксируют, следующие результаты (рис. 3).

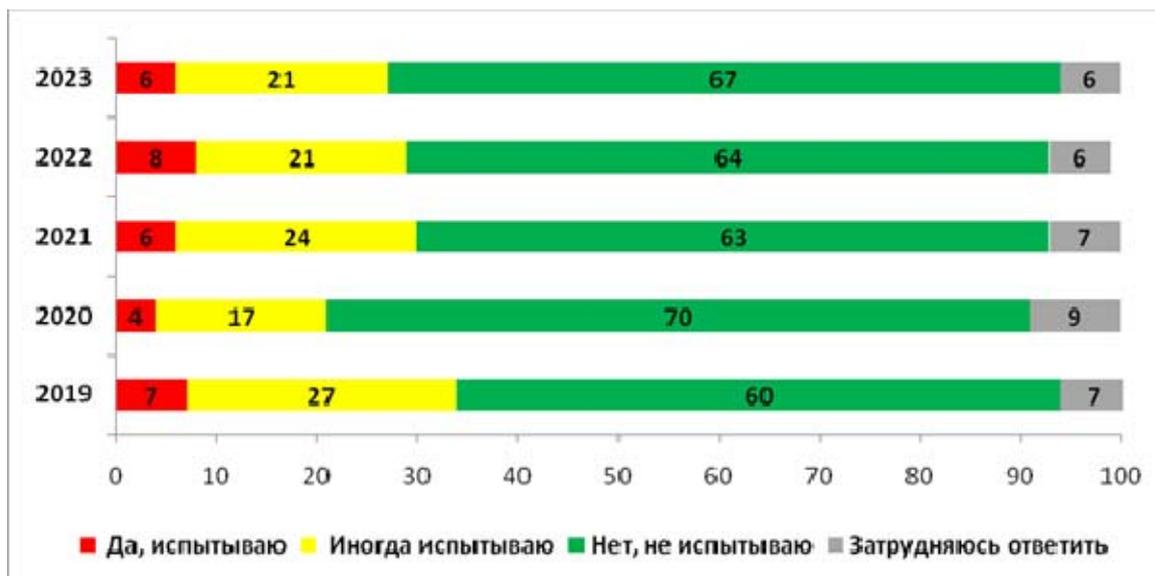

Рис. 3. Ощущение неприязни к людям других национальностей в Республике Саха (Якутия), по годам, %

В 2019–2023 гг. не более 4–8% респондентов часто чувствовали неприязнь к представителям каких-либо национальностей, иногда – 17–27%. Людей, не испытывающих раздражения к людям других национальностей, большинство – 60–70%. В последние годы такое соотношение стабильно. Если обратиться к данным мониторингов ФНИСЦ РАН, то мы увидим, что республиканские данные согласуются с ними. По результатам общероссийского опроса 2020 г. уверенное большинство респондентов (68%) придерживается устойчивых позитивных установок. Такое распределение мнений жителей республики может быть обусловлено как продолжительным взаимодействием, которое стало восприниматься как повседневная необходимость, а иногда и взаимный интерес, так и моделью поведения, демонстрируемой властными структурами. Таким образом, в пределах 10% – группа риска, а установки пятой части респондентов можно отнести к неустойчивым, и их ориентированность может меняться в зависимости от обстоятельств или внешних влияний.

Рассмотрим, как на общереспубликанском фоне выглядит ситуация с уровнем этнической неприязни в столице региона (рис. 4).

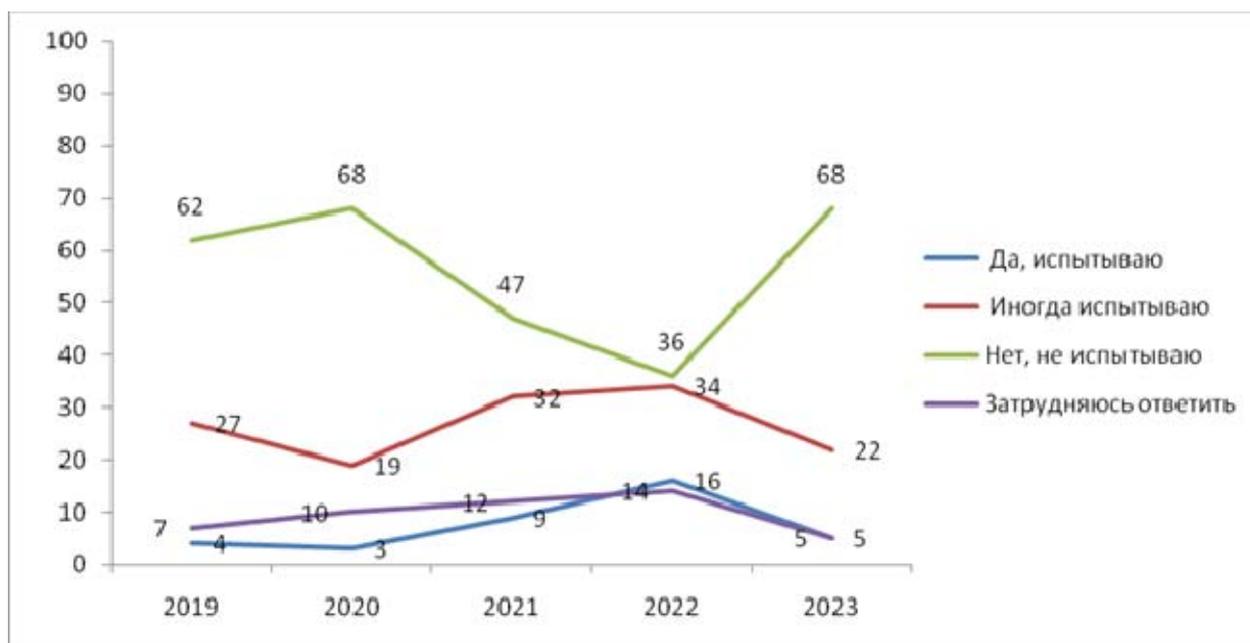

Рис. 4. Динамика ощущения неприязни к людям других национальностей, г. Якутск, по годам, %

Динамический анализ межэтнических установок населения Якутска демонстрирует, что наибольшие колебания претерпели мнения людей, отрицающих нетерпимое отношение к представителям других национальностей – от 36% в 2022 г. до 68% в 2020 и 2023 гг. Максимальный уровень этнонегативизма был зафиксирован в 2022 г. – испытывали неприязнь к людям иной национальности 16% опрошенных, ещё 34% ощущали ее иногда, что в совокупности составило 50% опрошенных, так или иначе негативно относящихся к людям иной национальности. 2021 г. – год выхода из пандемии – и 2022 г. – год начала СВО – это два года, когда респондентов с устойчивым отсутствием враждебности к «иным», «другим» среди жителей Якутска было меньше, чем респондентов с аналогичными установками в общереспубликанском массиве. С одной стороны, сложность и пестрота национального состава, свойственная городской среде Якутска, способствует привыканию к межэтническим взаимодействиям. С другой стороны, это же разнообразие может привести к противоречиям и потенциальным ситуациям межэтнической напряженности. Таким образом, в Якутске – самом крупном и многонациональном городе республики, уровень этнического негативизма и этнической предубежденности в разные годы непостоянен и подвержен влиянию как локальных факторов, так и факторов более общего порядка.

Отметим некоторые особенности в распределении ответов саха и русских на вопрос об отсутствии/наличии чувства неприязни к людям другой национальности (табл. 3).

Таблица 3

**Ощущение неприязни к людям других национальностей
в зависимости от национальности, Якутск, по годам, %**

Вы лично испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей?	2019		2020		2021		2022		2023	
	Саха-якуты	Русские								
Да	6	2	5	1	10	7	17	16	5	5
Иногда	29	27	20	19	33	32	33	36	28	18
Нет	58	66	66	68	49	40	36	35	60	73
Затрудняюсь ответить	7	5	9	12	8	21	14	13	7	4

Динамика этнонациональных установок саха и русских жителей Якутска демонстрирует позитивный тренд. В большей мере эти изменения коснулись установок русского населения столицы. Наблюдается значительное увеличение доли не испытывающих негативные чувства к людям других национальностей за счёт уменьшения скрытых негативистов и сомневающих. За рассматриваемый период саха чаще признавались, что в той или иной мере испытывают раздражение к людям других национальностей, чем респонденты из числа русских.

Несмотря на то, что доля уверенных этнонегативистов за весь период не превышала 16%, важно понимать, кто вызывает эти чувства. Опираясь на данные интервью, можно сказать, что вектор неприязни не однонаправлен. С одной стороны, небольшая часть негативных установок направлена на русских: «Якуты, они думают, что и на русских, что ты тут русская пришла, это у нас земля Олонхо» (ПМА, 2023: 4). Такое отношение является своеобразным проявлением оборонительного поведения, которое также отражается в различии мнений якутского и русского населения Якутска в тех областях, где наблюдается влияние национальных дискурсов. Так, якуты в Якутске несколько чаще, чем столичные русские, разделяют беспокойство по поводу ущемления прав местного населения в использовании природных ресурсов республики, по поводу безответственности добывающих компаний и т.д.

С другой стороны, подавляющая часть неприязненных установок направлена на НЕРусских:

Если говорить среди якутов и русских, ну, якутов я бы поделил на два класса – это центральные, то есть Якутск, Намский улус, ну,

приближенные улусы, и отдаленные улусы. Если взять центральных якутов, они к русским нормально (ПМА, 2021: 6).

Русские уже мои, свои. ... наши русские, можно сказать, они уже какие-то свои уже, добрые, насколько я знаю, например, вот таких русских (ПМА 2021: 5).

К русским в Якутске очень хорошо относятся. Они как малочисленный народ (ПМА, 2023: 5).

В этом случае неприязнь направлена, прежде всего, на представителей Средней Азии (киргизов, таджиков, узбеков), народов российского Северного Кавказа и жителей Закавказья. Это говорит о том, что претензии жителей адресованы разным иноэтничным группам, не проживающим на территории республики исторически. Неприятие, испытываемое небольшой долей жителей Якутска, в значительной степени ориентировано не на основные взаимодействующие группы населения (русские и саха-якуты), а на мигрантов.

В оценках ситуации эксперты отмечают, что определённый вклад в градус напряжённости вносят внутриреспубликанские мигранты, преимущественно из числа вчерашних сельских жителей: «Когда мы начинаем изучать и смотреть на бытовом уровне участников каких-то межнациональных конфликтов, то, как правило, это приезжие из улусов» (ПМА, 2019: 2).

Для анализа показателей отношения людей к иным национальностям сравним ответы респондентов, родившихся в Якутске и приехавших из сел и других городов республики (табл. 4).

Таблица 4

**Ощущение неприязни к людям других национальностей
в зависимости от места прибытия в Якутск, по годам, %**

Вы лично испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей?	2019			2020			2021			2022			2023		
	живу с рождения	приехал из города	приехал из села	живу с рождения	приехал из города	приехал из села	живу с рождения	приехал из города	приехал из села	живу с рождения	приехал из города	приехал из села	живу с рождения	приехал из города	приехал из села
Да	2	5	7	3	0	5	3	19	11	7	29	14	4	6	5
Иногда	27	26	29	20	18	22	34	26	33	26	34	37	20	9	28
Нет	63	63	57	69	74	64	52	45	43	47	29	38	71	83	60
Затрудняюсь ответить	8	6	7	8	8	9	11	10	13	20	8	11	5	2	7

Заметим, что за весь период наблюдений позитивные межэтнические установки в большей степени разделяют респонденты, проживающие в Якутске с рождения. В 2023 г. к ним присоединились люди, приехавшие в столицу республику из других городов. Чаще склонность к негативизму по отношению к представителям других национальностей проявляют приезжие из сел.

По мнению информантов, сложно говорить о межнациональном напряжении в чистом виде, часто мы имеем дело с противоречиями между городской и деревенской культурами, которые переносятся на этнические группы:

У якутов достаточно негативное отношение и к местным, ну русским. Ну, городские более-менее толерантны, потому что бок о бок живут, а деревенские прям очень негативно к этому относятся. На меня даже наговаривали – «Почему я дружу с русскими, почему использую в речи русский язык» и т.д. (ПМА, 2022: 1).

Я даже могу сказать, что деревенские якуты больше негативно относятся к русским, нежели к мигрантам. Это, прежде всего, связано с тем, что в деревне все друг друга знают, там меньше инфраструктуры, культуры и тому подобное (ПМА, 2022: 1).

В Якутии много приехавших из деревень, высокая урбанизация сейчас. И понятно, что та же история рождаемости, демографии хорошая в Якутске из-за того, что они продолжают стиль жизни и так далее. Конечно же, они пытаются видеть во всем свое. Свою привычку. И когда культура городская, если по-простому, конфликтует, начинаются такие вещи, что вот городские, вот они русские такие, вот они там. Вот они якуты такие (ПМА, 2023: 5).

Люди, которые приезжие с улусов, не городские, они очень такие нахальные, такие наглые, такие борзые (ПМА, 2023: 4).

Мнения городских жителей республики отличаются большей толерантностью, хотя в городах и контактность выше, и отношения сложнее из-за большей конкурентности за рабочие места. Такие ответы на этот вопрос свидетельствуют, с одной стороны, о привычности межнациональных взаимодействий в городской среде, с другой, – о большей стереотипизированности сознания сельских жителей. Население городов в большей степени, чем население сельских районов региона, привыкло к этнически пестрой мозаике и в силу этого демонстрирует более высокий уровень этнокультурной толерантности.

Социальные факторы межэтнических отношений

В ситуации с Якутском, где за пятилетний период мы наблюдали палитру мнений относительно межнациональных отношений, динамика оценок на континууме от напряженности до доброжелательности обращает на себя внимание. Какими бы ни были эти оценки, они не возникают в вакууме. Их восприятие обусловлено рядом факторов, понимание которых имеет решающее значение для построения гармоничных взаимодействий.

Анализируя межэтнические отношения, можно выделить факторы структурные, связанные с объективными характеристиками общества, и субъективные, зависящие от выбора действий участниками отношений; долгосрочные, которые сохраняются на протяжении достаточно длительного исторического периода, и ситуативные, возникшие в конкретных условиях и являющиеся переходящими.

К числу структурных долгосрочных факторов можно отнести исторические особенности социально-экономического развития республики, заключающиеся в неравном распределении урбанизации между саха и русскими. Коренное население саха традиционно проживало в сельской местности, в то время как русские были сосредоточены в промышленных районах и городах и являлись занятыми в ключевых отраслях, таких как производство. В последние десятилетия наблюдается постепенный переход от этой исторически сложившейся структуры к модели взаимоотношений между саха-якутами и русскими, которую можно охарактеризовать как «конкурентную».

Влияние ситуативных факторов отчетливо прослеживается в связи с событиями, случившимися в марте 2019 г. в г. Якутске, резонансно отразившимися на мнениях людей (речь идет о событиях весны 2019 г., связанных с мигрантами, «кейс “Триумфа”»). Эксперты были склонны списывать такие тревожные показатели напряженности по республике именно на это: «В этом году весной у нас опрос происходил. Это было на волне тех событий с киргизами ...» (ПМА, 2019: 1).

В 2020 г. актуальность событий в «Триумфе» снизилась, кроме того пандемия коронавируса переключила внимание людей на другие проблемы:

Тема номер один сейчас – COVID–19. И на все остальные моменты просто не остается времени. Люди натурально выживают (ПМА, 2020: 1).

Вопросы межнациональных отношений, они вообще не обсуждают сейчас. В основном это вопросы, конечно же, COVID-а, медицины, проблемы здравоохранения. За последний год, за этот год, с начала пандемии я не слышала, чтобы национальный вопрос поднимался (ПМА, 2020: 2).

В исследуемый период пандемия COVID–19 повлекла за собой трансформации в социально-экономическом порядке республики, на фоне которых происходили изменения оценок межэтнических отношений. Как следствие, в 2020 г. в Якутске значительно возрос уровень безработицы, которая достигла значения 11,4% и превысила аналогичный показатель по России и Якутии. С 2021 г. ситуация начала стабилизироваться. В результате целенаправленной деятельности Центра занятости населения РС(Я) в городе Якутске в 2022–23 гг.

фиксируется снижение уровня безработицы¹⁰. Также в последние годы сохраняется положительная тенденция роста размера средней заработной платы¹¹.

Динамика уровня безработицы, структуры занятости и размера реальных доходов населения влечет за собой изменение субъективных факторов, связанных с социальным самочувствием представителей взаимодействующих национальностей. К числу наиболее значимых обстоятельств, определяющих межнациональные установки, относятся уровень удовлетворенности материальным благополучием, а также общая оценка людьми своей жизни в целом. Обратим внимание на некоторые изменения этих субъективных оценок за рассматриваемый период. Так, в 2020 г. наблюдался рост удовлетворенности материальным положением у отдельных категорий населения в сравнении с 2019 г. Поскольку это всегда субъективные показатели, не обязательно имеющие прямое отношение к реальному благосостоянию, вполне вероятно, что ситуация неопределенности жизни в условиях пандемии и стабильно ухудшающегося экономического положения в стране в целом побуждала людей быть довольными тем, что есть. Жителей Якутска в меньшей мере беспокоил низкий уровень жизни населения, и в этом собственном более высоком благополучии якутское и русское население столицы были сходны. В 2021 г. в республике было зафиксировано снижение доли положительных оценок социального самочувствия населения в сравнении с 2020 г.: 55% якутян в той или иной мере были довольны своим материальным положением, 42% – недовольны; 77% удовлетворены своей жизнью в целом, 19% – нет. Наименьшую удовлетворенность жизнью демонстрировали жители столицы (71%) в сравнении с жителями других городов и сел. В сопоставлении с 2020 г. изменились самооценки своего материального положения у представителей самых многочисленных национальностей республики: у саха-якутов они снизились с 67% до 50%, у русских, наоборот, стали немного выше – с 59% до 63%; был замечен рост уровня тревог саха-якутов по поводу снижения уровня жизни – с 48% до 69%. В столице больше удовлетворенных своим материальным положением было среди русских (83%), чем среди саха-якутов (68%). В 2022 г., когда экономические эффекты в виде роста цен, адаптации рынка к санкциям уже были ощутимы, в Якутске отмечалось существен-

---

¹⁰ В 2022 г. уровень безработицы по городскому округу «город Якутск» оценивался на уровне 0,8%, в 2023 г. – 0,9%. См.: Отчет главы городского округа «город Якутск» и Окружной администрации города Якутска за 2023 год // Окружная администрация города Якутска: [сайт]. URL: <https://yakutskcity.ru/administration/otchet/otchet-glavy-gorodskogo-okruga-gorod-yakutsk-i-okruzhnoy-administratsii-goroda-yakutsk-za-2023-god-/?ysclid=lumlpfdnt394495750> (дата обращения: 20.03.2024).

¹¹ В 2022 г. медианная зарплата по городскому округу «город Якутск» была выше на 26% аналогичного показателя по Республике Саха (Якутия). См.: Отчет главы городского округа «город Якутск» и Окружной администрации города Якутска за 2022 год // Окружная администрация города Якутска: [сайт]. URL: <https://yakutskcity.ru/administration/otchet/otchet-glavy-gorodskogo-okruga-gorod-yakutsk-i-okruzhnoy-administratsii-goroda-yakutsk-za-2022-god/?ysclid=lumlpzbcv3867172019> (дата обращения: 20.03.2024).

ное повышение оценок своего материального положения (44% в 2021 и 59% в 2022).

Социальное самочувствие горожан выполняет существенную роль в формировании межэтнического согласия. Наши исследования демонстрируют, что благополучная жизнь, удовлетворение ею в целом и, в частности, материальным ее аспектом, положительно связаны с благоприятными оценками межнациональных отношений. Люди с высоким уровнем субъективного благополучия с большей вероятностью будут открыты к межнациональным взаимодействиям на основе согласия (Щеголькова, 2022: 151). Негативное социальное самочувствие, обусловленное низким уровнем материального благополучия, отсутствием стабильной занятости и отрицательным повседневным социально-психологическим состоянием, приводит к росту напряженности в сфере межэтнических взаимодействий: «Я думаю, конечно, если, допустим, зарплаты упадут здесь процентов на 30–40 у всех, то это сразу обострится точно. ... Второй момент – если политически будет более неясная ситуация (ПМА, 2023: 2).

* * *

Таким образом, результаты проведенных мониторинговых исследований в целом показали: во-первых, разную степень остроты этносоциальной ситуации и межэтнических отношений в исследуемый период в г. Якутске; во-вторых, благоприятную динамику оценок этих отношений на протяжении последних лет в массовом и экспертном сознании. В столице республики, характеризуемой высокой частотой реальных этноконтактов, зафиксированы положительные характеристики сложившихся межнациональных отношений. Один из наиболее чувствительных индикаторов, улавливающий общее их состояние – отсутствие негативных межэтнических установок – держится на высоком уровне (68%).

Чтобы не переоценить позитивность ситуации взаимоотношений национальностей, проживающих в Якутске, важно отметить, что поддерживать согласие в городе непросто. Тот факт, что за анализируемый период установки жителей Якутска претерпели больше колебаний, чем по республике в целом, говорит о том, что они очень чувствительно реагируют на любые изменения. Межнациональные отношения формируются не только под влиянием государственной политики, но и каждодневной жизнью и взаимодействием между людьми разных национальностей в конкретном сообществе. Влияние факторов разного порядка вкупе с неустойчивостью межэтнических установок повышает риск возникновения источников межнационального напряжения. В условиях СВО на Украине и связанного с этим международного давления на Россию усугубление социально-экономических проблем может острее ощущаться и сказываться на настроениях населения. Можно предположить, что обострение негативизма в межэтнических отношениях будет наблюдаться среди групп граждан с низким уровнем дохода и общей неудовлетворенностью качеством жизни. Постоянно меняющаяся ситуация испытывает на прочность опыт конструктивного социального взаимодействия между людьми разных национальностей, на-

копленный за многие века совместного проживания саха, русских и представителей других национальностей в суровых климатических условиях.

Для сохранения восприятия межнациональной среды в республике и столице как комфортной властям необходимо прилагать усилия для нормализации и стабилизации социально-экономической ситуации. Поддержание мира между представителями разных национальностей зависит от успешного решения комплекса проблем, связанных с повышением уровня жизни, сокращением социального неравенства, предотвращением оттока молодежи из республики, с обеспечением занятости трудоспособного населения рабочими местами.

Гармоничные межэтнические отношения без проявлений враждебности и позитивное восприятие межнационального климата в городе Якутске являются ценным ресурсом для поддержания межнационального согласия и укрепления общероссийской идентичности граждан, объединенных общими целями и ценностями и проживающими бок о бок на одной территории, в единой стране.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ПМА, 2023 – Полевые материалы автора. Интервью в городах Республики Саха (Якутия), 2023 г. (1 – жен., русская, госслужащая; 2 – муж., саха, работник сферы культуры; 3 – жен., саха, журналист; 4 – жен., русская, медработник; 5 – муж., якут, госслужащий).

ПМА, 2022 – Полевые материалы автора. Групповые дискуссии в городах Республики Саха (Якутия), 2022 г. (1 – высказывания участников ФГ).

ПМА, 2021 – Полевые материалы автора. Интервью в городах Республики Саха (Якутия), 2021 г. (1 – жен., саха, преподаватель; 2 – муж., русский, госслужащий; 3 – муж., саха, психолог; 4 – жен., татарка, предприниматель; 5 – муж., саха, работник телевидения; 6 – муж., саха, журналист).

ПМА, 2020 – Полевые материалы автора. Интервью в городах Республики Саха (Якутия), 2020 г. (1 – муж., саха, журналист; 2 – жен., саха, работник научной сферы).

ПМА, 2019 – Полевые материалы автора. Интервью и групповые дискуссии в городах Республики Саха (Якутия), 2019 г. (1 – круглый стол с представителями общественных объединений; 2 – жен., саха, эксперт сферы управления).

ЛИТЕРАТУРА

Дробижеева Л.М. Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе // Мир России. 2012. № 4. С. 91–110.

Вендина О.И., Паин Э.А. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018.

Новикова Е.Н. Влияние городской среды на доброе поведение молодежи // Социология города. 2011. № 2. С. 16–23.

Парк Р., Баньковская С. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12.

Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / Ю.В. Попков, И.А. Скалабан, Е.А. Тюгашев и др. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2018.

Щеголькова Е.Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 499–520. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260>

Щеголькова Е.Ю. Межэтнические установки сквозь призму субъективных характеристик социального самочувствия // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 4. С. 132–156. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9286>

Castellini F., Colombo M., Maffei D., Montali L. Sense of community and interethnic relations: comparing local communities varying in ethnic heterogeneity. *Journal of Community Psychology*. 2011. Vol. 39, No 6. P. 663–677. <https://doi.org/10.1002/jcop.20459>

Colombijn F., Erdentug A. (Eds.). *Urban Ethnic Encounters: The Spatial Consequences* (1st ed.). London: Routledge, 2002. <https://doi.org/10.4324/9780203218778>

Johnson J.H., Oliver M.L. Interethnic Minority Conflict in Urban America: The Effects of Economic and Social Dislocations // *Urban Geography*. 1989. Vol. 10, No. 5. P. 449–463. <https://doi.org/10.2747/0272-3638.10.5.449>

Massey D. *For Space*. London: Sage Publications Ltd, 2005.

Pratsinakis M., Hatziprokopiou P., Labrianidis L., Vogiatzis N. Living together in multi-ethnic cities: People of migrant background, their interethnic friendships and the neighbourhood, *Urban Studies*, Urban Studies Journal Limited. 2017. Vol. 54(1), P. 102–118. <https://doi.org/10.1177/0042098015615756>

REFERENCES

Castellini F., Colombo M., Maffei D., Montali L. (2011). Sense of community and interethnic relations: comparing local communities varying in ethnic heterogeneity. *Journal of Community Psychology*. Vol. 39(6): 663–677. <https://doi.org/10.1002/jcop.20459>

Colombijn F., Erdentug A. (eds.). (2002). *Urban Ethnic Encounters: The Spatial Consequences* (1st ed.). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203218778>

Drobizheva L.M. (2012) The resource of interethnic harmony and the balance of intolerance in modern Russian society. *Mir Rossii. Sociologiya. E'tnologiya* [The world of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 21. No 4: 91–110. (In Russ.).

Johnson J.H., Oliver M.L. (1989) Interethnic Minority Conflict in Urban America: The Effects of Economic and Social Dislocations. *Urban Geography*. Vol. 10. No. 5: 449–463. <https://doi.org/10.2747/0272-3638.10.5.449>

Massey D. (2005). *For Space*. London: Sage Publications Ltd.

Novikova E.N. (2011) Urban environment influence on antenuptial behavior of youth. *Sociologiya goroda* [Urban sociology]. No 2: 16–23. (In Russ.).

Park R., Bankovskaya S. (2002). The city as a social laboratory. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian sociological review]. Vol. 2. No 3: 3–12. (In Russ.).

Pratsinakis M., Hatziprokopiou P., Labrianidis L., Vogiatzis N. (2017). Living together in multi-ethnic cities: People of migrant background, their interethnic friendships and the neighbourhood. *Urban Studies*. Urban Studies Journal Limited, Vol. 54 (1): 102–118. <https://doi.org/10.1177/0042098015615756>

Shchegolkova E.Yu. (2020) Interethnic relations in the assessments of Russians: a sociological analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny'*

[Monitoring of public opinion: Economic and social changes] No 4: 499–520. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260> (In Russ.).

Shchegolkova E.Yu. (2022). Interethnic Attitudes through the Prism of Subjective Characteristics of Social Well-being. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [The journal Sociological Science and Social Practice]. Vol. 10. No 4: 132–156. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.928> (In Russ.).

Socio-Cultural Monitoring of Urban Inter-Ethnic Community: Methodology, Methods, Practice (2018). V. Popkov (Eds.). Novosibirsk: NGTU Publ. (In Russ.).

Vendina O., Pain E. (2018). *A multi-ethnic city. Problems and prospects of cultural diversity management in the largest cities*. Moscow: Sektor Publ. (In Russ.).

Сведения об авторе: Щеголькова Елена Юрьевна, научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп.5, Москва, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-6982-6674>; e-mail: le_na_3@mail.ru

About the author: Elena Yu. Shchegolkova, Research Fellow at the Center for the Study of Inter-Ethnic Relations, Institute Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, bld. 5 Krzhizhanovskiy St., Moscow 117218, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-6982-6674>; e-mail: le_na_3@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 14.12.2023

Доработана после рецензирования / Revised 29.02.2024

Принята к публикации / Accepted 28.03.2024

ГОРОД В ФОКУСЕ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.397-412>

Социальное развитие региональных столичных городов как фактор (де)стабилизации республиканской идентичности в оценках населения и экспертов (по материалам исследования в Ижевске и Саранске)

О.А. Богатова

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарёва
Саранск, Российская Федерация
bogatovaoa@gmail.com*

Резюме. В статье на основе анализа результатов качественных и количественных социологических исследований характеризуется влияние центр-периферийной стратификации регионов на степень устойчивости социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации – на примере административных центров Республики Мордовия (г. Саранска) и Удмуртской Республики (г. Ижевска). Автор оценивает различия в центр-периферийной самоидентификации элит и населения республик, обусловленные разницей в «эффекте масштаба» их ресурсной обеспеченности в качестве значимого компонента столичной идентичности их главных городов как «центров по реализации чужих инициатив». Например, статус Ижевска в качестве крупнейшего города находит выражение в его сравнении не только со средними городами на территории Удмуртской Республики, но и в сравнении с крупными промышленными городами других регионов. Противоположный пример негативного влияния эффекта масштаба демонстрирует Мордовия как небольшой (с населением менее миллиона человек) и низкоресурсный регион с ее столичным городом Саранском. Формирование в таком регионе сильно поляризованной структуры населения с единственным крупным городом (при отсутствии средних) не препятствует негативному сравнению со столичными городами более развитых и крупных регионов, формируя представление о собственной неконкурентоспособности и периферийности по отношению к крупнейшим городам. Отсюда и готовность войти в состав административных регионов, управляемых данными городами, даже ценой потери центрального статуса. Результаты исследования объясняют феномен размывания республиканской идентичности у жителей столичных городов некоторых республик и дисфункции в их социальном развитии, выражающиеся в их превращении из «локомотивов их модернизации» в доноров человеческих ресурсов более развитых регионов.

Ключевые слова: городские исследования, городская идентичность, развитие городов, республики в составе Российской Федерации, столица региона, столичная идентичность, региональная идентичность.

Для цитирования: Богатова О.А. Социальное развитие региональных столичных городов как фактор (де)стабилизации республиканской идентичности в оценках населения и экспертов (по материалам исследования в Ижевске и Саранске). *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №3. С. 397–412. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.397-412>

**Social development of regional capital cities
as the factor of republican identity (de)stabilisation
in estimations of the population and experts
(based on research in Izhevsk and Saransk)**

O.A. Bogatova

*National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russian Federation
bogatovaoo@gmail.com*

Abstract. Based on the analysis of the results of qualitative and quantitative sociological research, the article characterises the influence of the center-peripheral stratification of regions on the stability degree of the social identity of the population in the capitals of the republics within the Russian Federation – on the example of Saransk, the administrative center of the Republic of Mordovia, and Izhevsk, the administrative center of the Udmurt Republic. The author evaluates the differences in the central-peripheral self-identification of the elites and the population of the republics, due to differences in the “scale effect” of the resource provision of the republics, as a significant component of the metropolitan identity of the central cities of the republics as “centers for the implementation of other people’s initiatives.”

For example, the status of Izhevsk as the largest city is expressed not only in its comparison to medium-sized cities in the Udmurt Republic, but also in competition with large industrial cities in other regions. The contrast example of the negative impact of the scale effect is demonstrated by Mordovia as a relatively small (with a population of less than a million people) and low-resource region with its capital city of Saransk. The formation of a highly polarized population structure in such a region with a single large city in the absence of medium-sized ones does not prevent a negative comparison with the capital cities of more developed and large regions, forming an idea of their own non-competitiveness and periphery in relation to the largest cities, along with a willingness to join the administrative regions they manage, even at the cost of losing their central status. The results of the study explain the phenomenon of blurring the republican identity among the population of the capital cities of some republics and the dysfunction in their social development, which is expressed in their transformation from the “locomotives of modernization” of the republics into the donors of human resources for more developed regions.

Keywords: urban studies, urban identity, urban development, republics in structure of Russian Federation, regional capital city, capital city identity, regional identity.

For citation: Bogatova O.A. (2024) Social development of regional capital cities as the factor of republican identity (de)stabilization in estimations of the population and experts (based on research in Izhevsk and Saransk). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 3: 397–412. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.397-412> (In Russ.)

Предметом статьи является влияние центр-периферийной стратификации регионов на социальную идентичность населения столиц республик в составе Российской Федерации, а более конкретной проблемой – социальные дисфункции в развитии столичных городов, выражающиеся в их превращении из «локомотивов модернизации» республик в доноров человеческих ресурсов более развитых регионов. Перспективы регионального развития и сохранения специфической этнорегиональной идентичности во многом зависят от способности их столичных и других крупных городов удерживать занятое население, обеспечивая приемлемый уровень и качество жизни.

В статье анализируются социальные факторы, влияющие на результат этого процесса наряду с экономической базой региона, а именно центр-периферийный статус столичного города и политика территориального управления развитием республик и их столиц. Они раскрыты на основе данных научно-исследовательского проекта «Конструирование социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации (на примере Республики Мордовия и Удмуртской Республики)», реализованного под руководством автора статьи при поддержке РФФИ в 2020–2022 гг. Его целью было выявление структурно-функциональных особенностей социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации и механизмов её конструирования путем синтеза городской и республиканской идентификаций на примере столиц финно-угорских республик Приволжского федерального округа – Республики Мордовия и Удмуртской Республики (г. Саранска и г. Ижевска).

Материалы и методы

В процессе исследования использовались качественные и количественные социологические методы. Были проведены: четыре фокус-группы с населением обследуемых городов (по две в каждом из них, в том числе одна – с информантами, имеющими высшее образование, и одна – с информантами без высшего образования); массовые анкетные опросы городского населения в Саранске (2020 г.) и Ижевске (2021 г.) по квотно-территориальной выборке; экспертный опрос методом глубинного интервью в обоих городах (по десять экспертов в каждом городе). В 2022 г. был предпринят анализ документов с целью выявления основного содержания политики идентичности столиц республик в составе Российской Федерации на примере Республики Мордовия и Удмуртской Республики (стратегических документов и информационных материалов органов государственной власти и местного самоуправления).

Центральные города республик в составе Российской Федерации, созданные в качестве столиц советских автономий, вследствие своих социальных и культурных функций стали не только «фабриками, инструментами для выращивания нации» (Дятлов, 2018: 239), но и основными бенефициарами и одновременно двигателями модернизации и урбанизации регионов, превратившись в советский период в крупные или крупнейшие города. Сохранение (Ижевск)

или утрата большей части советского промышленного потенциала при воспроизведении других атрибутов субъекта Российской Федерации – собственной территориальной системы органов власти, инфраструктуры высшего образования и науки и т.д. – сформировали различные ресурсные стратегии. Они основаны в первом случае – на развитии имевшегося экономического потенциала, а во втором – на формировании экономики нематериального, символического производства, в которой источником материальных благ является производство «символов роста» (Зукин, 2015: 25) – на основе капитализации «культурной власти» местных элит в условиях прогрессирующей по сравнению с советским периодом «национализации» республиканской идентичности.

Результаты исследования

Понятие города как искусственной среды (окружения) обитания локального в современных социальных науках используется применительно к особой организации материального окружения, характерного для каждого города, насыщенного архитектурными и другими инфраструктурными объектами, служащими для поддержания жизнедеятельности населения и удовлетворения его разнообразных материальных и духовных потребностей. Так, А. Лефевр характеризует город как «обустроенное, оформленное пространство, полное разнообразной социальной деятельности на протяжении некоторой исторической эпохи» (Лефевр, 2015: 85).

Актуальная проблематика городских исследований, представлена в публикациях социологов – З. Баумана (Бауман, 2008), Р. Сеннета (Сеннет, 2008), Й. Тёрборна (Тёрборн, 2020), Д. Харви (Харви, 2018) – и антропологов – Ш. Зукина (Зукин, 2015), М. Оже (Оже, 2017), Дж. Скотта (Скотт, 2005), историков архитектуры и архитектурных критиков – К. Александера (Alexander, 2015), Я. Гейла (Гейл, 2012), Дж. Джекобс (Джекобс, 2011). В отечественных городских исследованиях «средовой подход» утвердился в 1990-е годы благодаря школе В.Л. Глазычева, концептуализировавшего понятие «культуры города» как его самосознания (Глазычев, 1995: 24).

Предметное поле исследований столичной идентичности главных городов регионов включает проблемы:

центральности, доминирующего положения столицы – как «привилегированного пункта территории, в котором наиболее часто встречаются друг с другом обладатели ключевых военных/административных, экономических и культурных ресурсов...; где люди собираются для ритуальных церемоний подтверждения своей идентичности, где имеются памятники, символизирующие эту идентичность; где присутствует самая большая доля экономически активного населения» (Роккан, 2003: 120–121) – в системе центр-периферийных отношений с управляемыми территориями, социального неравенства в городской среде;

«культурной власти» – использования культурных стратегий в целях развития «символической экономики» доминирующей в городском социальном пространстве группой, комфортности городской среды и приспособления её к нуждам «креативного класса» (моменты, актуализировавшиеся в период «гибкого капитализма» в результате деиндустриализации (Лэндри, 2006);

формирования «городского текста» – системы культурно-символических репрезентаций городского пространства, визуализирующих городскую идентичность населения в результате соотнесения понятий с реальными или воображаемыми объектами, людьми или событиями (Hall, 1997: 17).

Исследование показало, что в постсоветский период этносимволические функции республиканских столиц не утрачиваются, а расширяются при поддержке федерального центра, способствуя, например, созданию узнаваемых образов республик в туристическом и коммерческом брендинге. Сравнительный анализ и оценка уровня самоидентификации жителей Ижевска и Саранска с соответствующими республиками и их столицами позволяют оценить эффективность такой политики идентичности и влияние различных стратегий развития столичного города на повышение или снижение уровня столичной идентичности.

В процессе реализации проекта были выделены такие компоненты столичной идентичности республиканских административных центров, как: «примордиальный» компонент («родной город», место проживания и совместного времяпрепровождения родителей, родственников, друзей детства, одноклассников); «этнонациональные»; центр-периферийные; экономические институциональные компоненты, основанные на восприятии столичного города как территории концентрации различных видов хозяйственной деятельности, занятости и потребления (в качестве социальных практик, связывающих индивидов с городом); державно-исторические, включающие содержание публичной исторической памяти о вкладе города в развитие российской государственности; гражданские компоненты, основанные на совместной ответственности за условия проживания в городе, включая понимание общих интересов, взаимное доверие и способность объединяться с другими горожанами для решения общих проблем.

К числу важнейших документов, описывающих представления республиканских элит о социальном статусе, возможностях и ресурсах развития региона и его столицы, относятся стратегии развития республик и генеральные планы развития центральных городов. Эти документы, разработанные как региональными, так и сторонними аналитиками из проектных организаций Москвы и Санкт-Петербурга, содержат краткую характеристику идентичности и основных функций республиканских административных центров в регионах в контексте социально-экономического и градостроительного анализа с точки зрения заказчиков – республиканских политических элит.

Так, основная цель генерального плана г. Ижевска определяется как «разработка долгосрочной градостроительной стратегии, направленной на создание благоприятной, удобной и безопасной городской среды», а сам город – в качестве «административного центра Удмуртской Республики – крупного многофункционального, научно-образовательного, культурного и производственного центра Российской Федерации»¹. Аналогичным образом сформулирована цель генплана Саранска, который характеризуется в качестве «крупного многофункционального культурного, научно-образовательного, производственного и туристического центра Российской Федерации»². В генпланах содержится прогноз увеличения численности населения городских округов к 2035 г. (Ижевска – до 650 тыс. чел., Саранска – до 360 тыс. чел.), определяются принципы зонирования городской застройки (жилые районы различной этажности, промышленные и промышленно-коммунальные зоны), ставятся задачи в области развития городского транспорта, общественных территорий, озеленения города, нового строительства и реконструкции имеющегося жилья с учётом необходимости сохранения культурного наследия.

Несмотря на стандартные формулировки целей и задач и сходство характеристик обоих городов, можно отметить акцент на различных аспектах городской идентичности. В Стратегии социально-экономического развития Удмуртской Республики на период до 2025 г. отмечается, что «по основным макроэкономическим показателям и показателям демографического развития Ижевск находится на седьмом месте среди региональных центров Поволжья», и ставится задача «удержания позиции одного из промышленных центров макрорегиона»³. Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 г. подчеркивает, что единственным крупным городом в республике является ее столица Саранск, в то время как остальные города относятся к категории городов с численностью менее 50 тыс. чел., ставится цель «стать привлекательным для внешней миграции (особенно высококвалифицированных специалистов) и удобным для горожан, обладать возможностью и потенциалом для

---

¹ Генеральный план города Ижевска (перспектива до 2025 г.) в редакции от 30.12.2016 г. (утверждён решением Городской думы Ижевска от 6 июня 2016 г., № 96). URL: <https://www.izh.ru/i/info/24313.html> (дата обращения: 20.12.2023).

² Генеральный план муниципального образования городской округ Саранск Республики Мордовия (утверждён решением Совета депутатов городского округа Саранск от 23 апреля 2014 г., № 333). URL: <https://саранск.рф/plan-razvitia/genpl2024.php> (дата обращения: 20.12.2023).

³ Стратегия социально-экономического развития Удмуртской Республики на период до 2025 года утверждена законом Удмуртской Республики 29 сентября 2009 г. N 326-IV (в ред. Законов Удмуртской Республики от 10.04.2015, № 15-ПЗ, от 08.12.2016, № 83-ПЗ, от 25.12.2018, № 96-ПЗ). URL: <https://docs.cntd.ru/document/960018555> (дата обращения: 20.12.2023).

развития новых видов деятельности»⁴, а в качестве конкурентного преимущества города отмечается наличие федеральных трасс, соединяющих Мордовию с другими регионами, оцениваются перспективы проведения в городе крупных международных мероприятий, развития инфраструктуры этнотуризма и историко-культурного туризма.

Аналогичные центр-периферийные аспекты самоописания Саранска относительно других регионов и дорог российского значения содержатся в его Генеральном плане, утвержденном в 2014 г., с последующими изменениями, в которых анализируется влияние на развитие города подготовки и организации матчей кубка ФИФА 2018 г.⁵, в муниципальных и ведомственных целевых республиканских программах. Следовательно, ни столичному городу, ни региону, которым он управляет, ни в какой степени не приписываются признаки, указывающие на самодостаточность: Саранск описывается в качестве центра «символической экономики» и оказания услуг визитерам из других стран и регионов в пространстве «глобальных экономических потоков» (Бауман, 2008: 35).

В Саранске в большинстве случаев понятия «центральный город» и «крупный город» понимаются экспертами как синонимы по умолчанию, а моноцентричность региона – при которой столицу, представляющую собой единственный крупный город при отсутствии средних, не имеет смысла сравнивать с другими поселениями на территории республики – воспринимается как данность, которую они ожидают встретить в большинстве российских регионов:

А что значит статус? Ну да, это центр республики, ну и что? <...> Это крупный город с населением 325 тыс. Всё остальное – это маленькие города, посёлки, сёла. Но это везде так. В Пензе такой тоже контраст: город, а все остальное мелочи. В Чувашии то же самое. Во всех регионах такой контраст. Есть крупный город, а всё остальное – мелочи. Он как бы все потоки стягивает к себе (ПМА, 2021: 1, Саранск).

Вместе с тем, по мнению экспертов, проживание в моноцентричном провинциальном регионе имеет и свои преимущества, выступающие оборотной стороной низкой деловой и общественно-политической активности:

Отличает еще тишина, относительно даже соседних областных центров более низкий уровень преступности; то есть, Саранск в этом плане спокойнее, комфортнее для проживания; (его – прим. авт.) отличает неспешный темп жизни (ПМА, 2021: 4, Саранск).

---

⁴ Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года (утверждена Законом Республики Мордовия «О стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года»). URL: <http://mineco.e-mordovia.ru/upload/medialibrary/c43/c43a20845d465a3f8055fa97d0222483.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).

⁵ Генеральный план муниципального образования городской округ Саранск Республики Мордовия (утвержден решением Совета депутатов городского округа Саранск от 23 апреля 2014 г., № 333). Пояснительная записка. URL: <https://саранск.рф/upload/genplan/poyasnitelnayazapiskaplanrazvitea.docx> (дата обращения: 20.12.2023).

Мы же помним, в 90-е годы какая тяжелая обстановка была. Могло произойти все, что угодно. И человек чувствовал себя абсолютно незащищенным. Сейчас такого нет. Бывают конфликты на межнациональной почве, но они на бытовом уровне, межнациональной напряженности нет (ПМА, 2021: 9, Саранск).

Формирование в Республике Мордовия особого бесприбыльного экономического уклада, основанного на привлечении федеральных субсидий и опосредованного административным ресурсом, отмечали саранские эксперты:

Особенность Саранска, – что здесь бизнесом считается освоение какой-то субвенции из Москвы, гранта. У них считается бизнес, что они там выплатят какой-то откат тем, кто это принесет. В Европе это бизнесом не считается. Ну, например, моей младшей дочери сколько денег ни дай, она все равно все их потратит. Это не считается бизнесом. Бизнес это, когда поехала работать проводницей по линии Москва-Адлер, вот это какой-то бизнес. А когда она просто тратит деньги, это не бизнес. В Саранске это считается бизнесом. То есть когда Саранск говорит: «Москва, дай нам денег, а мы их потратим», – вот это называется бизнес. Это ни к чему конструктивному не приводит (ПМА, 2021: 2, Саранск).

В результате формируется «символическая экономика» знаковых общественных зданий, выполняющих функцию визуальных репрезентаций региональной идентичности и не окупающих расходы, связанные с их содержанием, финансовую функцию обеспечения новых кредитов под залог недвижимости, и мегасобытий, осуществляемых за счет осваиваемых бюджетных средств. Опрошенные в 2021 г. саранские эксперты отмечают важность реализации федеральных программ формирования доступной и комфортной городской среды для развития общественных пространств в условиях недостатка собственных средств в бюджете города и республики, вместе с тем отмечая, что они не решают всех проблем:

Современным <...> стандартам, современным аналогам, даже по другим городам, наши общественные пространства не удовлетворяют. Они спроектированы часто непрофессионально, часто неверно, часто они просто, не знаю, проектируются как раз людьми, которые просто в этом не разбираются. И заказчики часто не разбираются в этом. Опять же, очень мало денег, и капканом – запрет на капвложения. То есть, например, у нас в городе благоустраивается только одно общественное пространство в год из-за того, что есть федеральная программа «Комфортная городская среда». Этого, конечно, очень мало (ПМА, 2021: 1, Саранск).

В качестве характерной особенности постсоветского периода эксперты называют также дефицит управленческого профессионализма как на муниципальном, так и на региональном уровне, для стратегического целеполагания в решении проблем развития современного крупного города:

Эти были ребята, из команды Меркушкина, очень наивные, без образования без серьезного. Заниматься такими делами менеджерскими! Но попытки были, и вот за это их можно похвалить, за бесстрашие, я бы сказал. Сейчас их ругают почему-то. Их ругают журналисты, которые живут в городе, который Меркушкин им собственно и дал... Не очень красиво ругаться на Николая Ивановича за это. Да, у него была такая попытка, очень смелая (ПМА, 2021: 1, Саранск).

Ограниченный или нестабильный характер таких инвестиций способствовал их освоению в интересах отдельных групп городского населения (расширение проезжей части на избыточном количестве улиц в интересах автовладельцев, застройка парковых зон и т.д.), использованию для развития отраслей, не создающих большого количества рабочих мест и перспектив стабильной занятости в условиях «внутренней периферии» (спорт, индустрия досуга и гостеприимства и т.д.), формированию городской «символической» экономики, специализирующейся на производстве культурных и образовательных услуг, а также символов и архитектурных репрезентаций республиканской идентичности в городской среде с минимальным благоустройством и низким, по оценке экспертов, качеством общественных пространств:

На троечку, то есть это соответствие потребностям минимальным. То есть пройти на лавочке посидеть, не знаю, на какой-нибудь обычной детской площадке ребенок поиграл. <...> Этого, конечно, очень мало. Вот, так что оцениваю достаточно низко. То есть какие-то определенные, самые низкие потребности удовлетворить они могут, но не выше. <...> То есть почему ребята из администрации предлагали это? Это было потому, что, наверное, один из наиболее простых, примитивных способов как-то заполнить пространство. Вот и всё. Я думаю, что здесь какого-то сильно глубокого подтекста нет. То есть просто кто-то торопился, кто-то мало подумал, кто-то совершенно не знал специфику территории, и поэтому просто такое. А что у нас там вообще бывает? Ну, детские площадки бывают. Ну, можно детскую площадку. Что у нас еще бывает? Ну, для шашлыков. Вроде в детском парке сделали. Ну хорошо, давайте, может тоже предложим. Мне кажется, это как-то так было (ПМА, 2021: 1, Саранск).

Вместе с тем, по мнению экспертов, такой уровень благоустройства вполне сравним с центральными городами большинства российских регионов:

Многие города посмотрел. Они такие же чистые, там такого же наворочено барахла архитектурного (ПМА, 2021: 1, Саранск).

Все приезжие отмечают, что Саранск – зеленый город, достаточно комфортные городские пространства вокруг, например, на набережной Саранки всем нравится, особенно летом, что молодые семьи с детьми кормят уток, то есть их [приезжих] это приводит в такое умиление (ПМА, 2021: 4, Саранск).

В последнее время говорят, что дороги стали плохие; на самом деле это не так, потому что, мы привыкаем к лучшему, и уже любой изъян замечаем (ПМА, 2021: 6, Саранск).

Аналогичной точки зрения придерживались разработчики принятой в 2013 г. республиканской программы «Развитие культуры и туризма в Республике Мордовия», отмечая, что «общий уровень экономической результативности благоустроенных публичных (коммуникативных) пространств не вызывает оптимизма»⁶. Трудности с вовлечением горожан в процесс формирования городской среды эксперты объясняют сельскими корнями и социальной пассивностью населения Саранска, полагая, что само по себе проживание в городе не формирует личность активного, заинтересованного горожанина:

Современный саранский житель разный – есть саранские жители во втором поколении, есть в третьем, есть в четвертом поколении, у которых не осталось деревни, но и горожанами они не стали. Поэтому люди зачастую выбрасывают мусор себе под окно, к несчастью (ПМА, 2021: 4, Саранск).

Эксперты отмечают, что реализация проектов благоустройства как дворовых территорий, так и уличного пространства могут быть использованы для создания преимуществ отдельным категориям городского населения в ущерб остальным. Такая политика городских властей, противоречащая принципам социального урбанизма, по мнению экспертов, приводит к превращению улиц в «шоссе», создавая неудобства для большого количества пешеходов вблизи общественных зданий и давая предлог для вырубки зелёных насаждений: «Решив проблему качества проезжей части, мы создали небезопасную дорогу, неэкологичную улицу. Неудобно, некомфортно, и все в таком духе» (ПМА, 2021: 10, Саранск).

При разработке и утверждении дворовых дизайн-проектов общественной комиссией при администрации города без надлежащей экспертизы условий проживания приоритет также может быть отдан парковкам:

А все новые дома, которые строятся, мало того, что там сплошное парковочное место. Там какая-нибудь куца детская площадка, и там вообще не заложено ни по каким нормативам ничего зелёного. Ну, просто нету. Примеров очень много. Это проблема всей России (ПМА, 2021: 7, Саранск).

---

⁶ Государственная программа Республики Мордовия «Развитие культуры и туризма» (утв. постановлением Правительства Республики Мордовия от 23 декабря 2013 г., № 579) (в ред. Постановлений Правительства Республики Мордовия от 30.01.2017 № 81, от 24.04.2017 № 259, от 10.10.2017 № 548, от 25.04.2018 № 263, от 28.02.2019, № 101, от 07.10.2019, № 393, от 17.01.2020, № 9, от 16.04.2020, № 226, от 27.08.2020 № 504, от 02.02.2021, № 37, от 05.04.2021, № 139, от 01.11.2021, № 506, от 10.01.2022, № 1, от 28.03.2022, № 286, от 21.11.2022, № 749) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460226488> (дата обращения: 20.12.2023).

Массовый опрос и фокус-групповое исследование выявили особенности самоидентификации двух республиканских столиц: Ижевска как крупного индустриального центра и Саранска как центра потребительской символической экономики. Столица Мордовии, утратившая значительную часть предприятий и рабочих мест, созданных в советский период, развивалась в соответствии с моделью, более характерной для большинства республик, в которых основой развития экономики стало федеральное финансирование их управленческих и этнокультурных функций, а также краткосрочных и среднесрочных проектов, связанных с подготовкой спортивных и культурных «мегасобытий».

Альтернативой является стратегическое планирование развития городских сообществ и города как социальной среды, исходящее из общих интересов и социальных потребностей горожан. Из двух рассматриваемых региональных столиц такая цель поставлена только в проекте Стратегии пространственного развития Ижевской агломерации до 2030 г., разработанной АНО «Центр развития дизайна, городской среды и энергосбережения Удмуртской Республики» совместно с урбанистами Института «Стрелка» и Государственного университета НИУ ВШЭ.

Этот проект, к числу ключевых стейкхолдеров которого отнесены «формальные и неформальные организации, занимающиеся развитием культурных проектов и мероприятий, а также активные городские сообщества», примечателен, в частности, тем, что в нём сформулированы задачи формирования локальной идентичности и городских сообществ, призванных способствовать «не только выявлению и дальнейшему развитию идентичности Ижевской агломерации, но поддержке и развитию потенциала территории». Реализации этих приоритетов подчинены задачи «повышения комфорта и разнообразия городской среды и застройки», которые оцениваются в аспекте соответствия развитию социальных контактов и удовлетворению социальных потребностей горожан⁷.

Такого рода соучаствующие стратегии городского развития требуют существенных затрат в случае, если они не опираются на базовую структуру компактного расселения (как это имеет место в Ижевске), а также определенного уровня зрелости как гражданского общества, так и управленческих элит. Фокус-группы показали, что общественный запрос на такие стратегии в столице Мордовии имеется, во всяком случае, среди молодежи. Информанты описывали оптимальную схему управления развитием городской среды столицы именно как соучаствующей:

Ключевым игроком это будет непосредственно мэрия города. Если мы говорим про Саранск, именно власть его. То, что власти города, они должны, получается, они должны привлекать непосредственно средства в бюджет. Жители, в моем представлении, они играют роль заказчика, то есть. Так как, например, делаем тоже общественное про-

---

⁷ Стратегия пространственного развития Ижевской агломерации. Жилая и многофункциональная среда. Версия от 22.03.2022. URL: <https://izhevsk2030.ru> (дата обращения: 20.12.2023).

странство, и им пользоваться будут люди. Поэтому непосредственно у них нужно спрашивать, чего они хотят. А именно уже организацию всего и вот доведение итогов, считаю, это надо отдавать в руки экспертам <...> уже непосредственно мэрии города. И я считаю <...>, что именно непосредственно, то есть первым делом в мэрию города, должны прибыть специалисты. И эти специалисты привлекают денежные средства в бюджет города. Эти специалисты интересуются у людей, что они хотят, какие у них потребности, запросы. И уже далее они сами, исходя из своей компетентности, собственно говоря, делают город таким, каким хотели бы его видеть люди. Примерно как-то так (ПМА, 2020: 1).

Участниками фокус-групп было, однако, высказано мнение о том, что на практике местные власти сопротивляются любым формам самоорганизации граждан с целью предупреждения протестной активности, используя при этом различные формы давления на группы населения, зависящие от государства в отношении зарплаты или бюджетной социальной поддержки:

Одно из главных «но» – то, что власть делает все, чтобы разобщить население. У нас очень много бюджетников, зависящих от власти, и те же студенты не могут как бы противостоять в плане того, что в любой момент их могут отчислить, выгнать из общаг. ... Поэтому объединение возможно, но очень сложно. Очень сложно. То есть должен быть вообще по-настоящему сильный резонанс, который сложно перекрыть каким-то таким давлением (ПМА, 2020: 1).

На основании результатов фокус-группового исследования можно заключить, что представление о Саранске как о городе, занимающем центральное положение во «внутренней периферии», разделяет и городское население:

Всё-таки это провинциальная столица скорее, в моем понимании так. ... Но всё-таки провинциальным я бы его тоже не назвал, потому что, тоже, я не знаю, чемпионат мира показал, что все-таки Саранск, он в сравнении с теми же провинциальными городами, все-таки немного посовременней, и даже за недавнее время много сервисов открылось всяких. Например, та же SPAR-доставка. И так далее. То есть всё-таки это что-то среднее между столицей и провинцией. Потому что в реалиях России столица кажется каким-то таким большим городом-миллионником, где есть много мест для досуга, и так далее. <...> Это куда едут, например, зарабатывать деньги. Про Саранск это не скажешь (ПМА, 2020: 2).

Ключевым фактором непривлекательности Саранска информанты считают состояние экономики, а именно отсутствие крупных предприятий, которые создавали бы рабочие места и привлекали население:

Мне кажется, что основная проблема Саранска – это отсутствие какого бы то ни было предприятия, на которое можно было надеяться, и которым можно гордиться. То есть, во-первых, такое предприятие

сразу прекращает утечку кадров в другие города. Во-вторых, это привлекает в наш город дополнительных специалистов. А там, где есть специалисты, ну какое-то более-менее прогрессивное градообразующее предприятие, и там будут и все остальные в сферу услуг. Туда притекает всегда. А сменой названия уж тем более мы никак город не разовьем, так это точно. Тем более – изменением фасадов домов. Так что уж лучше пускай они будут внутри качественно-рабочими, а снаружи вот стеклянно-изуродованными, чем не будет никаких (ПМА, 2020: 2).

Эти высказывания указывают на ключевые экономические проблемы столиц небольших республик, хозяйственное развитие которых в советский период стимулировалось административным ресурсом. Как отмечает один из экспертов, индустриализация республиканской столицы, наряду с созданием учреждений высшего образования, была одним из атрибутов ее статуса и условием превращения в центральный город, формирующий единую региональную идентичность у населения, ранее проживавшего на территории разных губерний:

Его (Саранска – прим. авт.) особенность начинается, как бы ни было это банально, со становления определенного статуса – столицы республики. И в этом случае как бы объединяла часть вот этих уездов Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Симбирской губернии. Вот это и индивидуальность, в этом есть определенное уже. А потом, когда уже идет развитие промышленности, то были у нас соответствующие флагманы, допустим. И не только промышленные предприятия, но и университет, допустим, формируется и т.д. И индивидуальность всё в большей степени возрастает (ПМА, 2021: 3, Саранск).

В постсоветский период в тех республиках, которые потеряли значительную часть промышленного потенциала в результате рыночных трансформаций, намечается разрыв между символическими и институциональными факторами столичной идентичности. Это в полной мере относится к Саранску, крупные градообразующие предприятия которого, создававшие десятки тысяч рабочих мест и строившие массовое жилье, либо закрылись, либо на порядок сократили численность работников. Республиканские элиты, не найдя применения бывшим предприятиям союзного значения, усиливают символические компоненты имиджа республики и столичного города в территориальном брендинге за счет этничности и сельской экзотики. Однако для населения региона деиндустриализация становится фактором миграционного выталкивания и ослабления республиканской идентичности.

Массовый опрос населения Саранска обнаружил большую выраженность миграционных настроений по сравнению с Ижевском и меньшую лояльность по отношению к статусу республики как отдельного административного региона. И если экспертные интервью в Ижевске выявили среди общественности некоторую «моральную панику», связанную с гипотетической возможностью объединения Удмуртской Республики с Пермским краем или другим соседним

регионом, в практической плоскости никогда не обсуждавшейся («Тогда в Ижевске, как и сейчас в Сарапуле или Воткинске, будут дома с заколоченными окнами. Вузы наши с вами будут, как сказать, либо слиты в один, либо закрыты, и, ну, в целом будет такая милая очаровательная деревня с садоогородами в центре Ижевска, пасущимися козами, коровами и пьющими людьми на улице» (ПМА, 2021: 7, Ижевск), то массовый опрос в Саранске показал, что идею объединения Мордовии с более сильным в экономическом плане регионом России в той или иной степени поддерживает половина столичного населения (положительно к ней отнеслись 29% респондентов, скорее положительно – 21%), в то время как в Ижевске – менее 20% (положительно – 8,7%, скорее положительно – 8,7%).

* * *

Таким образом, исследование позволяет охарактеризовать в качестве значимого компонента столичной идентичности центральных городов республик центр-периферийную самоидентификацию элит и населения республиканских столиц, так как, несмотря на столичные функции, решать задачи модернизации этих административных регионов, по оценкам экспертов, они в состоянии только в качестве посредников, *«центров по реализации чужих инициатив»* (ПМА, 2021: 5, Ижевск). Например, статус Ижевска в качестве крупнейшего города находит выражение в его сравнении не только со средними городами на территории Удмуртской Республики, но и в сравнении (в качестве конкурентов) с крупными промышленными городами других регионов. Противоположный пример негативного влияния эффекта масштаба демонстрирует Мордовия как небольшой (с населением менее миллиона человек) и низкоресурсный регион с ее столичным городом Саранском. Формирование в таком регионе сильно поляризованной структуры населения с единственным крупным городом при отсутствии средних («есть крупный город, а всё остальное мелочи» (ПМА, 2021: 1, Саранск) не препятствует негативному сравнению со столичными городами более развитых и крупных регионов, формируя представление о собственной неконкурентоспособности и периферийности по отношению к крупнейшим городам, наряду с готовностью войти в состав управляемых ими административных регионов даже ценой потери центрального статуса.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ПМА, 2020 – Полевые материалы автора. Фокус-группы онлайн с жителями г. Саранска, 2020 г. (1 – 8 участников с высшим образованием, 2 – 10 участников без высшего образования).

ПМА, 2021 – Полевые материалы автора. Экспертные интервью в г. Саранске и г. Ижевске, 2021 г. (г. Саранск: 1 – искусствовед, 2 – журналист 1, 3 – географ, 4 – реконструктор, 5 – архитектор, 6 – журналист 2, 7 – общественный активист 1, 8 – журналист 3, 9 – культуролог, 10 – общественный активист 2; г. Ижевск – 1 – политолог, 2 – историк, краевед, 3 – государственный служащий, 4 – руководитель НКО, 5 – философ, 6 – социолог, 7 – экономист, 8 – журналист, 9 – этнопсихолог, 10 – филолог).

ЛИТЕРАТУРА

Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3. С. 24–53.

Гейл Я. Города для людей / изд. на русском языке; пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2012.

Глазычев В.Л. Городская среда. Технология развития: Настольная книга. М.: Издательство «Ладья», 1995.

Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011.

Дятлов В.И. Столицы сибирских автономий: советский проект нациестроительства и этнизация городского пространства // Республики на Востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. Улан-Удэ: Изд-во БиЦ СО РАН, 2018. С. 238–247. <https://doi.org/10.30792/978-5-7925-0522-3-2018-238-246>

Зукин Ш. Культуры городов / пер. с англ. Д. Симановского. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Лефевр А. Производство пространства. М.: Streika Press, 2015.

Лэндри Ч. Креативный город / пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2006.

Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Роккан С., Урвин Д.В. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. 2003. № 6 (40). С. 117–132.

Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3. С. 95–107.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.

Тёрборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Alexander C. A City is Not a Tree // The Urban Design Reader. 2nd edition / ed. by Michael Larice, Elizabeth Macdonald. London: Routledge, 2013. P. 152–166. <https://doi.org/10.4324/9780203094235>

Hall S. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1997.

REFERENCES

- Alexander C. (2012) *A City is Not a Tree*. In: Michael Larice, Elizabeth Macdonald (eds.) *The Urban Design Reader*. 2nd edition. London: Routledge: 152–166. <https://doi.org/10.4324/9780203094235>
- Augé M. (2017) *Non-lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) City of fears, city of hopes. *Logos*. No. 3: 24–53. (In Russ.)
- Dyatlov V.I. (2018) Capitals of Siberian Autonomies: Soviet project of nation building and ethnisation of urban space. In: *Republics in the East of Russia: Trajectories of economic, demographic and territorial development*. Ulan-Ude: BIC SO RAN Publ.: 238–247. <https://doi.org/10.30792/978-5-7925-0522-3-2018-238-246> (In Russ.)
- Geyl Ya. (2012) *Cities for people*. Moscow: Alpina Publ. (In Russ.)
- Glazychev V.L. (1995) *The Urban environment. Technology of development: the reference book*. Moscow: Ladya Publ. (In Russ.)
- Hall S. (1997) *Representation: cultural representations and signifying practices*. London – Thousand Oaks – New Delhi: SAGE Publications.
- Harvey D. (2018) *Social justice and the city*. Moscow: Novoe Literaturnoye Obozrenie Publ. (In Russ.)
- Jacobs J. (2011) *The death and life of great American cities*. Moscow: Novoye Izdatel'stvo Publ. (In Russ.)
- Landry Ch. *The Creative city*. Moscow: Klassika-XXI Publ. (In Russ.)
- Lefebvre H. (2015) *La production de l'espace*. Moscow: Strelka Press Publ. (In Russ.)
- Rokkan S., Urwin D. (2003) The politics of territorial identity. *Studies in European regionalism. Logos*. 2003. No. 6 (40): 117–132 (In Russ.)
- Scott J. (2005) *Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed*. Moscow: Universitetskaya Kniga Publ. (In Russ.)
- Sennett R. (2008) Capitalism and the city. *Logos*. No. 3: 95–107. (In Russ.)
- Therborn G. (2020) *Cities of power. The urban, the national, the popular, the global*. Moscow: Izdatelskiy Dom Vysshey shkoly ekonomiki Publ. (In Russ.)
- Zukin S. (2015) *Cultures of the cities*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Богатова Ольга Анатольевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (430005, ул. Большевикская, 68/1, Саранск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-5877-7910>; e-mail: bogatovaoa@gmail.com

About the author: Olga A. Bogatova, Doctor Sc. (Sociology), Professor at the Department of Sociology and Social Work, National Research Ogarev Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-5877-7910>; e-mail: bogatovaoa@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 11.01.2024

Доработана после рецензирования / Revised 12.03.2024

Принята к публикации / Accepted 15.04.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.413-427>

Трехсотлетие Перми как элемент политики идентичности

М.В. Назукина

*Институт гуманитарных исследований,
Пермский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
Пермь, Российская Федерация
nazukina@mail.ru*

Резюме. В статье анализируется юбилей региональной столицы как инструмент политики идентичности. Определено, что с точки зрения идентитарного подхода событие такого рода может выступать катализатором рефлексии, благоприятно влиять на вовлеченность жителей в решение городских проблем, интегрировать сообщество. Предложено определение юбилея как символической практики целенаправленного конструирования идентитарных смыслов, обеспечивающих интеграцию городского / регионального сообщества, и решающей задачи позиционирования территории. Определены ключевые содержательные аспекты дискурса юбилея: имиджевый, инфраструктурный и идентитарный. Если первые два аспекта направлены на утилитарный, экономический эффект, повышение известности территории и реальные изменения городского ландшафта, идентитарный ракурс фиксирует смыслы, связанные с рефлексией особенностей сообщества. На примере 300-летнего юбилея Перми проанализирована риторика ключевых акторов политики идентичности. Автор делает вывод о том, что в случае Перми юбилей рассматривался, прежде всего, как инструмент решения имиджевых задач. Повестка конструирования идентичности по отношению к проблеме продвижения занимала подчиненное положение. Юбилей увязывался с возможностью осмысления городской и региональной идентичности, но данное направление не выразилось в широкую общественную дискуссию в среде интеллектуалов.

Ключевые слова: идентичность, политика идентичности, юбилей, бренд города, Пермь.

Для цитирования: Назукина М.В. Трехсотлетие Перми как элемент политики идентичности. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №3. С. 413–427. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.413-427>

The tercentenary of Perm as an element of identity politics

M.V. Nazukina

*Institute for Humanities Research,
Perm Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Perm, Russian Federation
nazukina@mail.ru*

Abstract. The article analyses the anniversary of a regional capital as a tool of identity politics. From the point of view of an identity approach, an event of this kind can act as a catalyst for reflection, have a positive impact on the involvement of residents in solving city problems, and integrate the community. The anniversary is considered as a symbolic practice of purposefully constructing the identity discourse that ensures integration of the urban/regional community and solves the problems of positioning the territory. The key content aspects of the jubilee discourse have been identified: image, infrastructure, and identity. If the first two aspects are aimed at the utilitarian economic effect, reinforcing the popularity of the territory and the real changes in the urban landscape, the identity perspective captures the meanings associated with understanding oneself as a community. Using the example of the 300th anniversary of Perm, the rhetoric of key actors in identity politics has been analysed from the perspective of these aspects. The author concludes that in the case of Perm, the anniversary was considered mainly as a tool for solving image problems. The agenda of constructing identity occupied a subordinate place in relation to the promotion issue. The anniversary was linked to the possibility of understanding urban and regional identity. However, that trend did not translate into a broad public discussion among intellectuals.

Keywords: identity, identity politics, anniversary, city brand, Perm.

For citation: Nazukina M.V. (2024) The tercentenary of Perm as an element of identity politics. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 3: 413–427. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.413-427> (In Russ.)

Юбилей – это не только празднование с определенным набором действий. Подготовка и проведение приуроченных к праздничным датам мероприятий – важная веха для городского развития, которая позволяет подвести некоторые итоги, определить ориентиры на будущее. Иными словами, это точка рефлексии, которая напрямую связана с ключевыми идентитарными вопросами: «кто мы?», «куда мы идем?». Юбилей, таким образом, является символической практикой политики идентичности. Более того, это стимул для развития: он дает новые возможности для привлечения значительных ресурсов, аккумулируя которые оказывается возможным решить многие вопросы, например, инфраструктурного плана. Как пишет Н.В. Петров: «юбилей города/региона, особенно когда дата круглая, – это то, что способствует привлечению всеобщего внимания и средств, созданию и раскрутке имиджа» (Петров, 2003: 141–142). Круглые даты обычно связываются с такими событиями, как: вхождение региона в состав Российского государства, его образование в качестве самостоятель-

ной административной единицы, основание входящих в его состав городов (особенно столичных). События такого рода дают региональным элитам возможность получить дополнительные финансовые и символические ресурсы (Политика памяти, 2023: 448). Этими обстоятельствами объясняется всплеск различного уровня и масштабности юбилейных празднований. К примеру, за последние годы в России отметили такие громкие юбилеи: трехсотлетие Санкт-Петербурга (2003 г.), тысячелетие Казани (2005 г.), тысячелетие Ярославля (2010 г.), 300-летие Омска (2016 г.), 100-летие Мурманска (2016 г.), 200-летие Грозного (2018 г.), 800-летие Нижнего Новгорода (2021 г.), 300-летие Перми и Екатеринбурга (2023 г.).

В 2023 г. масштабное юбилейное празднование трехсотлетия прошло в городе Перми. Старт организации юбилея был положен в 2018 г.¹ Его программа состояла из 243 событий в сфере культуры, спорта и других, их зрителями и участниками выступили 6 млн. человек. Главным мероприятием стал XI Международный спортивный форум «Россия – спортивная держава» с участием Президента России Владимира Путина, представителей 30 стран². 300-летие Перми явилось катализатором в жизни городского сообщества. Очевидный имиджевый эффект от мероприятия фиксируется фразой «Пермь широко отпраздновала 300-летие», ставшей наиболее часто встречающейся в СМИ по отношению к юбилею. Случай Пермского юбилея, таким образом, явил собой успешный пример внешних эффектов от празднования. Вместе с тем события такого масштаба не могут не оказывать влияние на внутреннее конструирование идентичности. Значение праздничных дат велико в силу эмоционально-психологической составляющей, благодаря чему становится возможным ощутить коллективность: «В празднике всегда заключено нечто возвышающее, что извлекает из обыденности тех, кто в нем участвует, и поднимает всех до некой всеохватывающей общности» (Гадамер, 1991: 151). Это актуализирует изучение вопроса о том, как 300-летие связывалось с региональной и городской идентичностью. В данной статье сквозь призму понимания юбилея как символической практики осуществления политики идентичности предпринимается попытка ответа на данный вопрос.

Юбилеи в политике идентичности городов и регионов

О.Ю. Малинова определяет юбилеи региональных столиц как «эпизоды символической политики», под которой автор понимает деятельность, «связанную с производством, продвижением и соперничеством различных способов

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10.07.2018 г. № 411 «О праздновании 300-летия основания г. Перми». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43301> (дата обращения: 11.03.2024).

² Региональный оргкомитет «Пермь-300» подвел итоги юбилея // Коммерсант. Прикамье. 27 января 2024 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6477829> (дата обращения: 11.03.2024).

интерпретации социальной реальности и борьбу за их доминирование в публичном пространстве» (Малинова, 2017: 655). Символическая политика осуществляется в публичной сфере, поэтому ее изучение должно быть направлено на среду, в которой происходит конкуренция разных способов интерпретации социальной реальности, а также на особенности стратегий акторов, участвующих в данных практиках.

Поскольку символические действия связаны с транслированием определенных смыслов понимания реальности, они неизбежно приводят к столкновению позиций. В этом проявляется политический компонент, определяющий борьбу за «картину мира». Речь при этом может идти не только о конструировании политической реальности, но и касаться вопросов оформления сообществ и их идентичности, что позволяет рассматривать символические действия как составляющую политики идентичности. Учитывая понимание идентичности как ресурса развития сообществ (Семененко, 2023: 11), обращение к указанным практикам приобретают большую актуальность.

К символическим измерениям политики идентичности можно отнести: символические атрибуты сообщества, топонимику и другие наименования, героический пантеон, монументы, памятники, культурный ландшафт и др. В целом, все символические средства представляет собой особый ресурс, «позволяющий конструировать единое сообщество, легитимировать существующий порядок вещей и мобилизовать граждан на совместные действия посредством формирования чувства общности и важных для всех политических задач» (Ги-гаури, 2015: 85).

Разнообразные ритуальные практики (к которым относятся празднования значимых дат) также связаны с символическим измерением политики идентичности. Немецкий историк Я. Ассман отмечает связь символической политики и идентичности, осуществляемую посредством праздника: «Праздники и обряды в регулярности своего повторения обеспечивают передачу и распространение знания, закрепляющего идентичность и тем самым воспроизведение культурной идентичности» (Ассман, 2004: 60).

Исследование праздника как части культуры доминирует в исследовательской литературе. Например, Л.Н. Лазарева рассматривает праздник как знак (Лазарева, 2010), а В.Е. Солдаткин считает праздник особой духовно-практической деятельностью, механизмом сохранения традиций (Солдаткин, 2011: 125). В основе этой деятельности лежит массовая сопричастность к событию. Однако помимо культурологического, выделяется также и инструментальный смысл юбилейных событий. А.Г. Евтушенко пишет: «Юбилей в России – не просто торжество и сохранение исторической памяти народа. Это важный инструмент функционирования региональных экономик» (Евтушенко, 2012: 91), – имея здесь в виду возможности для привлечения финансов в территорию, развитие бизнес-проектов и, в принципе, эффект позитивной известности. Это также связывается с вопросами использования технологий территориального брендинга через организацию юбилейных событий (Избушева, 2015).

Важность продвижения юбилея обуславливает интенсивное развитие его имиджевой компоненты. В этом смысле юбилей как мегапроект относится к символическим проектам с интенсивным использованием символизма в целях создания и укрепления ценностных основ развития, актуализации или уничтожения прошлого, овеществления героев (Rego et al., 2017: 17). Такой ракурс позволяет рассматривать юбилеи в контексте понятия «значимых событий». Юбилеи как мегасобытия способствуют развитию на территории региона инфраструктуры, туризма, активизации предпринимательской деятельности и привлечению инвестиций (Назукина, Старцева, 2023). Так, исследователи отмечают, что проходившее в 2005 г. 1000-летие Казани, дало «старт» событийной логике регионального развития (Макарова, 2019: 19).

В.Н. Ефремова определяет праздник как «комплекс относительно стабильных и устойчивых во времени, постоянно воспроизводящихся дискурсивных практик и политических взаимодействий вокруг символического события или даты» (Ефремова, 2011: 53). Праздники, возведенные на уровне политики в статус официальных, являются инструментом работы с коллективной памятью. В этом смысле они репрезентируют важные, значимые события, поэтому обладают мобилизационным потенциалом и с учетом политической повестки способны трансформироваться и корректироваться на нормативном уровне. Таким образом, праздник связан с культурной памятью, следовательно при праздновании вспоминаются те или иные герои, события истории. Определенный тип репрезентации прошлого находит свое отражение в особых практиках коммеморации.

Интерес к внутренним аспектам конструирования сообщества позволяет определить юбилей как коммеморативную практику. В таком аспекте пишут, например, исследователи О.О. Дмитриева, Т.Н. Иванова, Е.К. Минеева, сравнивающие празднование 1000-летия российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 г. и 300-летия царствования дома Романовых в Российской империи. Они понимают юбилей как особый символический способ конструирования общественного сознания и формирования национальной идентичности, обусловленный целенаправленным процессом актуализации исторической памяти о конкретном событии или исторической личности (Дмитриева и др., 2020). Применительно к юбилеям городов имеет смысл говорить о ритуальной практике целенаправленного конструирования идентитарных смыслов, обеспечивающих интеграцию городского / регионального сообщества.

Основным актором символической политики является государство. Политическая элита транслирует символы, которые выражают смысл и задают определенное направление для понимания социальной реальности населением. В число акторов также включают организации и группы, связанные с конструированием коллективных идентичностей: гражданское общество, политические партии, армию, церковь, неправительственные организации, разного рода эко-

номических акторов, СМИ. Кроме того, заслуживает внимания понятие «символических элит» Т.А. ван Дейка. Автор исследования «Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации» пишет, что способ производства артикуляции контролируется группами, которые он обозначает термином «символические элиты». К ним он относит журналистов, писателей, художников, режиссеров, академиков и другие группы, реализующие власть на основе «символического капитала»: «символические элиты играют важную роль в идеологическом обеспечении системы осуществления или поддержки власти в современном информационном и коммуникативном обществе» (Дейк, 2013: 51–52). К символическим элитам также относят лидеров общественных организаций, культурных референтов и популярных блогеров (Сукало, 2014: 6).

Основная опасность политики идентичности заключается в возможности негативного искажения идентичности, а также в конфликтах вокруг понимания тех или иных смыслов. А.В. Дахин отмечает такие факторы, как «столкновение интересов уникальности места в пространстве конкретного исторического города и унитарности политики региональных властей» (Дахин, 2006: 1–2). Именно подобный эффект имел место в политике идентичности Пермского края, известный как Пермская культурная революция³. Привнесенные идеи трудно приживались в региональном сообществе. Данный опыт был учтен в реализации масштабного юбилейного проекта. Статья не ставит целью рассмотрение хронологии событий юбилея. Речь идет об изучении смысловых практик или дискурса о юбилее как символического проекта. Изучение транслируемых смыслов определяет задействованные в работе данные.

Поскольку юбилеи формируют определенный идентитарный дискурс источниками исследования стали интервью с акторами политики идентичности, опубликованные в различных изданиях (n=14) и проведенные автором (n=10) в течение 2022–2023 гг.⁴, а также материалы СМИ, содержащие комментарии экспертов и организаторов юбилея. Интерес представляла позиция главы региона, членов Оргкомитета и проектного офиса «Пермь-300», который был создан в 2018 г., для координации работы городских, краевых и федеральных властей, а также для обеспечения реализации решений федерального и регионального оргкомитетов в процессе подготовки празднования юбилея.

---

³ Пермская культурная революция – культурный проект, реализованный в Пермском крае, состоявший из нескольких последовательных событий в 2008–2012 гг. См., например: Жилиева Я. Великая пермская революция: как чиновники, бизнесмены и культурные деятели меняли Пермь – и что из этого вышло // Forbes Life. 09 октября 2019 г. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/384673-velikaya-permskaya-revolyuciya-kak-chinovniki-biznesmeny-i-kulturnye-deyateli> (дата обращения: 11.03.2024).

⁴ Автор выражает благодарность выпускнику кафедры политических наук ПГНИУ 2023 г. А.П. Малинину за помощь в проведении экспертных интервью. Экспертные интервью были даны на условиях анонимности, поэтому ссылки на них приводятся зашифрованно.

Рассказать о Перми или понять «кто есть мы»?

Для достижения цели работы выделено несколько ключевых позиций, которые позволяют интерпретировать символические аспекты юбилейных практик. При этом в исследовании была задействована теория критического дискурса-анализа. В основу легло понимание дискурса как коммуникативного ресурса, который формирует определенный способ доминирования и контроля в обществе. В рамках социокультурного подхода Н. Фэркло подчеркивается взаимосвязь дискурсов и социальных практик, их взаимная обусловленность. Это позволяет интерпретировать артикулируемые смыслы в качестве формирующих реальность и устанавливать их как доминанты. Для выделения доминант были определены ключевые дискурсы юбилея, представляющие его символические грани.

Первая составляющая была обозначена как имиджевая. Это измерение – оценка, связанная с ответом на вопрос, а зачем нужен юбилей, какие ресурсы развития он дает городу и региону. В риторике здесь оказывается важным именно утилитарный смысл: задачи информационного продвижения города, формирования благоприятного имиджа, привлечения в город туристов и инвесторов. С этим аспектом связано инфраструктурное содержание – реальные изменения ландшафта, различные проекты, преобразующие город: по благоустройству территорий, строительству новых объектов, дорог и пр.

Третье измерение отражает направленность вовнутрь и может фиксироваться через идентитарные сюжеты: уникальности и специфики города, его особенностей и рефлексии о них, понимание региональной и городской истории (коммеморативная практика). Сюда же стоит отнести и брендинг места, связанный с формированием не столько визуального решения юбилея (логотип, слоган, рекламная продукция), сколько с его идейной основой (отражения в них идентичности города).

Предваряя анализ дискурса, стоит обозначить, что одной из особенностей юбилейной подготовки стала организация проектного офиса «Пермь-300». Указанное обстоятельство представляет интерес в силу того, что руководство проектом было возложено на московских управленцев. Данный контекст воспроизводил риторику Пермского культурного проекта в части критики: «Когда его делают люди, которые приезжают, он не становится пермским» (ПМА 2023: 1). Кроме того, команды менялись, и это приводило к изменениям в решениях: «Когда идёт смена команды, то соответственно идёт смена некой парадигмы, вектора движения. И это всегда вредит проекту» (ПМА, 2023: 2).

Хотя тема варягов присутствовала в информационной повестке, в отличие от Пермского культурного проекта попытались учесть ошибки в части стратегии работы с контекстом. В интервью экспертами подчеркивается проведение работы по изучению специфики города и его идентичности: «Мы искали уникальность, идентичность Перми, знакомились с разными людьми, многое про-

читали, чтобы найти что-то особенное»⁵. Однако, не смотря на данное обстоятельство, идентитарный дискурс не занял первостепенное место в аргументации юбилея.

Заместитель председателя Правительства РФ, глава федерального оргкомитета «Пермь-300» Дмитрий Чернышенко отмечал, что юбилей Перми прошёл на достойном уровне: «Великолепный слоган “Пермь-300. Всё реально” на 100% себя оправдывает. Подготовка к 300-летию сработала мощнейшим катализатором ускорения проектов, некоторые из них совершенно отважные с точки зрения принятия решений»⁶. Такая повестка определяла юбилейный повод как точку – катализатор для выстраивания стратегии развития: «Пермь вынуждена соответствовать этой юбилейной дате и отчасти “выходить из берегов”. По мне это некий укол адреналина. Это положительный момент. Это событие заставит Пермь постоянно подтягиваться и выходить из того ряда» (ПМА, 2023: 3). Поэтому значимый вес в аргументации приобрел взгляд на юбилей как на возможность решения задач настоящего и будущего: «Мне кажется, неправильно воспринимать юбилей как конечную точку пути. Это, безусловно, очень хороший инструмент, но многие проекты лишь стартуют с юбилея. Благодаря юбилею на них обратили внимание»⁷. Кроме того, юбилей рассматривался как то, что дает городу дополнительные финансовые ресурсы: «Юбилей – это всегда возможность заявить о себе. В том числе получить дополнительное финансирование, ведь финансовый вопрос всегда здесь важен» (ПМА, 2023: 4).

Задача информационного продвижения стала доминантой проекта «Пермь-300». Заместитель председателя оргкомитета «Пермь-300» Наталья Галкина в интервью отмечала: «Мы пришли, чтобы рассказать о Перми на федеральном уровне, чтобы о городе узнали по всей России, и чтобы в Пермский край приезжали туристы из дальних регионов, потому что этот город уникальный, многослойный, неизученный туристами. Поэтому наша первая задача – услышать этот город; даже не город, а весь регион»⁸. Это соотносится с имиджевой зада-

---

⁵ Баталина Ю. «Мы пришли, чтобы рассказать о Перми на федеральном уровне» Заместитель председателя оргкомитета «Пермь-300» Наталья Галкина и руководитель событийной линейки Мария Кубланова – о том, как формируется программа юбилейных событий 2023 года // Новый компаньон. 26 июля 2022 г. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-7329917.html> (дата обращения: 11.03.2024).

⁶ Представители оргкомитета «Пермь-300» утвердили новый слоган Пермского края в Год Семьи. URL: https://vk.com/wall-53996196_26162 (дата обращения: 11.03.2024).

⁷ Баталина Ю. «Я не из тех, кто приходит и отменяет всё, что было до того». И. о. министра культуры Прикамья Алла Платонова – о работе в новом статусе и подготовке к 300-летию Перми // Новый компаньон. 26 апреля 2022 г. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-7227115.html> (дата обращения: 11.03.2024).

⁸ Баталина Ю. «Мы пришли, чтобы рассказать о Перми на федеральном уровне». Заместитель председателя оргкомитета «Пермь-300» Наталья Галкина и руководитель событийной линейки Мария Кубланова – о том, как формируется программа юбилейных событий 2023 года // Новый компаньон. 26 июля 2022 г. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-7329917.html> (дата обращения: 11.03.2024).

чей – продвижения позитивной известности и создания громкого информационного повода:

Сам факт того, что о городе слышно, слышно в позитивном ключе, это хорошо. Ведь в трехсотлетии не может быть никакой негативной коннотации. А далее уже сюда надо накручивать другие важные моменты, которые есть в городе, что у нас есть, что можно посмотреть, увидеть, какие у нас есть достижения, памятники, у нас же много чего есть (ПМА, 2023: 4).

При этом отметим активность данного проекта вне рамок Перми, что подчеркивали эксперты из муниципалитетов региона: «...проекты, которые реализуется в рамках „Пермь-300“, находят отклик на территории. Также частично распределяется финансирование в рамках этого проекта, в том числе на других территориях» (ПМА, 2023: 5).

Региональная и городская идентичность фигурировала в разработке программы юбилейных мероприятий. Губернатор региона Дмитрий Махонин отмечал: «300-летие Перми стало хорошим поводом вспомнить историю города и познакомиться с ней жителей Пермского края и всей страны. Возникновение Перми связано с созданием Егошихинского медеплавильного завода. И все три века мы куем оружие Победы. Мы смогли сформулировать для самих себя, что стоит за этими словами, и рассказали об этом другим»⁹. Арт-директор проектного офиса «Пермь-300» Игорь Горячев указывал на то, что юбилейные события дают возможность «связать себя с городом»: «Я для себя рассматривал 300-летие как возможность раскрыть разные пласты смыслов. Что такое Пермь? Кто такой пермяк? Зачем люди живут в Перми, почему не уезжают? Многие люди всего этого не осознают, даже если живут здесь всю жизнь»¹⁰. Запрос на рефлекссию фиксировали и независимые эксперты-исследователи:

Самое важное, если благодаря этому событию мы поймем, кто мы такие, что такое Пермь. Это вызов. Что такое Пермь, каковы особенности её истории? Вот чего я действительно жду от этого юбилея, это новый исторический образ Перми, более свежий. Может появятся новые концептуальные моменты, штрихи к портрету Перми (ПМА, 2023: 3).

Отдельным сюжетом следует обозначить отражение идентичности в символике «Перми-300». За основу логотипа был взят красный цвет – цвет герба Перми, цифра 300 и идея «контейнера». Авторы идеи вкладывали в логотип символическое значение, своеобразное окно через которое построен взгляд на

---

⁹ Рыбкин П. 300 праздников в году. Юбилейный мастер-план // Эксперт. 30 января 2024 г. URL: <https://expert.ru/goroda/yubileynyy-master-plan/> (дата обращения: 11.03.2024).

¹⁰ Баталина Ю. «Пермская энергия даёт много возможностей». Арт-директор проектного офиса «Пермь-300» Игорь Горячев – о том, чем художник отличается от дизайнера, а Пермь – от Екатеринбурга // Новый компаньон. 30 ноября 2023 г. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-7953458.html> (дата обращения: 11.03.2024).

город: события прошлого, эмоции жителей в настоящем, проекты будущего¹¹. При этом тройку образует сфера и острые очертания буквы «П», которые отсылали к логотипу Перми, разработанному в 2009 г., имеющему непосредственное отношение к Пермской культурной революции.

Положительные оценки принятого логотипа касались его простоты и широкой трактовки: «Он современный и позволяет создавать много вариаций, потому что работает по принципу контейнера. Это яркая, позитивная история»¹². Критика же касалась, во-первых, чрезмерной абстракции: «Лично мне не нравится данный „контейнер“, не хочу чтобы меня складывали в контейнер, это опять нечто, что нам насажено москвичами» (ПМА, 2023: 6). Во-вторых, слабого дизайнерского исполнения:

Профессионально мы относимся к нему очень критически, он сильно слаб. Сама идея была банальной, ее исполнение еще более беспомощно. Все же видели, что это „zoo“, это проблема русской буквы „з“ и цифры „три“, от этого можно было уйти, можно было сделать немного по-другому логотип, чтобы этого ощущения не было (ПМА 2023: 3).

И, в-третьих, отмечалось, что логотип не учитывал пермскую специфику: «Там никакой уникальности нет, эта цифра могла появиться и в юбилее Екатеринбурга. Там нет пермского звучания, нет попытки даже пермского пластического решения» (ПМА 2023: 7).

В целом, можно также отметить низкое вовлечение жителей в процесс принятия решений по юбилейным символам. Слабая степень публичности и неиспользование практик, например, открытого сбора идей, фиксировалась экспертным сообществом. Однако отметим, что юбилейные события стимулировали активность со стороны пермских бизнесменов и усилили низовые практики брендинга города. Если официальный бренд-логотип рассматривался как не отображающий пермскую идентичность, то, например, проект, возникший на основе идеи пермского туристического маршрута по городу, и его логотип, является примером «выращивания» бренда из региональной идентичности.

Так к юбилею по городу был запущен туристический автобус с номером 300Т, для которого был создан свой логотип-бренд. В основу данного логотипа помещено женское лицо, один из традиционных элементов Пермского звериного стиля: «Лицо символизирует город Пермь. Три волны в нижней части логотипа олицетворяют реку Каму: Пермь – это город на реке, и именно благодаря Каме он стал одним из самых больших мегаполисов. Лицо скользит по линиям-

---

¹¹ Меркушев Б. Пермским показали логотип к 300-летию города // Комсомольская правда. 6 сентября 2024 г. URL: <https://www.perm.kp.ru/online/news/4428885/> (дата обращения: 11.03.2024).

¹² Баталина Ю. «Пермская энергия даёт много возможностей». Арт-директор проектного офиса «Пермь-300» Игорь Горячев – о том, чем художник отличается от дизайнера, а Пермь – от Екатеринбурга // Новый компаньон. 30 ноября 2023 г. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-7953458.html> (дата обращения: 11.03.2024).

волнам, демонстрируя движение, динамику и развитие города. Венчают лицо пять элементов, обозначающих крупнейшие притоки Камы. Вода обеспечивает наплыв энергии, наполняет город новыми силами и ресурсами. Поэтому наш город – это место, где живет счастье, он встречает всех с улыбкой и добротой. Очертания лица и добрая улыбка отражают позитивный настрой и доброту жителей Перми, города где „Счастье не за горами”¹³. География, природа и историко-культурное наследие города стали концептуальной основой для данного бренда-логотипа. При этом традиция, которая лежит в его основе была дополнена смыслами движения, динамики и развития: лицо «скользит по линиям-волнам», демонстрируя движение, динамику и развитие города.

В этом логотипе мы можем обнаружить влияние краевой истории на городскую и зафиксировать еще одну важную особенность: слабую артикуляцию собственно городской тематики в нарративе юбилея. Можно согласиться с мнением эксперта, что история края «давит на город»:

Потому что край древний, город новый. У древнего края есть мощные культурные бренды – Пермский звериный, Пермская деревянная скульптура – они перекрывают собой культуру города, потому что культура города это нечто другое – музеи, университеты, театры. В итоге мы берем тело города и прикрепляем лицо края, несмотря на всю масштабную историю, мы ее не видим за краевым брендом, поскольку древнее – более привлекательное. У Перми лишь пермский балет пробивается среди прочего (ПМА, 2023: 2).

При этом природный символ Камы кристаллизовал вокруг себя пермскую городскую специфику.

Важным нововведением в символической сфере стало появление у города не только логотипа, но и слогана, которым стала фраза «Пермь-300. Все реально!». «Это гениально. Здесь и „Реальные пацаны”, и реальность дел руководителя края, людей, в том числе тех, кто здесь кует оружие наших побед. Как человек, измученный маркетингом, не ожидал такого», – отмечал Д. Чернышенко¹⁴. Этот лозунг продолжает артикулироваться в 2024 г., объявленном годом семьи: «Когда мы вместе. Все реально». Из важных символических решений также стоит отметить практики наименования символического места города, которое находится в 150 метрах от места основания Перми, впадения реки Егошихи в реку Каму, «Площадью Трех столетий»¹⁵.

Таким образом, акцент в обосновании юбилея был сделан на внешний образ и положительные эффекты для развития города в этом направлении. Поэто-

---

¹³ Истории о Перми. Экскурсионные маршруты 300Т. URL: <https://vk.com/am300t> (дата обращения: 11.03.2024).

¹⁴ Федеральный оргкомитет утвердил слоган 300-летия Перми // Коммерсант. 23 декабря 2022 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5746505> (дата обращения: 11.03.2024).

¹⁵ Свое название площадь получила 22 марта 2023 г. До этого «Площадь Трех столетий» носила имя «Площадь Европы», которое было ей присвоено в 2011 г.

му проблема для экспертов виделась в недостаточном понимании важности работы с идентичностью:

«Пермь-300» – замечательный проект, потому что под него все взбодрились, и город начал меняться, и активности различные город начал под это делать... Но в целом проект – это огромный плюс в плане развития. Но он не становится шагом к пониманию региона, ни к пониманию уникальности, ни значения города. Бисер, который рассыпается, не дает людям ценностного понимания. Единственное, что они видят, что город развивается (ПМА, 2023: 2).

* * *

В современных условиях городские юбилеи стали инструментом получения ресурсов, позволяющим развивать инфраструктуру городов, привлекать туристов, стимулировать дискуссии об идентичности. В данном аспекте представляется целесообразным рассматривать их как символические проекты. С точки зрения направленности дискурса юбилеи могут транслировать во внутрь и во вне. Случай празднования трехсотлетия Перми показывает, что на уровне дискурса задачи внешнего позиционирования, имиджевой привлекательности, роста внимания к городу стояли на первом месте. Об этом, в частности, говорят и визуальные решения (например, выбор бренда юбилея). Однако юбилей увязывался и с возможностью осмысления городской и региональной идентичности. Но данное направление не выразилось в широкую общественную дискуссию в среде интеллектуалов. Это не был вызов для сообщества как в случае с Пермской культурной революцией: юбилей скорее воспринимался как важное и масштабное событие. С точки зрения идентитарного подхода событие такого рода может выступать катализатором рефлексии, благоприятно влиять на вовлеченность жителей, интегрировать в сообщество. Одна из причин слабой выраженности идентитарного вектора, возможно, связана со слабой открытостью в реализации символического проекта. Тем не менее, эксперты зафиксировали важное отличие от предыдущего опыта и отметили позитивное изменение с точки зрения самой артикуляции темы идентичности, пусть и для решения внешних задач.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ПМА, 2023 – Полевые материалы автора. Экспертные интервью, 2023 г. (1 – эксперт 6, интервью от 14.03.2023; 2 – эксперт 5, интервью от 14.03.2023; 3 – эксперт 9, интервью от 03.04.2023; 4 – эксперт 8, интервью от 03.04.2023; 5 – эксперт 7, интервью от 19.03.2023; 6 – эксперт 10, интервью от 24.04.2023; 7 – эксперт 2, интервью от 12.03.2023).

ЛИТЕРАТУРА

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.

Гигаури Д.И. Символические измерения политики идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 83–87.

Дахин А.В. Город как место памятования // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительный альманах. 2006. Вып. 4. М.: Институт наследия. С. 164–179.

Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Дмитриева О.О., Иванова Т.Н., Минеева Е.К. Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования дома Романовых в Российской империи) // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 280–291.

Евтушенко А.Г. Юбилеи российских городов как важный инструмент функционирования региональных экономик // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3. С. 91–94.

Ефремова В.Н. Новые государственные праздники России и их осмысление в официальном политическом дискурсе // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». 2011. № 3. С. 53–65.

Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2023.

Избушева А.М. Бренд юбилейного города в современной российской культуре // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 2. С. 79–81.

Лазарева Л.Н. История и теория праздников: учеб. пособие. Челябинск, 2010.

Макарова Г.И. Значимые события в стратегиях регионального брендинга в Республике Татарстан // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 16–35. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.602>

Малинова О.Ю. Символическая политика // Идентичность. Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 655–660.

Назукина М.В., Старцева А.С. Мегапроекты как инструмент политики идентичности в регионах России (на примере универсиад в Казани и Красноярске) // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15. № 1. С. 84–102.

Петров Н.В. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана, Т. Хонфа. СПб.: Издательство Европейского университета, 2003. С. 125–187.

Политика памяти в России – региональное измерение / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023.

Солдаткин В.Е. Юбилей: исторический аспект праздника // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 2. С. 125–127.

Сукало С.А. Символическая политика как технология культурного контроля массового сознания // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3. С. 6–9.

Rego M.L., Irigaray H.A.R., Chaves R. et al. Symbolic megaprojects: Historical evidence of a forgotten dimension // Project Management Journal. 2017. Vol. 48. No. 6. P. 17–28. <https://doi.org/10.1177/875697281704800603>

REFERENCES

Assman Ya. (2004) *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow: Languages of Slavic Culture Publ. (In Russ.)

Dake T.A. (2013) *Discourse and power: the representation of dominance in language and communication*. Moscow: LIBROCOM Publ. (In Russ.)

Dakhin A.V. (2006) The city as a place of memory. In: *Humanitarian geography: a scientific and cultural-educational almanac*. Issue 4. Moscow: Institute of Heritage Publ.: 164–179. (In Russ.)

Dmitrieva O.O., Ivanova T.N., Mineyeva E.K. (2020) Historical anniversaries as ceremonial commemorative practice (a comparative analysis of the celebration of the 1000th anniversary of the Russian statehood, the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812 and the 300th anniversary of the reign of the Romanovs in the Russian Empire). *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. Vol. 72: 280–291. (In Russ.)

Efremova V.N. (2011) New state holidays of Russia and their interpretation in the official political discourse. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya"* [Bulletin of Perm State University. Political Science]. No. 3: 53–65 (In Russ.)

Gadamer G. (1991) *Relevance of the beautiful*. Moscow: Art Publ. (In Russ.)

Gigauri D.I. (2015) The symbolic dimensions of identity policy. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 15: 83–87. (In Russ.)

Identity: the individual, society, and politics. New outlines of the research field (2023). Semenenko I.S. (eds.). Moscow: Ves Mir Publ. (In Russ.)

Izbusheva A.M. (2015) Brand of an anniversary city in the contemporary Russian culture. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research]. No. 2: 79–81. (In Russ.)

Lazareva L.N. (2010) *History and theory of holidays*. Chelyabinsk. (In Russ.)

Makarova G.I. (2019) Significant events as the basis of regional branding strategies in Tatarstan. *Vestnik instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 10. No. 4: 16–35. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.602> (In Russ.)

Malinova O.Yu. (2017) Symbolic politics. In: *Identity: the individual, society, and politics. An encyclopedia*. Semenenko I.S. (eds.). Moscow: Ves Mir. Publ. (In Russ.)

Nazukina M.V., Startseva A.S. (2023) Megaprojects as an instrument of identity policy in Russian regions (the case of Universiade in Kazan and Krasnoyarsk). *Ars Administrandi* [Ars Administrandi]. No. 1: 84–102 (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-1-84-102> (In Russ.)

Petrov N.V. (2003) Formation of regional identity in modern Russia. In: Gelman V., Hopf. T. (eds.) *Center and regional identities in Russia*. St. Petersburg: European University Press Publ.: 125–187. (In Russ.)

Rego M.L., Irigaray H.A.R., Chaves R. et al. (2017) Symbolic megaprojects: Historical evidence of a forgotten dimension. *Project management journal*. No. 6: 17–28. <https://doi.org/10.1177/875697281704800603>

Soldatkin V.E. (2011) Anniversary: the historical aspect of the holiday. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. No. 2: 125–127. (In Russ.)

Sukalo S.A. (2014) Symbolic policy as a technology of cultural control of mass consciousness. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture]. No. 3: 6–9. (In Russ.)

The politics of memory in Russia – regional dimension (2023). Miller A, Malinova O., Efremenko D. (eds.). Moscow: RAS Institute of Scientific Information for Social Sciences Publ. (In Russ.)

Evtushenko A.G. (2012) Anniversaries of Russian cities as an important tool for the functioning of regional economies. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. No. 3: 91–94 (In Russ.)

Сведения об авторе: Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (614013, ул. Генкеля, 4, Пермь, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-0190-0513>; e-mail: nazukina@mail.ru

About the author: Mariya V. Nazukina, Cand. Sc. (Politics), Associate Professor, Senior Research Fellow at the Institute for Humanities Research, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (4 Genkel St., Perm 614013, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-0190-0513>; e-mail: nazukina@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 10.01.2024

Доработана после рецензирования / Revised 13.03.2024

Принята к публикации / Accepted 15.04.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.428-440>

Идентичность молодежи промышленного города в историческом и социальном контекстах (кейс Лениногорска)

Э.Р. Калимуллина

Лениногорский филиал

Казанского национального исследовательского

технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Лениногорск, Российская Федерация

ElviraKalimullina-0302@yandex.ru

Резюме. В статье раскрывается, как формируется и проявляется идентичность молодежи промышленного города на примере Лениногорска. На отношение молодых людей к городу влияют, прежде всего, социальные возможности, которые он дает. Делается предположение о том, что это отношение и проблемы самоидентификации с местом проживания, в свою очередь, влияют на их миграционные установки.

На основе результатов опросов в работе определены интересы и потребности молодежи, многие из которых, с объективной точки зрения, можно было бы реализовать в Лениногорске. Обнаружено двойственное отношение к нему, а именно в целом позитивное восприятие вкуче с непременным желанием покинуть поселение. Соответственно сделан вывод о противоречивости взаимодействия молодых людей со своим городом. Высказано предположение о том, что открытие в нем высокотехнологичного производства могло бы стать одним из факторов дальнейшего укрепления городской идентичности и удержания молодежи в Лениногорске. Этому могла бы способствовать и активная работа со стороны региональных и муниципальных властей в направлении построения позитивного образа промышленного города.

Ключевые слова: промышленный город, восприятие города, городская идентичность, история города, миграционные установки молодежи, Лениногорск.

Для цитирования: Калимуллина Э.Р. Идентичность молодежи промышленного города в историческом и социальном контекстах (кейс Лениногорска). *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №3. С. 428–440. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.428-440>

Identity of youth of an industrial town in historical and social contexts (the case of Leninogorsk)

E.R. Kalimullina

*Leninogorsk branch of the Kazan National Research Technical
University named after A.N. Tupolev – KAI
Leninogorsk, Russian Federation
ElviraKalimullina-0302@yandex.ru*

Abstract. The article examines the formation and manifestation of the identity of the youth of an industrial city using Leninogorsk as an example. The attitude of young people towards the town is affected, above all else, by the social opportunities it provides. It is assumed that this attitude and problems of self-identification with the place of residence may, in turn, affect their migration tenets. Based on the results of surveys conducted among young people, the study identifies their interests and needs, many of which, from the objective point of view, could be fulfilled in Leninogorsk. An ambivalent attitude towards the town was discovered, more specifically, a generally positive perception coupled with an indispensable desire to leave the settlement. Accordingly, a conclusion about the contradictory nature of young people's interaction of with their town was drawn. It has been suggested that opening a high-tech manufacture there could become one of the factors in further strengthening the city's identity and retaining young people in Leninogorsk. Such measures could be facilitated by active involvement on the part of the regional and municipal authorities towards building a positive image of the industrial town.

Keywords: industrial city, city identity, history of the city, migration attitudes of youth, Leninogorsk.

For citation: Kalimullina E.R. (2024) Identity of youth of an industrial city in historical and social contexts (the case of Leninogorsk). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 3: 428–440. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.428-440> (In Russ.)

Каждый российский город уникален, характеризуется особой идентичностью, имеет свою историю. В то же время происходящие в экономической, политической, социальной, культурной сферах жизни страны процессы могут оказывать на них схожее воздействие. Глубокий спад экономики в 1990-е гг. повлиял на развитие и судьбу промышленных городов России. Данные изменения привели к закрытию во многих из них ведущих предприятий. Это сказалось на качестве жизни населения, в результате чего начала набирать обороты миграция их жителей.

Лениногорск – один из промышленных городов Республики Татарстан, который создавался как центр нефтедобычи. Потенциал в данной области способствовал формированию привлекательного и перспективного образа города. Эти условия притягивали к нему внимание жителей других городских и сельских поселений как к потенциальному месту проживания. В Лениногорске открывались различные предприятия, росло население, город быстро развивался. Одна-

ко экономический кризис 1990-х гг. повлек за собой сворачивание ряда производств, в связи с чем конкурентоспособность поселения стала снижаться. Как и во многих других российских городах подобного типа эти процессы вели к оттоку из него населения, в основном молодежи.

Начиная с 2001 г., миграция ленинградской молодежи в более крупные города приобрела стабильный характер. Вопрос о способах и возможностях ее «удержания» не теряет своей актуальности и является постоянной темой для обсуждения. В данной статье мы рассмотрим восприятие города и идентичность с ним его жителей в контексте проблематики убыли населения и предполагаемой взаимной связи этих явлений¹. Важной составляющей исследования стал поиск оснований для дальнейшего укрепления городской идентичности, которые могли бы оказать позитивное влияние на сохранение населения в городе (в первую очередь представителей молодого поколения).

*Некоторые теоретические подходы
к пониманию городской идентичности*

Трактовки городской идентичности отечественными исследователями варьируются в зависимости от специфики изучаемой тематики.

Согласно Н.С. Дягилевой, городская идентичность является компонентом социальной идентичности личности, которая конструируется вследствие идентификации людей с той или иной городской общностью и распознается в процессе усвоения и воспроизводства значимых элементов города, его социальных норм и стиля жизни, то есть всего того, что связывает его жителей (Дягилева, 2013: 56). А.А. Озерина рассматривает городскую идентичность с социально-психологической точки зрения, делая акцент на том, как личность осознает свою принадлежность к городскому сообществу (Озерина, 2016: 138). О.В. Санникова определяет ее как укоренение, которое образует особый тип отношений жителей города (Санникова, 2022: 150).

Ряд авторов описывает городскую идентичность, акцентируя внимание на лежащих в ее основе мифах и символах. Так Д.М. Семенова, изучая формирование городской идентичности в малых городах России, представляет ее как совокупность различных мифов и символов, которые закрепляются в городском сознании (Семенова, 2015: 56). Н.Г. Федотова определяет ее как набор смыслов, с помощью которых жители идентифицируют себя с городом (Федотова, 2017: 34). Т.В. Ильина упоминает о таких трансляторах, формирующих городскую идентичность, как местные традиции, предания, мифы, праздники и фестивали (Ильина, 2017: 1464); они позволяют отличать свой город от другого и гордиться им.

---

¹ Интересный пример такого рода постановки вопроса находим в работе Г.И. Макаровой «Отношение к городу и миграционные установки жителей нестоличных промышленных городов Татарстана» (Макарова, 2023).

С чем-то особым, что отличает один город от другого, связывает городскую идентичность Г.В. Горнова. По ее мнению, сильную привязанность жителей к своему городу обуславливает его непохожесть на другие, что вызывает чувство гордости горожан (Горнова, 2019: 75).

Определение городской идентичности зарубежными исследователями также характеризуется многообразием подходов. Причем, изучая ее в различных проявлениях, авторы применяют разные понятия: «city identity», «urban identity», «territorial identity», «local identity», «regional identity» и др.

Ряд ученых рассматривает городскую идентичность в ракурсе пространственного планирования. Согласно К. Джонс и С. Свеженовой она формируется градостроителями, архитекторами, местными культурологами и основывается на различных институциональных субъектах, придающих самобытность городу (Jones, Svejnova, 2017). Д. Октай исследует ее в фокусе городского планирования и пространств (окружающей среды), остающихся между постройками в городских и пригородных кварталах (Oktaу, 2002). С.Х. Сирамкая анализирует влияние пространства на развитие данной идентичности на примере изменения городских площадей города Конья (Siramkaya, 2019).

Исследования других авторов основываются на истории места. Согласно Ф. де Оливейра Капеле и Х. Рамирес-Маркесу городская идентичность есть набор неповторимых воспоминаний о городе, сформированных в процессе его эволюции, некий опыт и специфика места, благодаря которым жители ощущают связь с ним (de Oliveira Capela, Ramirez-Marquez, 2019). По М. Зияи такой идентичностью является процесс представления имеющихся культурных, природных и созданных человеком элементов города (Ziyae, 2018).

П. Ниентид определяет городскую идентичность как «совокупность аутентичных, присущих конкретному городу черт и характеристик, выполняющих атрибутивную функцию и позволяющих дифференцировать его из числа других городов, процесс и результат идентификации человека с городом, основанный на принятии его самобытности, на эмоциональном вхождении в пространство его предметной и знаково-символической среды» (Nientied, 2018). По нашему мнению, данный автор наиболее полно раскрывает понятие городской идентичности в совокупности с идентичностью самих жителей с городом.

Постановка проблемы

В данной статье мы будем понимать идентичность города как его образ, формируемый городскими акторами (муниципалитетом, руководителями учебных заведений, директорами предприятий и т.д.), в том числе с опорой на историю поселения, и идентификацию с городом – как связанное с этим образом самоотнесение жителей к нему.

Цель статьи – раскрыть проблемы и возможные основания формирования идентичности молодежи Лениногорска со своим городом. В нашем исследовании мы определим, как молодое поколение воспринимает его, какие фак-

торы на это влияют, и какими являются в этом контексте их миграционные установки.

Материалы и методы

Статья базируется на результатах массового социологического опроса, осуществленного в 2018–2019 гг. автором², как и на данных анкетирования, проведенного в ноябре 2023 г. в Лениногорском филиале Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ³.

При рассмотрении идентичности города в контексте его истории были использованы отдельные исторические методы: идеографический, описывающий события, происходившие в определенный период (в нашем случае – в период становления и развития города Лениногорска); метод актуализации, когда рассматриваются возможности использования опыта прошлого применительно к настоящему.

Восприятие города и миграционные установки молодежи

Анализируя данные по численности населения Лениногорска, следует отметить постоянный его рост до 2001 г. (68200 человек) и регулярный спад после. На начало 2024 г. число проживающих в городе составило 60214 человек⁴.

Результаты опроса молодежи Лениногорска 2018–2019 гг. подтвердили нацеленность многих ее представителей на отъезд. Так желание переехать из данного города высказало больше половины опрошенных. 63,5% – это те, кто собирается покинуть его и предпринимает для этого определенные действия; 15,6% также планируют переезд, но пока в данном направлении ничего не делают. 3,4% не планируют переезд, но такие планы у них могут появиться. Только 17,5% участников исследования ответили, что уезжать не собираются.

Респондентам также было предложено указать причины, по которым они хотят уехать из Лениногорска. 33,2% отметили, что в более крупном городе больше перспектив для самореализации, 25,4% считают, что в Лениногорске невозможно найти работу по специальности, а 20,8% – что нет шансов на удачное трудоустройство вообще. Для 28,7% опрошенных причиной является отсутствие развлечений для молодежи, а 10,4% желают жить независимо от родителей. Для 5,4% респондентов в Лениногорске нет подходящего вуза и направления подготовки. И только отдельные респонденты выделили при ответе на

---

² Исследование было проведено в форме анкетирования молодежи города Лениногорска. Выборочную совокупность составили 800 респондентов в возрасте 15–35 лет.

³ Оно осуществлялось в ноябре 2023 г. в Лениногорском филиале КНИТУ-КАИ на семинаре «Умное поступление», проводившемся коллективом ЛФ КНИТУ-КАИ специально для учеников выпускных классов и родителей учащихся с целью ознакомления с правилами приема в вузы в рамках профориентационной работы.

⁴ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (дата обращения: 15.01.2024).

данный вопрос «не нравится город». Бесспорно, что в мегаполисе шире круг возможностей для трудоустройства и самореализации по сравнению с Лениногорском. Тем не менее, проанализировав возможности его предприятий, мы можем заметить, что они в целом в состоянии предоставить необходимые рабочие места.

Для того, чтобы точнее выявить мнение молодежи о возможностях найти работу в Лениногорске, респондентам предложили ответить на специальный вопрос. Оказалось, что в городе, по мнению молодых людей, все же есть перспективы в этом плане. Так считают 67,7% опрошенных. Из них 24,1% – придерживаются мнения, что в общем трудоустроиться можно, а 29,6% – также с этим согласились, но проблема в том, что нужно начинать с низкой заработной платы, и 14,0% отметили, что работа есть, но не по их специальности. Тем не менее, 23,6% уверены в отсутствии таких возможностей. Вариант ответа «другое (что именно?)» выбрали 8,4% молодых людей без уточнений. Лишь отдельные участники исследования предложили такие варианты, как «нет никаких достойных специальностей для молодежи», «достойную работу можно найти, но нужно постараться» и «если захотеть, то работу можно найти, главное желание». Согласно полученным результатам, мы видим, что большинство молодых жителей города не считает его полностью бесперспективным в плане трудоустройства. И все же миграция молодежи продолжает усиливаться.

Еще в старших классах лениногорские школьники, определяясь с будущей сферой деятельности и выбирая потенциальное образовательное учреждение для поступления, уже идентифицируют себя с более крупным городом или мегаполисом. Об этом говорят результаты опроса, проведенного в Лениногорском филиале КНИТУ-КАИ (2023 г.) среди учеников местных школ и родителей учащихся. Так, при ответе на вопрос «Задумывались ли Вы о поступлении в ЛФ КНИТУ-КАИ?», 66,7% школьников отметили вариант «нет», 21,7% – «возможно», и только 11,6% ответили положительно. Мнения родителей менее категоричны и распределялись следующим образом: по 24,2% выбрали ответы «да» и «нет», 51,5% ответили «возможно».

Неопределенное отношение к своему родному городу показали ответы учеников на открытый вопрос «Что Вас останавливает от поступления в ЛФ КНИТУ-КАИ?». Лишь 10% опрошенных ответили, что ничего. 41,7% дали ответы, характеризующие либо неблагоприятное, либо неоднозначное отношение к Лениногорску («хочу в другой город», «Лениногорск», «не хочу оставаться в городе» и т.п.). 23,3% написали об отсутствии в нем нужного направления обучения, что является объективным основанием. Это школьники, желающие реализовать себя в таких сферах, как медицина, юриспруденция, журналистика, архитектура, психология и педагогика. К сожалению, Лениногорск не может предоставить им такой возможности. 23,3% опрошенных не ответили на данный вопрос. Можем предположить, что негативного отношения к своему родному городу у них нет, просто они еще не определились с поступлением.

В ходе опроса, помимо перечисленных направлений, респондентами также были указаны следующие потенциальные сферы их будущего обучения: IT, инженерия, нефтяное дело, экономика, менеджмент. Образование по этим специальностям можно получить в Лениногорске, не покидая его.

Задавался также вопрос о городе, в вуз которого школьники хотели бы поступить. Наиболее приоритетными городами оказались: Казань (51,7%), Самара (21,7%), Санкт-Петербург (20%), Москва (11,7%) и Уфа (11,7%). Лениногорск указали 15% опрошенных, при этом в данное число входят как те, кто реально планирует поступать в ЛФ КНИТУ-КАИ, так и те, кто рассматривает этот город наряду с другими.

Результаты исследования 2018–2019 гг. показали, какие требования предъявляет молодежь к Лениногорску, и что им необходимо для благоприятного проживания в нем. Большинство респондентов (82,3%) дали следующие ответы: 36,7% опрошенных написали о трудоустройстве; 23,6% отметили открытие торгового (молодежного, культурного) центра; еще для 22,0% респондентов важны развлечения для молодежи (без пояснений, какие именно). Остальные ответы распределились следующим образом: 10,3% – открытие вузов (других учебных заведений), 4,4% – спортивные площадки, спортклубы, спорткомплексы (по доступной цене), 4,2% – открытие Макдоналдса и т.д. Отметим, что такие элементы инфраструктуры как спортивные площадки, обучающие центры, кафе и др. были в городе на момент опроса, но, видимо, не отвечали запросам молодых людей.

Говоря о преимуществах Лениногорска, отмечаемых его молодыми жителями, представим ответы на вопрос, чем он их привлекает. 37,5% респондентов указали на родственную привязанность, 24,9% отметили приемлемые по ценам и размерам жилищные условия, 15,9% – неплохую экологическую среду. 11,4% опрошенных посчитали преимуществом их города отсутствие социальной анонимности (все всех знают), а 10,2% – наличие множества друзей и приятелей. На большие возможности для сохранения родного языка, религии и привычных традиций указали 5,9% респондентов, 5,1% – удовлетворены размером заработной платы и 2,9% отметили наличие работы по специальности.

Устанавливая корреляцию между инфраструктурными возможностями Лениногорска и интенциями молодежи для их последующей реализации, важно знать, как молодые люди проводят свободное от учебы или работы время. Больше половины опрошенных (51,1%) обычно сидят за компьютером, на телефоне, в Интернете, играют в компьютерные игры, смотрят видео, слушают музыку; 39,6% – встречаются и общаются с друзьями дома или в гостях; посещают спортклубы, секции, тренировки – 33,4%; занимаются в различных кружках, клубах по интересам (музыкой, танцами и т.д.) – 30,1%; у 27,2% опрошенных есть хобби, которым они занимаются дома (рукоделие, фотография, моделирование и т.д.); 25,2% – смотрят телевизор или слушают радио; 26,1% – проводят время за занятием домашним хозяйством, детьми, дачей; 23,6% – ходят в кино; 22,9% – читают книги, газеты, журналы; 11,7% – посещают театры, кон-

церты, музеи, выставки; 10,5% – ходят на дополнительные занятия; 9,0% – посещают дискотеки, ночные клубы, бары, другие развлекательные мероприятия и т.д. В принципе почти все эти предпочтения можно реализовывать в Лениногорске (хотя в мегаполисе сами они могли бы быть несколько иными). В связи с этим отметим, что из спортивных сооружений в городе сегодня функционируют лыжные базы, стадион «Юность», спорткомплекс «Теннис Холл», хоккейные коробки, бассейны, лыжные трамплины, спортивные залы, Ледовый дворец «Нефтяник». Активную работу с молодежью ведут «Управление по делам молодежи, спорту и туризму»⁵ и Лениногорский дворец культуры⁶. В молодежном центре «Высота» (открыт в 2023 г., оборудован различными площадками по 19 направлениям, в том числе IT-парком) дети и подростки могут найти себе занятие по интересам⁷. Модернизированы парк культуры и отдыха им. Горького (2018 г.)⁸, парк «Мэхэббэт» (2021–23 гг.)⁹, парк «Юбилейный» (2017 г.). В процессе реализации находится комплексный проект, направленный на развитие экстремального спорта, популяризацию ЗОЖ и привлечение туристов¹⁰.

Соответственно можно предположить, что главным фактором, влияющим на решение молодых людей о переезде, все же являются большие возможности, предоставляемые крупным городом для самореализации, как и сам образ большого города, привлекающий их.

Идентичность города в историческом контексте

Известный специалист в области градостроения К. Линч писал «У всякого горожанина есть свои ассоциации, связанные с какой-либо частью города, и этот персональный образ пронизан воспоминаниями и значениями» (Линч, 1982). Попробуем далее представить образ Лениногорска, формирующийся в процессе истории его становления и развития, как возможное основание для дальнейшего укрепления городской идентичности.

---

⁵ Портал муниципальных образований РТ (Лениногорский муниципальный район и город Лениногорск). URL: <https://leninogorsk.tatarstan.ru/funkciiudms.htm> (дата обращения: 15.01.2024).

⁶ Портал муниципальных образований РТ (Лениногорский муниципальный район и город Лениногорск). URL: <https://leninogorsk.tatarstan.ru/odk.htm> (дата обращения: 15.01.2024).

⁷ Новостной портал «Лениногорские вести». URL: <http://leninogorsk-rt.ru/news/sobytieneдели/v-leninogorske-otkrylsia-centr-razvitiia-molodezi-po-19-napravleniiam-vysota> (дата обращения: 15.01.2024).

⁸ Портал муниципальных образований РТ (Лениногорский муниципальный район и город Лениногорск). URL: <https://leninogorsk.tatarstan.ru/index.htm/news/1480593.htm> (дата обращения: 15.01.2024).

⁹ Портал муниципальных образований РТ (Лениногорский муниципальный район и город Лениногорск). URL: <https://leninogorsk.tatarstan.ru/acting.htm?page=1> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁰ Портал муниципальных образований РТ (Лениногорский муниципальный район и город Лениногорск). URL: <https://mert.tatarstan.ru/leninogorsk.htm> (дата обращения: 15.01.2024).

Он был основан в XVIII в. как село Новая Письмянка. В 1951–1955 гг. функционировал в качестве рабочего поселка, а с 1955 г. – уже как город. Главной движущей силой изменения Лениногорска, как и иных городов юго-востока Татарии, стало бурное развитие в 1943–1948 гг. нефтедобычи¹¹.

До того, как на территории Татарстана разрослась нефтяная промышленность, в Ново-Письмянском районе работало 48 колхозов, промартель «Заря», полукустарный маслозавод, а также две машинно-тракторные станции малых мощностей. Первую промышленную нефть получили на скважине № 1 в 1943 г. в районе деревни Шугурово, что послужило созданию в 1945 г. Шугуровского укрупненного нефтепромысла. Другое крупное месторождение нефти обнаружили в 1948 г. у деревни Тимяшево¹². На базе Шугуровского, Ромашкинского и Миннибаевского нефтепромыслов был создан государственный союзный нефтедобывающий трест «Бугульманефть», переименованный в НПУ «Лениногорскнефть» в 1961 г. С 1970 г. предприятие стало носить название НГДУ «Лениногорскнефть» (НГДУ «ЛН»)¹³. Причем с ростом нефтяной промышленности начал быстро развиваться город.

С самого начала своей деятельности НГДУ «Лениногорскнефть» внесло большой вклад в создание и поддержание городской инфраструктуры и социальной жизни Лениногорска. На его средства были возведены: школа № 2, Дворец культуры, гостиница, плавательный бассейн «Юбилейный», санаторий-профилакторий с бассейном, детские лагеря «Ландыш» и «Юбилейный», детский сад, теннис холл и многое другое. По программе ипотечного строительства построено 13 жилых домов. Помимо этого, благодаря НГДУ «ЛН» был отремонтирован ряд медицинских учреждений. Дворец бракосочетания, также выстроенный при финансовом содействии предприятия, является одним из красивейших достопримечательностей города. Поддержкой завода пользуются подшефные Лениногорский нефтяной техникум, ряд школ¹⁴.

Сегодня на территории Лениногорска преобладают предприятия, деятельность которых связана с добычей, хранением и транспортировкой нефти, ремонтом магистральных трубопроводов, строительством скважин и объектов предприятий нефтегазовой и энергетической промышленности. Помимо градообразующего НГДУ «Лениногорскнефть» к ним относятся: Ромашкинское районное нефтепроводное управление, входящее в состав АО «Транснефть-Прикамье»; ООО «ЛениногорскРемСервис»; Лениногорское управление тампонажных работ; ООО «РословНефтеКомплект Плюс».

---

¹¹ См.: Лениногорск – колыбель нефти Татарстана. Казань: «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идеал-Пресс», 2015.

¹² Там же. С. 18.

¹³ Онлайн-энциклопедия Tatarica. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/municipalnye-obrazovaniya/municipalnye-rajony/leninogorskij-rajon-1/leninogorskij-rajon-1> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁴ Лениногорск – колыбель... С. 93–97.

Однако было время, когда значимыми для идентификации жителей города являлись также некоторые другие предприятия, в первую очередь, Лениногорский приборный завод. Его создание было связано с тем, что к началу 1970-х годов в Казани стало активно расти производство на заводе «Радиоприбор» (ранее завод «Пластмасс») и потребовалось открытие дополнительных площадей. Так по предложению Министерства радиопромышленности СССР руководство ТАССР приняло решение о создании филиалов этого предприятия в Альметьевске и Лениногорске. Они функционировали в качестве самостоятельных заводов. Лениногорский приборный завод был ориентирован на производство кабельной продукции, печатных плат, контрольно-проверочной аппаратуры, трансформаторов и пластмассовых изделий. Его профессиональный состав включал инженеров, литейщиков, прессовщиков, слесарей, токарей, фрезеровщиков¹⁵. Причем с 1974 по 1995 гг. была проведена реконструкция производства, что позволило повысить эффективность работы.

Завод имел прочную социальную базу, условия труда и отдыха работников были на высоком уровне. Предприятие поддерживало патриотическую деятельность благодаря работавшим тогда 30 ветеранам Великой Отечественной войны и 50 труженикам тыла, являвшимся наставниками молодых сотрудников¹⁶. К началу 1980-х гг. его численный состав превысил три тысячи человек, для обучения которых было открыто профтехучилище. Для рабочих завода строились жилые дома, детские сады, пионерский лагерь для летнего отдыха их детей. Было развито свое подсобное хозяйство; при заводе создан духовой оркестр, развивался спорт, проводились различные культурные мероприятия. Тем самым завод вносил значительный вклад и в развитие города.

Тем не менее, в результате экономического кризиса и конверсии 1990-х г. основное производство Лениногорского приборного завода стало невостребованным. Отсутствие необходимого оборудования и денежных средств не позволило ему полностью переориентироваться на выпуск товаров народного потребления. И в 2003 г. завод пришлось закрыть.

Нужно отметить, что несмотря на закрытие, предприятие продолжает существовать как в памяти людей, проработавших там долгие годы, так и в виде артефактов. – Здание приборного завода все так же стоит на своем месте, на той же улице, медленно разрушаясь. А в 2017 г. была выпущена книга, посвященная Лениногорскому приборному заводу, собравшая теплые воспоминания работников о былых временах. – По нашим наблюдениям, представители старшего поколения, чьи молодые годы связаны с работой на заводе, являются стабильными жителями города и продолжают связывать его историю, образ и идентичность с ним.

В свою очередь, следует отметить, что тема открытия в поселении новых предприятий обсуждается сегодня как на муниципальном уровне, так и среди

---

¹⁵ Лениногорский приборный завод. Факты. События. Люди / автор-составитель М.И. Ахмеров. Лениногорск, 2017. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 16.

его жителей. Его важность обосновывается, с одной стороны, тем, что нефтяные ресурсы рано или поздно закончатся. С другой стороны, тем, что именно инновационное производство способно притягивать в город и удерживать в нем квалифицированных специалистов. Поэтому, смеем предположить, что открытие в городе предприятия, подобного Лениногорскому приборному заводу, могло бы стать символическим основанием развития городской идентичности – той, которой она была в годы своего процветания.

* * *

В нашем исследовании мы приходим к выводу о неоднозначности отношения молодежи Лениногорска к своему городу, когда в целом позитивное его восприятие сочетается с желанием покинуть поселение. При этом наличие промышленных предприятий (прежде всего, связанных с нефтедобычей и нефтесервисом), а также неплохая инфраструктурная обеспеченность дают молодым людям определенные варианты трудоустройства и реализации в нем своих интересов, потребностей в сфере досуга. В то же время ощутимая доля участников опросов отметила недостаточные возможности здесь для самореализации. Отсюда можно сделать вывод-предположение о том, что возрождение в Лениногорске высокотехнологичного производства могло бы в некоторой мере способствовать решению этой проблемы и повышению конкурентоспособности идентичности промышленного города.

Исследователь Д. Октай пишет: «города должны культивировать сильный, независимый имидж, к которому люди могут развивать сильную идентификацию и привязанность» (Oktaу, 2002). Отмечая основательность данного утверждения, подчеркнем также важность непрерывной работы, прежде всего со стороны представителей муниципальной власти, по направлению формирования и поддержания городской идентичности, создания позитивного образа города с акцентом на его особенности. Применительно к изучаемому кейсу также вновь заметим, что предприятие, подобное Лениногорскому приборному заводу, могло бы стать символическим основанием для становления позитивной идентичности города, какой она являлась в годы его процветания.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Горнова Г.В. Городская идентичность: философско-антропологические основания: монография. Омск: Изд-во «Амфора», 2019.

Дягилева Н.С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всерос. заоч. науч.-

практ. конф. / отв. ред. А.М. Бритвин. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 54–59. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/22420> (дата обращения 11.12.2023).

Ильина Т.В. Городская идентичность: механизм формирования // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 4. С. 1463–1465.

Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева. Под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.

Макарова Г.И. Отношение к городу и миграционные установки жителей нестоличных промышленных городов Татарстана // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Том. 26. № 2. С. 197–230. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.9>

Озерина А.А. Городская идентичность как социально-психологический феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Филос. 2016. № 4 (34). С. 135–139. <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.15>

Санникова О.В. Основания городской идентичности в контексте соразмерности города и человека // Общество и наука: векторы развития: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. О.Н. Широкова. Чебоксары: Интерактив плюс, 2022. С. 150–153.

Семенова Д.М. Формирование идентичности в малых городах России // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 6 (50). С. 54–63. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-6-6>

Федотова Н.Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 20 (3). С. 32–49.

De Oliveira Capela F., Ramirez-Marquez J.E. Detecting urban identity perception via newspaper topic modeling // *Cities*. 2019. № 93. P. 72–83. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.04.009>

Jones C., Svejenova S. The architecture of city identities: A multimodal study of Barcelona and Boston // *Multimodality, Meaning, and Institutions*. 2017. Vol. 54B. P. 203–234. <https://doi.org/10.1108/S0733-558X2017000054B007>

Nientied P. Hybrid urban identity-The case of Rotterdam // *Current Urban Studies*. 2018. № 6 (01). P. 152–173. <https://doi.org/10.4236/cus.2018.61008>

Oktay D. The quest for urban identity in the changing context of the city: Northern Cyprus // *Cities*. 2002. № 19 (4). P. 261–271. [https://doi.org/10.1016/S0264-2751\(02\)00023-9](https://doi.org/10.1016/S0264-2751(02)00023-9)

Siramkaya S.B. The effect of change in urban squares on urban identity: The case of Konya // *Architecture Research*. 2019. № 9 (1). P. 7–15. <https://doi.org/10.5923/j.arch.20190901.02>

Ziyae M. Assessment of urban identity through a matrix of cultural landscapes // *Cities*. 2018. Vol. 74. P. 21–31. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.10.021>

REFERENCES

De Oliveira Capela F., Ramirez-Marquez J.E. (2019) Detecting urban identity perception via newspaper topic modeling. *Cities*. No. 93: 72–83. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.04.009>

Dyagileva N.S. (2013) Theoretical aspects of urban identity. In: A.M. Britvin (ed.) *Branding of small and medium-sized cities in Russia: experience, problems, prospects: materials of the international scientific-practical conf.* Ekaterinburg: UrFU. Publ.: 54–59. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/22420> (accessed: 11.12.2023) (In Russ.).

Fedotova N.G. (2017) Formation of urban identity: factorial and institutional aspects. *Zhurnal sotsiologii i social'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology]. No. 20 (3): 32–49. (In Russ.).

Gornova G.V. (2019) *Urban Identity: Philosophical and Anthropological foundations: monograph*. Omsk: Amphora Publ. (In Russ.).

Ilyina T.V. (2017) Urban identity: mechanism of formation. *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik* [International student scientific bulletin]. No. 4: 1463–1465. (In Russ.).

Jones C., Svezhenova S. (2017) The architecture of city identities: A multimodal study of Barcelona and Boston. *Multimodality, meaning, and institutions*. Vol. 54B: 203–234. <https://doi.org/10.1108/S0733-558X2017000054B007>

Lynch K. (1982) *The Image of the city*. A.V. Ikonnikova (ed.). Moscow: Stroyizdat Publ. (In Russ.).

Makarova G.I. (2023) Attitude to the city and migration attitudes of residents of non-capital industrial cities of Tatarstan. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. [Journal of sociology and social anthropology] Vol. 26. No. 2: 197–230. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.9>

Nientied P. (2018) Hybrid urban identity – The case of Rotterdam. *Current Urban Studies*. No. 6 (01): 152–173. <https://doi.org/10.4236/cus.2018.61008>

Oktay D. (2002) The quest for urban identity in the changing context of the city: Northern Cyprus. *Cities*. No. 19 (4): 261–271. [https://doi.org/10.1016/S0264-2751\(02\)00023-9](https://doi.org/10.1016/S0264-2751(02)00023-9)

Ozerina A.A. (2016) Urban identity as a socio-psychological phenomenon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University]. Ser. 7, Philosophy. No. 4 (34): 135–139. <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.15> (In Russ.).

Sannikova O.V. (2022) Foundations of urban identity in the context of the proportionality of the city and the person. In: *Society and science: vectors of development: materials of the III All-Russian. scientific-practical conf.* O.N. Shirokova (eds.). Cheboksary: Interactive Plus. Publ.: 150–153. (In Russ.)

Semenova D.M. (2015) Formation of identity in small towns of Russia. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal)* [Modern research of social problems (electronic scientific journal)]. No. 6 (50): 54–63. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-6-6> (In Russ.)

Siramkaya S.B. (2019) The effect of change in urban squares on urban identity: The case of Konya. *Architecture research*. No. 9 (1): 7–15. <https://doi.org/10.5923/j.arch.20190901.02>

Ziyace M. (2018) Assessment of urban identity through a matrix of cultural landscapes. *Cities*. Vol. 74: 21–31. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.10.021>

Сведения об авторе: Калимуллина Эльвира Расимовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Лениногорский филиал Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ (423250, пр. Ленина, 22, Лениногорск, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-4710-9770>; e-mail: ElviraKalimullina-0302@yandex.ru

About the author: Elvira R. Kalimullina, Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Economics and Management, Leninogorsk branch of the Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI (22 Lenin Ave., Leninogorsk 423250, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-4710-9770>; e-mail: ElviraKalimullina-0302@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 19.01.2024

Доработана после рецензирования / Revised 14.03.2024

Принята к публикации / Accepted 15.05.2024

СОВРЕМЕННЫЕ ГОРОДСКИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.441-457>

Что говорят в мечетях Ташкента? Дискурс мусульманского духовенства об ограничении ритуальных расходов

А.А. Аширов

Институт истории

Академии наук Республики Узбекистан

Ташкент, Республика Узбекистан

adhashirov@yandex.ru

Резюме. В статье анализируются изменения, произошедшие в период независимости Узбекистана, в религиозной жизни и национальных ценностях населения столицы республики – города Ташкента, связанных с семейными обрядами.

На основе полевого материала автор раскрывает сочетание религиозного и национального аспектов в семейной обрядности узбеков в части проведения ритуала бракосочетания. В статье анализируются взгляды имамов относительно расходов и излишеств на его исполнение. Посредством наблюдений за современным узбекским обществом, общественной деятельностью мусульман, анализа проповедей мусульманских священнослужителей на пятничных молитвах, их работы на сайтах, в социальных сетях и мессенджерах, автор обращает внимание на широту обсуждений узбекскими имамами вопросов семьи и брака. Подчеркивается влияние постоянных усилий мусульманских священнослужителей на изменения в объемах расходов на обрядовую жизнь узбекского народа. Особенно оно заметно в свадебных церемониях. В работе раскрываются преобразования в узбекской семейной обрядности с точки зрения ритуальной экономики.

Ключевые слова: Ташкент, ислам, ритуалы, обычаи, традиция, свадьба, пятничная молитва.

Для цитирования: Аширов А.А. Что говорят в мечетях Ташкента? Дискурс мусульманского духовенства об ограничении ритуальных расходов. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №3. С. 441–457. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.441-457>

What do they say in mosques of Tashkent? Discourse of the Muslim clergy on the limitation of ritual costs

A.A. Ashirov

Institute of History,

Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Tashkent, Republic of Uzbekistan

adhashirov@yandex.ru

Abstract. The article analyses the changes that occurred during the period of independence of Uzbekistan in the religious life and national values of the population of the capital of the republic – the city of Tashkent, which are associated with family rituals.

Based on field data, the author reveals a combination of religious and national aspects in Uzbek family rituals regarding the wedding ritual. The article analyses the views of imams concerning the costs and excesses of its implementation. Through observations of modern Uzbek society, Muslims' social activities, the analysis of the Muslim clergy sermons at Friday prayers, their work on websites, social networks and instant messengers, the author draws attention to the breadth of discussions by Uzbek imams on family and marriage issues. The influence of the constant efforts of the Muslim clergy on changes in the volume of expenses spent on the ritual life of the Uzbek people is emphasized. It is particularly noticeable in wedding ceremonies. The work reveals transformations in Uzbek family rituals from the point of view of ritual economy.

Keywords: Tashkent, Islam, rituals, customs, tradition, wedding, Friday prayer.

For citation: Ashirov A.A. (2024) What do they say in mosques of Tashkent? Discourse of the Muslim clergy on the limitation of ritual costs. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 3: 441–457. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.441-457> (In Russ.)

В начале XX в. джадиды, призывая народные массы к бережному сохранению национальных обычаев и обрядов, повышению духовно-просветительского уровня народа, выступали категорически против показушности при проведении свадеб и похоронно-поминальных обрядов. Один из лидеров туркестанских джадидов Абдулхамид Чулпан в своей статье, опубликованной в газете «Садои Фаргона» в 1914 г. указывал на то, что наблюдаемое им расточительство прежде не наблюдалось, и оно является продуктом последних лет: «Как хорошо было в прежние времена, а в последние годы день ото дня происходит отбрасывание назад. В те времена не было таких излишне расточительных свадеб».

В годы советской власти в жизнь узбеков, регулируемую коммунистической идеологией, вошли так называемые «комсомольские свадьбы», «красные свадьбы», «интернациональные браки». Несмотря на то, что в этот период широкое распространение получили традиции, обусловленные коммунистическими идеями, национальные и религиозные традиции сохранялись в обрядовой жизни народа в виде уникального симбиоза. Население, в частности, продолжа-

ло соблюдать традиции проведения *суннат тўй* (празднество по случаю обрезания родившихся мальчиков), *никах* (мусульманское бракосочетание), *джаназа-намаза* (мусульманская молитва перед погребением).

С распадом СССР в 90-е годы XX в. в Узбекистане, как и в других советских республиках, провозгласивших независимость, среди населения усилилось чувство национальной и религиозной идентичности. Узбеки, освободившиеся от советского идеологии, стремились к воссозданию объективной картины собственной истории, к возрождению идентичности, национальных и религиозных ценностей. У них возродилось множество обычаев и обрядов, требующих больших расходов. Затраты на них стали составлять значительную часть семейного бюджета. Такие понятия, как *орзу-хавас* (желание, стремление к чему-либо), *узбекчилик* (нравы и обычаи, характеризующие узбекский быт), превратились в самостоятельную традицию. Согласно ей, родители заблаговременно начинают откладывать деньги, приобретать дорогостоящие предметы для свадеб своих детей. Вопрос проведения свадебных торжеств в современном Узбекистане – один из самых актуальных.

Правительство и общество Узбекистана признают, что в последние годы свадебные церемонии стали отличаться излишеством и требуют от населения чрезмерных расходов. В некоторых семьях проблемы экономического характера приводят к разладу между родителями молодых супругов, становясь причиной их разводов.

14 сентября 2019 г. Кенгаш Законодательной палаты и Кенгаш Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан принимают совместное постановление «О дальнейшем совершенствовании системы упорядочения проведения свадебных, семейных, юбилейных торжеств, семейных поминальных обрядов и мероприятий, посвящённых памяти усопших»¹. В документе указано, что для искоренения чрезмерного расточительства в республике, в том числе при Жокаргы Кенесе Каракалпакстана, областных, районных и городских Кенгашах народных депутатов, а также при сельских советах граждан создаются комиссии по урегулированию вопросов проведения свадебных, семейных, юбилейных торжеств, поминальных обрядов и мероприятий, посвящённых памяти усопших. Несмотря на принятие подобных постановлений и создание комиссий, расходы на семейные обряды, в частности на свадебные церемонии, не сокращаются, а напротив увеличиваются год от года. Данная проблема вызывает протест со стороны общественности. Она широко обсуждается на государственных и негосударственных уровнях общества, разными социальными группами. Наша цель – осуществить анализ дискурса представителей мусульманского духовенства по вопросу о расходах на свадебные торжества.

---

¹ Утвержден порядок проведения свадеб и семейных обрядов // NORMA.UZ. URL: https://www.norma.uz/nashi_obzori/utverjden_poryadok_provedeniya_svadeb_i_semeynyh_obryadov (дата обращения: 16.12.2023).

Историография проблемы

В прошлом столетии свадьбы и семейные обряды в Центральной Азии изучались исследователями у таких народов, как казахи, кыргызы, туркмены, таджики и каракалпаки. Историография советского периода по данной тематике представлена целым рядом работ (Кисляков, 1967: 239–244; Лобачева, 1971).

В советский период были написаны монографии и статьи, посвящённые свадебной обрядности разных регионов Узбекистана, в том числе Хорезмского оазиса, Зарафшанской и Ферганской долин (Лобачева, 1960: 43–45; Лобачева, 1985: 43; Сухарева, 1940: 173–176; Кубаков, 1972: 119–127; Сухарева, Бикжанова, 1955; Бикжанова, 1959; Абдуллаев, 1991). В исследованиях данного периода особое внимание уделялось пропаганде обычаев советского времени. Так, в монографии Н.П. Лобачевой, изданной в 1975 г., исключительный интерес проявлен к новым свадьбам – «красной свадьбе», «комсомольской свадьбе», «интернациональной свадьбе». Пропагандируя свадьбы советского образца, автор называла обряды, связанные с национальными свадебными торжествами, «пережитками прошлого» (Лобачева, 1975: 45–68). Это мнение получило одобрение в научных трудах У.Отамирзаева, Т.Х. Ташбаевой и М.Д. Савурова (Отамирзаев, 1988; Ташбаева, Савуров, 1989), в материалах республиканского семинара, вошедших в сборник «Новые традиции новой жизни» (Янги турмуш..., 1973).

Постсоветский период отмечен появлением новых исследований. В книге «Узбекские свадьбы» Х.Исмоилова раскрыты обычаи, обряды и церемонии, сопровождавшие свадебные торжества, в частности связанные со сватовством, помолвкой, послесвадебной практикой (Исмоилов, 1992: 96–162). В работе узбекского литературоведа Махмуда Саттара «Узбекские обычаи» освещены некоторые экономические аспекты свадебной обрядности узбеков. Им на основе этнографических материалов рассмотрены свадебные обряды, калым и другие обычаи, бытовавшие среди народа (Махмуд Саттор, 1993: 106–116). В кандидатской диссертации узбекского этнографа С.Соатовой объектом исследования стали формы брака, сватовство, помолвка и послесвадебные мероприятия, включая некоторые ритуальные расходы, на примере населения Зеравшанской долины (Соатова, 1999).

В статьях российского антрополога С.Н. Абашина, наряду со сведениями о свадебной обрядности узбеков, охарактеризованы различия *калыма*² и *махра*³, проанализированы вопросы рациональности или иррациональности ритуальных расходов у народов региона (Абашин, 1999а: 158–164; Абашин, 1999б: 87–107). Известный ученый высказал ряд интересных суждений, связанных с ритуальной

---

² *Калым* – плата; вып, уплачивавшийся первоначально роду, позднее – родителям или родственникам невесты со стороны жениха.

³ *Махр* (араб. *مهر* – букв. «брачный дар») – в исламском семейном праве имущество, которое муж выделяет жене при заключении брака. *Махр* является одним из главных условий для заключения брака. Выплата *махра* может быть отсрочена по договорённости после свадьбы. В случае вдовства или развода по требованию мужа (*таляк*), *махр* всегда гарантированно должен остаться у жены в качестве компенсации.

экономикой, но он не поставил перед собой задачу анализа дискуссии, развернувшейся вокруг вопросов ритуальной экономики в религиозном пространстве.

Одним из ключевых понятий нашего исследования является понятие «рациональность». Признанный специалист по Центральной Азии О.А. Сухарева писала в одной из своих работ: «Расходование огромных средств на совершение обрядов, которое производится систематически и в наше время, не может не отражаться отрицательно и на жизни семьи, и на экономике всего общества в целом в силу своей нерациональности. На приготовление угощений и приношений тратятся не только средства, но и масса времени» (Сухарева, 1976: 32). Эту мысль поддержал другой, не менее известный этнолог С.П. Поляков. По его мнению, весь семейный бюджет следует разделить на две группы расходов – рациональные расходы и нерациональные расходы. К числу первых исследователь отнес, в частности, траты на пищу, одежду, а вторых – траты на семейные и исламские обряды (Поляков, 1989: 64).

Японский антрополог Сеика Вазакки на основе этнографических материалов, собранных в Ферганской долине, изучил вопросы семьи, брака, махра и разводов в узбекских семьях (和崎, 2019: 83–107).

Анализируя научную литературу по теме, можно сделать заключение о том, что до настоящего времени дискурс современного религиозного мусульманского духовенства по вопросу свадебных обрядов у узбеков не стал предметом специального изучения.

Методы исследования

В исследовании использован метод наблюдения и сравнительного анализа. Нами осуществлен сравнительный анализ сведений из различных источников, а именно полевого этнографического материала, собранного в 2022–2023 гг. в Ташкенте – в *джума*-мечети «Ислам-ата» Яшнабадского района и в мечети «Муيي Муборак Уккоша» Шейхантаурского района Ташкента, осуществлён статистический анализ вопросов и ответов, содержащихся на Телеграмм канале Fatvo.uz Центра фетвы Управления мусульман Узбекистана, и материалов из социальных сетей.

After Secularity и семейные обряды

В период полувекового нахождения у власти Ислама Каримова в Узбекистане был введен целый ряд ограничений на религиозные практики. С момента прихода к власти Шавката Мирзиёева в 2016 г. в Узбекистане, наряду с переменами в политической, экономической и культурной сферах, произошли изменения в религиозной политике, в частности в части обеспечения свободы вероисповедания. Вследствие ее предоставления в Новом Узбекистане значительно повысилась роль ислама в обществе и ритуальной жизни. Начиная с 2017 г., в республике ликвидирован «чёрный» список верующих, несовершеннолетним позволено посещать мечети, участвовать в мусульманских обрядах.

С 2016 г. в Узбекистане полностью перестроено 385 и отремонтировано 487 мечетей. Организовано Высшее медресе Мир Араб в Бухаре, Высшая школа хадисоведения в Самарканде и медресе Имама Термези в Сурхандарьинской области. Управлением мусульман Узбекистана запущена образовательная онлайн-программа по изучению ислама⁴. В городах и крупных кишлаках республики массовый характер приобрело посещение молодёжью мечетей для участия в коллективной молитве – *джума-намаз*, а также в *таробех-намазе*, совершаемом в священном для мусульман месяце Рамазан, в том числе во время намазов в дни *Рамазан* и *Курбан хаитов*. В Ташкенте, в городах Ферганской долины, в Самарканде и Бухаре широкое распространение получило проведение *акика*⁵ и «исламских свадеб» – торжеств, во время которых основной частью является проведение по шариату обряда *никах* в присутствии только женщин.

Перемены коснулись не только внутренней, но и внешней политики Узбекистана. Правительство установило дружественные политико-экономические и культурные связи с соседними государствами и с рядом мусульманских стран – Турцией, Объединёнными Арабскими Эмиратами, Саудовской Аравией. Это стало причиной заметных изменений и трансформации религиозной жизни республики. Так, с 2018 г. увеличились квоты на участие в хадже, сняты ограничения на малый хадж (*умра*), снизилась сумма оплаты на совершение паломничества для жителей республики. С июля 2023 г. частным товариществам и фирмам было разрешено заниматься организацией паломнических туров. После пандемии коронавируса с 22 января 2022 г. до 2023 г. свыше 25 тысяч узбекистанских мусульман совершили хадж и *умра* в Саудовскую Аравию⁶.

В результате изменения религиозной политики правительства Узбекистана и возрождения исламских ценностей в последние годы в стране наблюдается усиление роли ислама – феномена исламского возрождения общества. Это явление породило следующие вопросы: «Превращается ли религия в самую притягательную силу для узбекского общества?», «Радикализируются ли в религиозном плане различные социальные группы, например, молодёжь из-за исламской пропаганды в условиях секулярного Узбекистана?», «Как меняется идентичность населения под влиянием ислама?».

Перед тем, как приступить к поиску ответов на эти вопросы, следует отметить, что в последние годы произошли заметные изменения в культуре одежды населения. Люди разного возраста начали надевать национальный костюм не только во время совершения обрядов, но и в повседневной жизни. Узбекские девушки и женщины стали носить одежду современных фасонов,

---

⁴ Махсудов Д. Диний ташкилотлар ўртасида ўзаро ишонч ва хурматни мустаҳкамлаш: Ўзбекистон тажрибаси // Ўзбекистон Республикаси дин ишлари бўйича қўмита. URL: <https://religions.uz/news/detail?id=1707> (дата обращения: 7.02.2024).

⁵ *Акика* (араб. عقيقة – перерезание) – жертвоприношение одного или двух баранов в знак благодарности Богу за рождение ребёнка. У узбеков *акика* означает торжество с угощением по случаю рождения ребенка в семье.

⁶ Махсудов Д. Диний ташкилотлар...

сшитою из таких национальных тканей, как *адрас* (натуральная ткань ручной выделки, наполовину состоящей из волокон шелка и хлопка), атлас, *шойи* (шелковая ткань) и *бекасаб* (полосатая ткань из волокон шелка и хлопка). Мужчины начали отращивать бороды, а среди женщин широкое распространение получили хиджабы.

Перечисленные явления породили множество споров среди интеллигенции и представителей духовенства. 8 сентября 2023 г. председатель Управления мусульман, муфтий Узбекистана шейх Нуриддин Холикназаров в своей пятничной проповеди в джума-мечети «Тева» города Ташкента, акцентируя внимание на теме «В религии впадение в крайность – величайший грех», высказался в отношении культуры одежды: «От “мусульман” требуйте соблюдать меру, не переходить границы. Наше вероучение не велит женщинам закрывать лица, ходить в чёрном и даже носить перчатки. В нашем учении лицо, руки, стопы женщины не являются частями тела, которые требуется закрывать, и для них не нужна определённая одежда. Только требуется соблюдать нормы в сокрытии *аврата*⁷. И больше ничего»⁸. Заслуживает внимания то, что муфтий одним из первых среди представителей духовенства Узбекистана дал оценку религиозной и национальной идентичности: «... в период распространения ислама наши предки приняли исламскую религию, при этом они не стали арабами. Нация была сохранена». По нашему мнению, здесь важны два момента.

Первое – жёсткая критика со стороны именно муфтия Узбекистана одежды, воспринимаемой женщинами как исламский наряд, и отращивание бороды мужчинами. Второе – лидер мусульман республики, рассуждая о религиозной и национальной идентичности, в качестве приоритета выделил национальное самосознание. Муфтий, признавая, что «ислам и нация» являются отдельными понятиями, особое внимание уделил национальной идентичности. Примечательно то, что последовавшие пятничные проповеди во время намаза во всех джума-мечетях Узбекистана посвящались культуре одежды. Почти все имамы акцентировали внимание мусульман на то, что при ее выборе следует соблюдать нормы, диктуемые национальными традициями. Утверждение о том, что в ханафитском мазхабе нет обычая, согласно которому женщины должны закрывать лица, они обосновывали 31-м аятом суры «Ан-Нур» (Свет) Священного Корана: «И скажи верующим [женщинам], ... пусть они прикрывают головными платками вырез на груди» (Куръони Карим, 2018: 83). Представитель Центра фетвы Управления мусульман Узбекистана Мухаммад Аюбхан домла Хомидов выступил с критикой отращивания длинных бород мужчинами и закрытия

---

⁷ *Аврат*, *аурат* (араб. عورة – слабое, незащищённое место, половые органы) – часть тела, которую мусульмане обязаны прикрывать перед другими людьми. Для женщин перед чужими мужчинами *авратом* считается часть тела от кистей рук до шеи и от шеи до ступней ног, для мужчин – срамные места или то, что между пупком и коленями.

⁸ Муфтий Узбекистана призвал к умеренности, в том числе в ношении религиозной одежды и бороды. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2023/09/11/muftiy/?utm_source=push&utm_medium=telegram (дата обращения: 11.09.2023)

лиц женщинами. По его мнению, отращивание бороды не является основной мерой в религии, во внешнем виде человека следует обратить внимание на умеренность⁹.

В последние годы Управлением мусульман Узбекистана опубликован ряд фетв, инструкций, рекомендаций и пятничных тезисов относительно регулирования порядка проведения семейных обрядов. В августе 2018 г. Управление предоставило инструкцию для имам-хатибов, которым в своих пятничных проповедях следует поднимать тему «Наши размышления о свадьбах»¹⁰.

Исраф (бездумное расточительство) рассматривается в исламской религии как один из серьёзных грехов. В Коране говорится, что Аллах не любит излишествующих [т.к. дарованные им блага не направлены на совершение благих дел]. Знатоки религии осуждают помпезность, расточительство и хвастовство, проявляющиеся во время свадебных торжеств как «национальный изъян» (ПМА, 2023). Здесь возникает вопрос: почему «национальный изъян»? Такую оценку мы считаем неправильной, так как данная традиция является народной, она подчеркивает важную роль института *адата* (обычая) в жизни общества, соревновательный момент между соседями, друзьями, родственниками, разными социальными группами, ответственность родителей за благополучие детей.

В 2019 г. Управление мусульман Узбекистана обнародовало фетву, в которой изложены рассуждения и предложения о порядке проведения свадьбы и обрядов. Им дано следующее указание: «Имам-хатибам республики в пятничных проповедях и своих публичных речах в ходе различных мероприятий следует вести широкую агитационную работу о моральном и материальном вреде допускаемых в ходе свадеб, поминок и обрядов таких негативных явлений, как расточительство, тщеславие, хвастовство и ханжество, а также о пользе экономии и соблюдения меры, обосновывая это аргументами из жизненных примеров» (ПМА, 2022). В фетве сделан акцент на то, что в проводимых узбеками в связи со свадьбой и с другими событиями таких обрядах, как *келин навкар*¹¹, *чорлар*¹², *ота кўрди*¹³, *сен ёйди*¹⁴, *қуда чақирди* (приглашение сватьей), *куёв*

---

⁹ Инстаграм аккаунт Представителя Центра фетвы Управления мусульман Узбекистана Мухаммад Аюбхан домла Хомидов. URL: https://www.instagram.com/muhammad_ayubxon_domla (дата обращения: 9.10.2019).

¹⁰ Имам хатибы будут привлечены для упорядочения проведения свадеб. URL: <http://old.muslim.uz/index.php/rus/novosti-2018/item/16994?ysclid=lu4gmjk2gv170108506> (дата обращения: 9.12.2023).

¹¹ *Келин навкар* – группа девушек сопровождающие невесту во всех свадебных ритуалах. Родители невесты покупают им одинаковые платья.

¹² *Чорлар* – прием родителями невесты дочери и родственников жениха.

¹³ *Ота кўрди* – посещение отцом дочери в её новом доме. Обычно проводится в период «40 дней» (*чилля*). Отца сопровождают мужчины из его рода.

¹⁴ *Сен ёйди* – развешивание приданного (*сен*) и украшение дома жениха стороной невесты. Делается до свадьбы: приданое вывешивается в будущих комнатах молодых на обозрение соседям.

*чақирди*¹⁵, *келин чақирди*¹⁶, *тозора юбориши*¹⁷, *юз очди*¹⁸, *супра очди*¹⁹, *кўрна йиғди*²⁰, *қиз базми*²¹, *ҳожжи оши*²², *оқлик олди*²³, *пахта берди*²⁴, *келин кўрди*²⁵, *хина қўйи* (раскрашивание рук хной), *шукроналик* (благодарность Аллаху в виде отдельного ритуала), *пайгамбар оши* (плов, раздаваемый сообществу человеком, достигшим 63 лет) и *аишурлик*²⁶, следует соблюдать меру. В фетве подчёркивается, что перечисленные обряды не имеют отношения к исламской религии, и для народа они стали источником мучений, излишних расходов и расточительства. По нашему мнению, перечисленные в фетве обряды, хотя и не отражены в предписаниях исламского шариата, традиция их проведения у узбеков переплелась с национальными традициями. Некоторые из них в наши дни проводятся в упрощенном виде, другие полностью ушли из обрядовой жизни народа.

В последние годы имамы Узбекистана осуществляют активную деятельность в махаллях, медиапространстве, социальных сетях. В выступлениях они дают разъяснения по различным вопросам религиозного характера, при этом нередко резко критикуя чрезмерные расходы на свадебные торжества и поминальные мероприятия. Во время наших научных изысканий мы наблюдали, как узбекские имамы активно обсуждают вопросы, связанные с семьей и браком, во время проповедей и выступлений, произносимых во время *джума-намаз* (пятничной молитвы), коллективных собраний в махаллях и на других площадках,

---

¹⁵ *Куёв чақирди* – приглашение зятя и дочери, его родителей и друзей в дом родителей невестки.

¹⁶ *Келин чақирди* – близкие родственники жениха (тети, дяди, двоюродные братья и сестры) приглашают новую семью к себе в гости.

¹⁷ *Тозора юбориши* – родители брачующихся посылают друг другу гостинцы – горячие блюда, фрукты, конфеты, печеное и т.д.

¹⁸ *Юз очди* – обряд, который проводится на следующий день после свадьбы. Невесте открывают лицо и она, делая поклоны, знакомится с членами семьи и родственниками.

¹⁹ *Супра* – круглая скатерть из овечьей кожи, на которой просеивают муку и разделяют тесто. Очень близкие родственницы собираются в доме жениха и сдают *супра* в руки невестки, чтобы далее она занималась хозяйством.

²⁰ *Кўрна йиғди* – процедура собирания после 40 дней одеял из приданого невесты, которое демонстрировалось обществу.

²¹ *Киз базми* – свадебное празднование на стороне невесты.

²² *Хожжи оши* – плов, раздаваемый обществу семьей после возвращения с хаджа.

²³ *Оқлик олди* – вверять; передача белой ткани; Ритуал, в котором семья невесты вверяет свою дочь жениху и его семье, получает взамен белую ткань как заверение в чистоте помыслов семьи жениха. Он завершается преломлением лепёшки – символа достатка и разделённой судьбы.

²⁴ *Пахта берди* – дарение ваты. Вату дарят как символ мягкой и лёгкой доли, судьбы. Сторона невесты использует её для шитья ватных одеял для невесты.

²⁵ *Келин кўрди* – посещение соседями всех возрастов, родственниками и знакомыми дома новобрачных для знакомства с невестой.

²⁶ *Аишурлик* – обряд в исламе, который проходит в первой декаде первого месяца мусульманского лунного календаря Мухаррам.

на ток-шоу, телевидении и радиопередачах, *амри маъруф*²⁷ во время проведения обрядов *акика*²⁸, *суннат-той*²⁹, на свадебных и поминальных мероприятиях, на сайтах мечетей имамов и в социальных сетях (Telegram, Facebook, Instagram). Остановимся на проповедях, произносимых во время *джума-намаза*, и на разъяснениях мусульманского духовенства в социальных сетях.

Дискурс о ритуальных расходах в пятничных проповедях

Как и в других мусульманских общинах Центральной Азии, в Узбекистане мечети делятся на *джума-мечети* и махаллинские мечети. Согласно официальным сведениям на сентябрь 2023 г. в республике насчитывалось 2126 мечетей, из которых 2084 функционируют в качестве *джума* (пятничных, соборных) мечетей и 42-махаллинских мечетей. В Ташкенте – столице Узбекистана, действуют 134 мечети, из которых 129 – *джума* и 5-махаллинских мечетей (*намазхана*)³⁰.

Джума – намаз, который совершается мужчинами мусульманской общины в полдень пятницы. Согласно преданиям, Пророк Мухаммад С.А.В. совершил свой первый пятничный намаз в местности Куба. Исламские источники гласят, что это событие происходило в Накийъу Хазимате, расположенном на расстоянии одной мили от Медины, в махалле, где проживала община Бану Салим Бин Авф. В суре 62 Священного Корана говорится, что время чтения пятничной молитвы наступает после полудня, и совершается 10 ракатов намаза.

Как и в других регионах Центральной Азии, в Узбекистане *джума-намаз* читается в мечетях на протяжении многих веков. В советский период на совершение пятничной молитвы было наложено ограничение, она читалась в немногочисленных мечетях больших городов. С 1991 г. *джума-намаз* было разрешено совершать в мечетях больших кишлаков, районных центров и городов. В период пандемии коронавируса с 16 марта 2020 г. пятничная молитва в мечетях не читалась в течение 24 недель. Начиная с 4 сентября 2020 г., мусульмане вновь массово начинают посещать мечети по пятницам.

Согласно исламским предписаниям, имам читает проповедь членам общины каждую пятницу за 30 минут до начала *джума-намаза*. Цель проповедей –

---

²⁷ Слово *амри маъруф* чаще встречается в кораническом наставлении: امر بالمعروف والنهي عن المنكر «Амр бил Ма'руф ва Нахи ан аль Мункар», часто переводимом как «Предписывай добро и запрещай зло». Используется в Коране девять раз, имея в виду коллективный долг мусульманской общины поощрять праведное поведение и препятствовать безнравственности, как это признается разумом и исламской морально-правовой системой.

²⁸ *Акика* (араб. عقيقة – перерезание) – жертвоприношение одного или двух баранов в знак благодарности Богу за рождение ребёнка.

²⁹ *Суннат-той* (араб, сунна – «пример», «обычай», «предание») – торжество, связанное с обрезанием мальчика и вступлением его в мусульманскую общину. В Узбекистане мальчикам делают обрезание в возрасте 3~9 лет (предпочтение отдается нечетным годам), крайний возраст – 13 лет.

³⁰ Махсудов Д. Диний ташкилотлар...

пополнение духовных и жизненных сил в сердцах и делах мусульман. Как правило, проповеди посвящены различным темам, начиная от разъяснения предписаний шариата до актуальных вопросов, касающихся семьи, социально-экономической жизни, культуры, образования, воспитания и этнических норм. Примечательным является то, что темы проповедей определяются Управлением мусульман Узбекистана и направляются в виде тезисов имамам всех мечетей за день до пятничной молитвы.

Нами проанализированы темы проповедей, прочитанных в *джума*-мечетях Узбекистана с 2020 г. по сентябрь 2023 г. Анализ показал, что в проповедях, наряду с широкой пропагандой исламской религии, сведений из жизни пророков, затрагиваются вопросы исламской морали и нравственности, культуры, семьи и брака. Так, в последние годы проповеди читались на такие темы, как «Закят – финансовое благослужение» (8.04.2022), «Отношение к женщинам в исламе» (04.03.2022), «Молодость – весна жизни» (18.03.2022), «Этика поведения в общества в исламе» (28.07.2023).

Поскольку Узбекистан является светским государством, в законодательстве государство отделено от религии, а религия от государства. По этой причине в пятничных проповедях почти не обсуждается политика, политические события. Однако в некоторых случаях, как мы убедились, важные для жизни страны социально-политические процессы все же становятся объектом обсуждения во время пятничных проповедей. К примеру, 6 июля 2023 г. в пятничной проповеди на тему «Ценность благодарения и благ» прозвучал призыв к верующим активно участвовать в выборах президента Узбекистана. Таким образом, в пятничных проповедях поднимаются темы, считающиеся важными для общества.

Для нас особый интерес представляют проповеди, посвящённые упорядочению семейных обрядов и сокращению расходов на них. За анализируемый период в проповедях прозвучали следующие темы: «Пусть не рвутся узы брака» (12.12.2020), «Прочность семьи – залог процветания обществ» (07.01.2022), «Воспитание детей, ориентирование внимания молодёжи к просвещению» (04.07.2022), «Семейные разводы – регресс общества» (10.06.2022). В них имамы, подвергая критике советскую действительность, одобряют широкие возможности, появившиеся в годы независимости Узбекистана.

В проповеди на тему «Семейные разводы – регресс общества», звучавшей 7 января 2022 г. в мечети Ислам ата Яшнабадского района города Ташкента, акцент делался на том, что в исламе создание семьи является обязательным предписанием для верующих. Опираясь на источники ислама, имам обратил внимание прихожан на то, что каждый достигший совершеннолетия мусульманин должен обрести себе пару и, заключив брак, жить в семье, заботами о ней. По утверждению имама, расходы на свадебный обряд, как и обеспечение семейного бюджета, должен взять на себя мужчина. В частности, мусульманин должен при заключении брака выделить *махр* (имущество, которое выделяет муж жене при заключении брака), обеспечить супругу жильем, питанием и одеждой. В качестве подтверждения того, что мужчина несёт полную ответст-

венность за семью и все ее расходы, проповедник приводит 34-й аят суры «Ан-Ниса женщины»: «Мужья стоят над женами [руководят ими] за то, что Аллах (по Своей мудрости) дал одним [мужчинам] преимущество перед другими [женщинами], и за то, что [мужчины] расходуют из своего имущества [дают им свадебный дар обеспечивают их]» (Курьони Карим, 2018: 528). Заостряя внимание прихожан на том, что большинство расходов, связанных со свадебными торжествами и семейными обрядами, не имеет отношения к исламской религии, имам называет их национальными изъятиями (ПМА, 2022).

В проповедях имама, наряду с религиозными и научными источниками, приводят статистические данные. Сами проповеди читаются, в основном, с опорой на два источника. Первый – это Коран и хадисы. Обязательность брака для мусульман обосновывается сурами «Ан-Ниса» и «Ар-Рум» (Римляне). Брак в исламе – божественное благословение, и если кто-то, имея возможность, не вступает в брак, то «он не один из нас». Это утверждение повторяется многократно в разных контекстах. В этом видим призыв молодёжи к созданию семьи. Второй – религиозная литература. В проповедях о семье и браке узбекские имамы обычно обращаются к богословам ханафитского мазхаба разных времён. Большой популярностью у них пользуется труд шейха Мухаммад Садык Мухаммад Юсуфа «Счастливая семья» (Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф, 2022).

По мнению имама мечети Ислам ата Яшнабадского района Ташкента, при создании семьи не следует «облагать налогами» сторону невесты (ПМА, 2023). Основной целью свадьбы в исламе является прежде всего обнародование факта заключения брачного союза. При этом совершенно необязательно ставить в известность весь город. Однако в узбекском обществе на близких невесты приходится основная часть расходов. В исламе не существует обычая, согласно которому сторона невесты обязана заполнить выделенные для молодожёнов комнаты мебелью, коврами, занавесками, посудой, одарить одеждой с головы до ног жениха и членов его семьи. В пятничных проповедях делается акцент на том, что недостойным для мужчины считается ношение им одежды, использование им мебели и других предметов, купленных родителями жены.

В пятничной проповеди, прозвучавшей в мечети «Муьи Муборак Уккош ота» Шейхантахурского района Ташкента 7 января 2022 г., говорилось о том, что в наши дни причиной большинства разводов супругов новых семей является материальный аспект. По утверждению некоторых людей, сегодня свадьба проводится не для заключения брака, а брак заключается для проведения свадьбы. По мнению имама мечети, «Сегодня люди при упоминании свадьбы представляют себе рестораны, машины, приданое для жениха и невесты, фото-видеосъемку молодых на фоне садов и гор. У нынешних семей как бы есть тело, но нет души» (ПМА, 2022).

За последние пять лет выросло число молодёжи, участвующей в *джума*-намазе, при этом, благодаря проповедям, в семейной обрядности происходят изменения, в частности несколько сокращаются расходы на свадьбу со стороны невесты. По нашим наблюдениям, сегодня под влиянием проповедей имамов

мебель и предметы бытовой техники стали приобретаться в основном стороной жениха. Сократились объемы приданого. Благодаря пятничным проповедям и расширению исламских знаний среди населения, широкое распространение получили *махр* при заключении брака и *акика-тоя* при рождении ребёнка. Однако имеют место случаи, когда в качестве махра новобрачную одаряют автомобилем и дорогими ювелирными украшениями, а при проведении праздника *акика* наблюдается чрезмерная помпезность и расточительство.

Обсуждение ритуальных расходов в социальных сетях

При анализе взглядов представителей мусульманского духовенства на расходы при проведении семейных обрядов в качестве источника мы привлекли материалы, опубликованные на официальных интернет-каналах Управления мусульман Узбекистана. Оно в целях повышения среди населения знаний об истории и культуре ислама, предоставления правильных ответов на интересующие вопросы создало специальный веб-сайт (www.old.muslim.uz), а в приложениях Telegram и Facebook – сайт Fatvo.uz. С момента открытия 19 января 2019 г. Telegram-канала Fatvo.uz на нем идёт активное онлайн-обсуждение вопросов, касающихся религии и жизни, в том числе семейных обрядов. На 18 сентября 2023 г. канал насчитывал 118 952 постоянных подписчиков.

С 2019 г. по 18 сентября 2023 г. на ТГ-канал Fatvo.uz поступило 3019 вопросов, 355 из которых касались семейной жизни, 77 – вопросов о свадьбе. Так, на вопрос 658: «Я хотел бы провести свадьбу в соответствии с предписаниями Сунны. Однако хотелось бы, чтобы она была очень простой. Какой бывает свадьба в соответствии с Сунной?», был дан следующий ответ.

В большинстве обществ, и даже у народов, не являющихся мусульманами, свадьбу проводит сторона мужчины. Если бы им было сказано, что «Свадьбу должна проводить сторона невесты», они бы лишились рассудка. Особенно, если скажут, что «Плов проводит сторона девушки». Сторона жениха, по своему усмотрению, может привести на свадебный плов, который организуется стороной невесты, до 250, а иногда и больше мужчин. Если же сторона невесты не встретит их должным образом – быть беде. В результате несоблюдения предписаний шариата происходят вещи, не отвечающие человеческой природе (ПМА, 2022).

В качестве ответа на этот вопрос дан комментарий о том, что Мухаммад С.А.В., исходя из возможностей тех времён, сам проводил свадьбу и всем своим сподвижникам-мужчинам велел проводить ее. Далее задается другой вопрос: «Почему проведение свадьбы возлагается на мужчину?». Ответ содержал следующее.

Прежде всего, проведение свадьбы возлагается на мужчину, так как он и есть мужчина. По сути, создаваемая новая семья будет носить его имя. Главой этой семьи будет именно мужчина. Проводимая женой свадьба для мужчины не честь, а бесчестье. Во-вторых, когда

дочь, получившая любовь и воспитание родителей, едва достигнув совершеннолетия, покидает их и других членов семьи и одна идёт в другую семью, дав согласие стать ее новым членом, это уже само по себе честь для жениха и его семьи. Благодаря этому повышается авторитет жениха и его семьи в обществе. Именно поэтому сторона жениха устраивает свадебное торжество в честь невесты³¹.

Анализ вопросов и ответов, представленных в Telegram канале Fatvo.uz, показывает, что Центр фетвы Управления мусульман Узбекистана ориентирует свою деятельность на оптимизацию расходов на свадьбы, на формирование у населения Нового Узбекистана стремления к знанию и соблюдению исламских норм и предписаний, в том числе к сокращению расходов со стороны невесты и взятию на себя стороной жениха расходов на торжество. Благодаря широкому освещению в социальных сетях вопросов религиозного характера и активной позиции молодёжи, широкое распространение получает проведение свадебных торжеств и семейных мероприятий на основе обычаев и предписаний, утверждённых в исламе.

Изучение текстов канала позволило убедиться в том, что многие обращения и ответы затрагивают вопросы создания семьи, проведения свадьбы, *акика*, *суннат-тоя* и поминальных обрядов, в том числе расходов на них. Основное число постоянных и активных участников канала составляет молодёжь. Молодые люди верят в то, что на данном канале они смогут получить правильные ответы на волнующие их вопросы и следовать им в жизни. Благодаря тому, что в последние годы в социальных сетях ведётся широкая пропаганда исламских знаний, в узбекском обществе наметились заметные перемены в порядке проведения свадеб. При этом свершившимся фактом является и то, что среди молодых людей растёт интерес к проведению свадеб в лучших исламских традициях.

* * *

Поскольку узбекское общество на протяжении многих веков отличалось консервативностью, исламская религия, традиции и обряды стали неотъемлемой частью жизни народа. Благодаря либеральной политике правительства Узбекистана относительно ислама, усилилась роль и значение этой религии среди различных слоев населения, в частности среди молодёжи.

В результате агитационно-пропагандистской деятельности, развёрнутой в мечетях и медиапространстве Узбекистана путем привлечения социальных сетей (Telegram, Facebook, Instagram) в целях рационализации семейных обрядов и мероприятий, оптимизации чрезмерных затрат на них, изменился объем расходов, которые несет население. Они сместились со стороны невесты в сторону жениха, в частности, расходы на мебель, *сарпо* (приданное), стали обязанностью семьи жениха. Пословица «*Қизи борга қирқ йил тегма*» (букв. «Не троньте

---

³¹ Telegram: Contact@diniysavollar. URL: <https://t.me/diniysavollar> (дата обращения: 9.10.2023).

[не беспокойте] семью, где есть [выдали замуж] дочь») утратила свою актуальность. Вместе с тем, среди некоторых слоев населения широкое распространение получили утраченные, но возрождаемые обычаи – выделение *махра* невесте при заключении брака, проведение праздника *акика* при рождении ребёнка и проведение свадеб в соответствии с исламскими традициями.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ПМА – полевые материалы автора, собранные в *джума*-мечети «Ислам-ата» Яшнабадского района и в мечети «Муи Муборак Уккоша» Шейхантахурского района Ташкента в 2022–2023 гг.

ЛИТЕРАТУРА

Абашиин С.Н. Калым и махр в Средней Азии: пава или ритуал? О «границах» в социальных отношениях // Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии (г. Звенигород, 22–29 мая 1999 год) М.: ИД «Стратегия», 1999а. С. 158–164.

Абашиин С.Н. Вопреки «здравому смыслу»? (К вопросу о «рациональности/ иррациональности» ритуальных расходов в Средней Азии) // Вестник Евразии. 1999б. № 1–2. С. 87–107.

Абдуллаев У.С. Традиционное и новое, общее и особенное в современной свадебной обрядности народов Ферганской долины // Узбекистан: страницы истории. Ташкент, 1991. С.21–34.

Бикжанова М.А. Семья в колхозах Узбекистана. (На материалах колхозов Наманганской области). Ташкент: Фан, 1959.

Исмоилов Х. Ўзбек тўйлари. Тошкент: Ўзбекистон, 1992.

Кисляков Н.А. Некоторые брачные церемонии у народов Средней Азии и проблемы материнского рода // Труды Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1967. Вып. VII; Т. 4. С. 239–244.

Кубаков К. К истории развития узбекской семьи // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Ташкент: Фан, 1972. С. 119–127.

Лобачева Н.П. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1971.

Лобачева Н.П. Свадебный обряд Хорезмских узбеков // Крат. сооб. Ин-та. этногр. М., 1960. Вып. 34. С. 43–45.

Лобачева Н.П. Формирования новой обрядности узбеков. М., 1975.

Лобачева Н.П. Хивинская свадьба // Этнография Таджикистана. Душанбе, 1985. С. 116–124.

Маҳмуд Саттор. Ўзбек удумлари. Тошкент: Фан, 1993.

Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф. Счастливая семья. Ташкент: Nilol nashr, 2022.

Отамирзаева У. Янги урф-одатлар. Тошкент: Фан, 1988.

Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989.

和崎 聖日. 「旧ソ連ムスリムの結婚と離婚— ウズベキスタンの例」 長沢栄治監、森田豊子・小野仁美編『イスラーム・ジェンダー・スタディーズ1 結婚と離婚』東京：明石書店、pp. 83–107.

Соатова С. Зарафшон водийси ўзбекларининг никоҳ-тўй маросимлари (XIX аср охири – XX аср бошлари). Тарих фанлари номзоди илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертация. Тошкент, 1999.

Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодалного города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976.

Сухарева О.А. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии // Советская этнография. 1940. №3. С. 173–176.

Сухарева О.А., Бикжанова М.А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент: Фан, 1955.

Ташбаева Т.Х., Савуров М.Д. Новое и традиционное в быту сельской семьи узбеков. Ташкент: Фан, 1989.

Янги турмуш – янги анъаналари. Сборник. Тошкент, Ўзбекистон, 1973.

Куръони Карим – Мусхафи шариф. Ташкент: Hilol nashr, 2018.

REFERENCES

Abashin S.N. (1999) Contrary to “common sense”? On the issue of “rationality/irrationality” of ritual expenses in Central Asia. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia]. No 1–2: 87–107. (In Russ.)

Abashin S.N. (1999) Kalym and mahr in Central Asia: peahen or ritual? About “boundaries” in social relations. In: *Man and law. A book about the summer school in legal anthropology*. Moscow: Strategy Publ.: 158–264. (In Russ.)

Abdullaev U.S. (1991) Traditional and new, general and special in the modern wedding rituals of the peoples of the Fergana Valley. In: *Uzbekistan: pages of history*: 21–34. (In Russ.)

Bikzhanova M.A. (1959) *Family on collective farms in Uzbekistan. Based on materials from collective farms in the Namangan region*. Tashkent: Fen Publ. (In Russ.)

Holy Qur'an – Mushafi sharif (2018). Tashkent: Hilol-nashr Publ. (In Arabic)

Ismoilov H. (1992). *Uzbek Weddings*. Tashkent: Uzbekistan Publ. (In Uzbek.)

Kislyakov N.A. (1967) Some marriage ceremonies among the peoples of Central Asia and problems of maternal gender. In: *Proceedings of the International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences*. Vol. 7. No 4: 239–244. (In Russ.)

Kubakov K. (1972) On the history of the development of the Uzbek family. In: *Ethnographic study of the life and culture of Uzbeks*. Tashkent: 119–127. (In Russ.)

Lobacheva N.P. (1960) Wedding ceremony of the Khorezm Uzbeks. In: *Brief reports from the Institute of Ethnography*. Moscow. Vol. 34: 43–45. (In Russ.)

Lobacheva N.P. (1971) *Various ritual complexes in the wedding ceremony of the peoples of Central Asia and Kazakhstan*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Lobacheva N.P. (1975) *Formation of new rituals of the Uzbeks*. Moscow. (In Russ.)

Lobacheva N.P. (1985) Khiva wedding. In: *Ethnography of Tajikistan*. Dushanbe: 116–124. (In Russ.)

Makhmud Sattor. (1983) *Uzbek traditions*. Tashkent: Fen Publ. (In Uzbek)

New Traditions of a New Life (1973). Collection. Tashkent: Uzbekistan Publ. (In Uzbek)

Otamirzaeva U. (1998) *New traditions*. Tashkent: Fen Publ. (In Russ.)

Polyakov S.P. (1980) *Traditionalism in modern Central Asian society*. Moscow. (In Russ.)

Sheikh Muhammad Sadiq Muhammad Yusuf. (2022) A happy family. Translator Jakhongir Dadazhanov. Tashkent: Hilol-nashr Publ. (In Uzbek)

Soatova S. (1999). *Marriage ceremonies of Zarafshan Valley Uzbeks. Late 19th – early 20th centuries*. Diss. Cand. Hist. Sciences. (In Uzbek.)

Sukhareva O.A, Bikzhanova M.A. (1955) *The past and the present of the village of Aykyran*. Tashkent: Fen Publ. (In Russ.)

Sukhareva O.A. (1940) Wedding ceremonies of Tajiks in Samarkand and some other regions of Central Asia. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No 3: 173–176. (In Russ.)

Sukhareva O.A. (1976) *Quarterly community of the late feudal city of Bukhara in connection with the history of quarters*. Moscow. (In Russ.)

Tashbaeva T.Kh., Savurov, M.D. (1973) *New and traditional in the life of a rural Uzbek family*. Tashkent: Nauka Publ. (In Russ.)

Wazaki S. (2019) Marriage and divorce among Muslims in the former Soviet Union: the case of Uzbekistan. In: Eiji Nagasawa, Toyoko Morita, Hitomi (eds.) *Islamic Gender Studies. I Marriage and Divorce*. Tokio: 83–107. (In Japan)

Сведения об авторе: Аширов Адхамжон Азимбаевич, доктор исторических наук, заведующий Центром этнологии и антропологии, Институт истории Академии наук Республики Узбекистан (100060, проезд Шахрисабз, 5, Ташкент, Республика Узбекистан); <https://orcid.org/0000-0002-3484-1647>; e-mail: adhashirov@yandex.ru

About the author: Adhamjon A. Ashirov, Doctor Sc. (History), Head of the Center for Ethnology and Anthropology, Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (5 Shakhrisabz Pass., Tashkent 100060, Republic of Uzbekistan); <https://orcid.org/0000-0002-3484-1647>; e-mail: adhashirov@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 16.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 29.04.2024

Принята к публикации / Accepted 15.05.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.458-473>

Город как фактор: языковая ситуация и восприятие проблематики этнических языков в Республике Саха (Якутия)

Е.М. Арутюнова

Институт социологии

Федерального научно-исследовательского

социологического центра Российской академии наук

Москва, Российская Федерация

981504@mail.ru

Резюме. В статье предпринята попытка выявления влияния городской среды на языковое поведение и языковые аспекты идентичности у якутян в настоящее время, а также обобщения экспертных оценок урбанизации как фактора риска для функционирования языка саха. На базе анализа количественных и качественных данных, характеризующих языковую ситуацию и актуальные проблемы в языковой сфере в Республике Саха (Якутия) в 2019 и 2022 гг., сделаны выводы о том, что в силу социально-демографической и исторической специфики региона языковая сфера отличается здесь высоким уровнем сохранности и функциональности языка саха. Эмпирика показывает, что язык остается самым важным идентификатором этничности, у подавляющего большинства саха якутский язык является языком домашнего общения (с дифференциацией городского и сельского населения), сельская среда по нашим данным фактически полностью сахаязычная. Использование якутского языка в домашнем общении и школьном образовании, его поддержка на уровне республики, большая доля сельского населения среди саха – существенные факторы сохранения и развития их языка. В то же время городская, а точнее столичная среда в республике становится пространством развития дискурсов, постулирующих значимость языка как главного символа этничности и акцентирующих ущерб, наносимый якутскому языку процессами урбанизации и универсализации культур.

Ключевые слова: язык, этнические языки, этническая идентичность, Республика Саха (Якутия), языковая ситуация, языковой активизм, урбанизация.

Для цитирования: Арутюнова Е.М. Город как фактор: языковая ситуация и восприятие проблематики этнических языков в Республике Саха (Якутия). *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №3. С. 458–473. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.458-473>

The city as a factor: linguistic situation and perception of the problems of ethnic languages in the Republic of Sakha (Yakutia)

E.M. Arutyunova

Institute of Sociology,

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology

of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

981504@mail.ru

Abstract. The article attempts to identify the influence of the urban environment on linguistic behavior and linguistic aspects of identity among Yakut people at the present time, as well as risk factors of urbanisation for the functioning of the Sakha language in expert assessments. Based on the analysis of quantitative and qualitative assessments of the language situation and current problems in the language sphere in the Republic of Sakha (Yakutia) in 2019 and 2022, it was concluded that due to the specifics of the socio-demographic, historical situation in the republic, the language sphere here is characterised by a high level of preservation and functionality of the Sakha language. Empirical evidence shows that language remains the most important identifier of ethnicity. For the vast majority of the Sakha, the Yakut language is the language of home communication (with differentiation of urban and rural populations); according to our data, the rural environment is actually completely Sakha-speaking. The use of the language in home communication and school education, support for the Yakut language at the republic-wide level, a large proportion of the rural population among the Sakha are significant factors in the preservation and development of the Sakha language. At the same time, the urban, or rather, the metropolitan environment in the republic is becoming a space for the development of discourses which postulate the importance of language as the main symbol of ethnicity and emphasise the damage inflicted on the Yakut language by the processes of urbanisation and universalisation of cultures.

Keywords: language, ethnic languages, ethnic identity, Republic of Sakha (Yakutia), linguistic situation, linguistic activism, urbanization.

For citation: Arutyunova E.M. (2024) The city as a factor: the linguistic situation and perception of the problems of ethnic languages in the Republic of Sakha (Yakutia). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 3: 458–473. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.458-473> (In Russ.)

В этнической политике и практике России одной из самых дискутируемых тем уже несколько лет подряд остается проблема сохранения, развития и использования этнических языков. Поправки в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», принятые в 2018 г. и утвердившие добровольное изучение государственных языков республик, а также появившаяся возможность выбора русского языка для изучения как родного, существенно формализовали и упорядочили языковую политику в образовании на общегосударственном уровне. При этом вокруг языковой тематики заметно развивалась солидаризация этнических активистов в республиках. Результаты их деятельности

условно можно рассматривать в двух направлениях. С одной стороны, были инициированы многие значимые для сохранения и развития языков проекты, с другой – в дискурсе этнического активизма и этнонационализма стало доминирующим представление о новой редакции закона, как и в целом о стратегии федерального центра в отношении республик, как направленных на русификацию и подавление этнических языков и культур.

Озабоченность снижением функциональности и / или утратой этнических языков – постоянный спутник этноориентированных дискурсов в последнее время. Существенную роль в нашей стране здесь играет давно сложившееся понимание языка в качестве наиболее существенного признака этнической общности, причем воспринимаемого как символ гораздо чаще, чем как реальная составляющая языкового поведения. Достаточно вспомнить распространенную и в образовании, и в научном дискурсе, и в быту трактовку родного языка как языка народа, а не функционального или материнского языка, в результате чего привычными становятся высказывания «не знает родного языка», что с функциональной точки зрения – нонсенс.

Разумеется, такая озабоченность имеет основания – процессы модернизации, урбанизации и, как следствие, универсализации культур в той или иной степени затронули многие этнические общности. Трансформации языкового поведения исторически происходили и естественно, и вынужденно под влиянием политических решений, а в современных условиях, под влиянием массовых миграций, глобальных рынков и цифровых технологий, происходят все быстрее. Урбанизационные процессы в первую очередь оказывают влияние, помимо ценностных ориентаций, именно на языковое поведение (Валеева, 2002), однако это влияние может быть противоречивым. С одной стороны, развитие городской среды может способствовать формированию общенародного литературного языка из конгломерата языков (Валеева, 2002), что и происходило исторически в новой истории и способствовало формированию наций. С другой стороны, в настоящее время на первый план выходят другие процессы – трансформации языкового поведения в мультикультурной среде с доминирующим языком (ситуация большинства российских регионов), и в этой ситуации многие этнические языки в нашей стране постепенно сводятся к функционированию только в быту, а отдельные языки находятся под угрозой исчезновения (Шабыков, Соловьев, 2019). И это происходит одновременно с сохранением значимости языков на символическом уровне как существенных компонентов идентичности. – Показательно, что в уже упомянутом исследовании (Шабыков, Соловьев, 2019) на примере Марий Эл также фиксируются разнонаправленные тенденции: с одной стороны, языковая русификация населения либо билингвизм, а с другой – усиление значимости этнического языка как символа у части этих же русифицированных региональных сообществ. Схожий вывод делается и в исследовании по Дагестану: на фоне ослабления языкового сознания его городского населения – декларативная приверженность родным языкам без реальных изменений языкового поведения (Шахбанова, 2022).

Отметим важный для текущих реалий факт – такие тенденции, в совокупности с амбициями использовать этнические чувства в политических целях, становятся дополнительными факторами роста дискурсов исторического ущерба и сепаратизма.

В статье мы рассмотрим кейс Саха (Якутии) – республики с особой специфической ситуацией и в отношении использования языка саха в повседневной жизни, и в языковой политике в образовании. Результатом периода суверенизации начала 1990-х годов в регионе стал выраженный подъем этнической идентичности саха. Этот период часто называют «национальным возрождением», именно тогда язык саха получил статус государственного и поддержку на уровне республики, однако это не единственный фактор, определяющий его витальность и развитие. Между переписями 1989 г. и 2002 г. происходил отток русского населения (а также украинцев, белорусов, татар), и доля саха в населении республики выросла с одной трети в 1989 г. до половины в 2010 г. Кроме того, значительная часть якутов – сельские жители, а сельская среда преимущественно мононациональна, сохранность и функциональность языка саха в ней не вызывают сомнений. Однако урбанизация как макросоциальный фактор неизбежно ведет к тому, что сельские жители переезжают и преимущественно в столицу – Якутск, где проживает половина населения республики. В результате в структуре населения города доля саха возросла в 2,5 раза в сравнении с 1989 г. (Иванова, 2017: 20). Как совокупный результат всех этих процессов можно рассматривать новые тенденции для языкового пространства Якутска, среди которых:

расширение функционирования языка саха в языковом пространстве города, как следствие – высокая степень сохранности его как родного языка;

снижение тенденций ассимиляции среди якутов, возрастание свободного владения якутским языком среди носителей;

некоторое снижение уровня владения русским языком среди саха с сохранением положительной языковой установки по отношению к нему;

умеренное возрастание социальных функций якутского языка, умеренное сокращение использования русского языка, замещение моноязычия (русского или якутского) функциональным двуязычием (Иванова, 2017).

Эти тенденции демонстрируют, что до определенной степени влияние урбанизации в Якутии сглаживается специфическими факторами, среди которых – высокая доля горожан в первом поколении (на 2011 г. до 60% горожан были горожанами в первом поколении (Ефимов и др., 2015: 128)), воспитанных в преимущественно моноязычной сельской среде и поддерживающих тесные связи с локацией исхода (общаются с родными, приезжают в отпуск на охоту, рыбную ловлю, отправляют детей на лето к бабушкам и дедушкам). Среди специфических черт, отличающих на данный момент влияние урбанизации в Саха (Якутии) на языковую ситуацию от ситуаций в других республиках, назовем

массовую включенность в сетевое общение в соцсетях и мессенджерах и возможность воспитания и образования на языке саха в сахаязычных детсадовских группах и школьных классах на начальных и иногда средних ступенях образования. Однако процессы урбанизации, наряду со спецификой в конкретных средах, имеют и более универсальное влияние, которое проявится в недалеком будущем: горожане во втором поколении, пусть пока и немногочисленные, уже сейчас имеют более сложную многосоставную идентичность, в меньшей степени включены в родовые отношения, которые транслируют этническую культуру, в большей мере ориентированы на малодетную семью, а также чаще переходят на русский язык в домашнем общении (Ефимов и др., 2015: 133).

Задачей статьи стала попытка выявления влияния городской среды на языковое поведение и языковые аспекты идентичности у якутян в настоящее время, а также обобщение экспертных оценок урбанизации как фактора риска для функционирования языка саха. *Эмпирической базой* для настоящего анализа стало мониторинговое исследование, проведенное совместно Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и Государственным бюджетным учреждением Республики Саха (Якутия) Национальное агентство «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)». Для анализа использованы результаты, полученные в 2019 и 2022 гг. в ходе массовых опросов, репрезентативных для республики (n=1500), а также 30 экспертных интервью и четырех фокусированных групповых интервью в городах Якутск и Мирный в 2019 г. и 20 экспертных интервью и двух фокус-групп в Якутске в 2022 г. Исследование проводится ежегодно и направлено на комплексный анализ межэтнических отношений в республике, однако, учитывая актуальность языковой тематики, постоянное обращение к ней экспертов, опросный лист в 2019 г. содержал специальный блок о языковой ситуации в республике, а гайды экспертных интервью и фокус-групп затрагивают языковую проблематику ежегодно.

Языковая ситуация: что по статистике

Данные исследования в 2019 г. показывают, что язык остается ключевым показателем этничности – 84% якутов и 63% русских в республике отвечают, что язык объединяет их с людьми своей национальности, и все остальные идентификаторы оказываются менее значимыми. Поддержку языка и сохранение культуры саха считают самым важным для себя самих как этнической группы (по 58%), причем это оценивается даже важнее, чем экономическое, социальное развитие, а также укрепление самостоятельности республики.

В регионе выражена дифференциация использования языков в домашней сфере, а также в какой-то мере в рабочей и образовательной сферах жизни в зависимости от национальности. Помимо прочего, это говорит о высокой степени сохранности и функциональности якутского языка, а также о высокой ценности его для якутов. В домашнем общении три четверти саха (73%) используют преимущественно якутский язык, еще 18% говорят на якутском и русском языках.

У русских русский язык – практически единственный язык домашнего общения (97%), у якутян других национальностей русский язык – также преобладающий язык общения (70%). В смешанных русско-якутских браках язык домашнего общения в большинстве случаев русский. На работе почти половина саха (44%) использует преимущественно якутский язык, каждый третий (31%) – и якутский, и русский языки. В школах более четверти (27%) детей респондентов-якутов обучаются на якутском языке, 18% – на русском языке – и каждый третий (31%) – на обоих языках. Русские якутяне, как правило, обучаются на русском языке, якутяне других национальностей в нашей выборке – преимущественно также на русском языке¹.

Сельские, городские (плюс ПГТ)² и столичные саха отчетливо различаются по мере использования якутского языка, что вполне ожидаемо и хорошо известно. У сельских якутов гораздо чаще распространен якутский как язык домашнего общения (83%), как преимущественный язык рабочего общения (58%, еще 30% сельских якутов используют на работе оба языка) и язык школьного образования. 39% сельских детей-саха обучаются также в большей степени на якутском языке, еще 35% – на обоих (напомним, что это в какой-то мере вопрос восприятия), всего 8% сельских детей-якутов учатся на русском языке по нашим данным. Фактически сельская среда у якутов полностью сахаязычная.

В то же время и в столице, и в других городах и ПГТ саха дома преимущественно говорят по-якутски (59–64%), хотя и заметно меньше, чем в селах. 17% столичных якутов говорят дома больше по-русски, в городах и ПГТ – 13%. Каждый пятый якут (20–21%) использует дома оба языка.

В городах и столице якутский язык заметно меньше используется в рабочей и образовательной средах, но все же очень активно. Якуты в столице на работе чаще всего говорят преимущественно на русском (38%) и на обоих языках (35%), и каждый пятый (21%) говорит больше на якутском языке. У якутов в городах и ПГТ в сравнении со столичными якутами доля использующих на работе преимущественно якутский ощутимо выше – 36%, практически столько же (34%) говорят на русском и еще 25%, то есть каждый четвертый, на обоих языках.

подавляющая часть якутов (95%) называет язык саха родным языком. Учитывая, что в нашей стране используется толкование родного языка как этнического гораздо чаще, чем как функционального, можно с уверенностью говорить о высокой символической ценности родного языка для якутов, особенно если учесть, что свободное владение им отметили несколько меньшее число якутов –

---

¹ Этот показатель не может быть основанием для анализа образовательной статистики, поскольку респонденты судят в собственных категориях использования языка («На каком языке обучаются (обучались) ваши дети в школе?»), но не в категориях системы образования; под обучением на обоих языках вполне может подразумеваться и обучение в якутских классах / школах, где практически везде после 4 класса обучение на якутском языке проходит по учебникам на русском языке.

² В эту категорию отнесены все города и ПГТ республики, кроме столицы – Якутска.

85% (повторим, что 85% свободно владеющих языком саха – это очень высокий уровень сохранности языка, что важно в условиях глобализирующегося пространства и языкового сдвига). 18% якутов называют родным русский язык: иначе говоря, у части якутов родных языков два, и это вполне нормальное явление в современном мире. В основном такие люди живут в столице: 38% столичных якутов называют родным языком русский и 90% – якутский, в городах и поселках 18% якутов называют родным русский и 96% – якутский. То есть реальное двуязычие не ослабляет восприятия ценности якутского языка. Якуты в столице свободно владеют языком саха реже (73%), чем в селах и городах (88–89%), и такая доля во многом обеспечивается за счет тех, кто в Якутск приехал, а не родился здесь. Так, из родившихся в Якутске якутов (таковых 29%) свободно говорят на языке саха чуть менее половины – 46%, среди тех столичных жителей, кто приехал из городов и ПГТ, – 70–74%, а среди тех, кто приехал из сел, 89% свободно владеют якутским языком. Совсем не говорят на саха 6% родившихся в столице якутов. Среди якутов очень высок запрос на знание якутского языка – 85% хотели бы, чтобы их дети или внуки в первую очередь владели якутским языком. Такой запрос незначительно выше в городах и селах (по 87%), чем в Якутске (79%).

*Языковая проблематика в городе
в экспертных оценках: «все пропало»?*

Чрезвычайно чувствительная для части регионального сообщества языковая тема, как правило, актуализируется ситуативно, но в целом остается в трендах: в 2018–2019 гг. триггером стали поправки в ФЗ «Об образовании», в 2020–2021 гг. – поправки в Конституцию РФ, а из менее заметных событий – разработка и принятие новых учебных стандартов.

В 2022 г. о языковой проблематике, особенно в образовании, эксперты говорили по-прежнему много и часто. Основной лейтмотив («мы теряем язык») стабильно транслируется якутской интеллигенцией и языковыми активистами, владение языком тесно увязывается с этничностью в целом, этнический язык рассматривается как ее главный атрибут.

Мы теряем язык свой, культуру. Для детей вот городского поселения, например. Ну, ладно все в селах понятно. От городского поселения там, ну, даже сейчас в селах дети вот смотрят ютуб, например, да. Вот просто, ну, русские контенты, английские, и на якутском они не говорят, многие якуты (ПМА, 2022, 1: 1).

Есть такое, язык якутский умирает, да, можно сказать, здесь в Якутске, в школах. Даже в якутских школах дети разговаривают на русском – им так удобнее, им так проще высказываться, грубо говоря, даже материться, им так проще, у них такой круг общения, у них такое окружение русскоязычное. Ну, учатся и учатся, им как-то вот... они этого не понимают же, что язык умирает, и когда ценности какие-то надо сохранять. Но это, наверное, какое-то другое... другой способ,

метод должен быть, да, для того чтобы сохранить тот же язык или культуру. Я не думаю то, что заставлять там якутский язык, якутские классы там открывать, закрывать. Я не думаю, что это очень важно или как-то повлияет на то, чтобы якутский язык не умирал (ПМА, 2022, 1: 2).

Дети говорят в основном только на русском языке, и пропадает родной язык, мне кажется. И в образовательных организациях, честно сказать, по школе там из семи классов один класс только может быть с изучением родного языка. И туда попасть вообще нереально. В садиках некоторых вообще нет групп, ну, с якутским языком (ПМА, 2022, 2: 1).

В среде молодых специалистов, не вовлеченных в активистские круги, оценка процессов исторической трансформации языка и в целом позиция по языку гораздо более прагматичная, менее эмоциональная, принимающая перемены, ориентированная на развитие и в то же время не дистанцирующаяся от этничности, осознающая возможности языкового развития в существующем законодательном пространстве России:

Знаете, глубинный язык умирает, да, однозначно. На его месте появляется суржик. Суржик сейчас есть, да. Если бы унифицировали язык гораздо более и нашли бы общий язык между собой и унифицировали, и не было бы сферы влияния, когда отдельный старичок, там, продвигает одно, а второй третье и т.д. А тут молодые не воспринимают, нет. Просто нужна унификация и стандартизация, не более. А затем уже литературный язык, там надо уже пробовать. А вот эта вот работа не проводится. Проводится работа по сохранению языка, но дело в том, что язык должен развиваться. Да, мы говорим на протоязыке, да, мы можем законсервировать протоязык, но все равно мы должны вносить новые слова. Вместо этого мы тратим на... абсолютно не на то мы тратим силы, как мне кажется. (Своих детей я – прим. авт.), однозначно, читать бы научил изначально на русском, потому что больше информации. На якутском надо уметь читать, надо уметь писать, не более. Как консервация и обозначение того, что это часть моей идентичности, часть моей культуры. Благо, например, мы знаем, как поступили с индейцами англосаксы, какое там было уничтожение их. И как нас здесь – это небо и земля (ПМА, 2022, 1: 3).

Как говорят языковые активисты, необходимо учитывать *потребность якутов в репрезентации языка саха в городском общественном пространстве*. Вероятно, осознание такой необходимости существует скорее в узких кругах интеллигенции и активистов, которые акцентируются на тех сферах, где есть проблемы, обывателю же такие вопросы закрепления символического владения пространством не всегда интересны:

Не случайно я отметил в самом начале нашего разговора, что у нас низкий уровень образования. Люди, симпатизирующие «Ус Тум-

суу», радикально национально настроенные, они испытывают дискриминацию, когда не во всех образовательных учреждениях преподавание ведется на родном языке, когда недостаточно литературы, методических изданий, когда не хватает элементарно учителей. Это воспринимается как немощность, неспособность местных властей решить эту проблему (ПМА, 2022, 1: 4).

Мнения экспертов существенно различаются в отношении того, требует ли такой, характерный для части якутского сообщества, запрос на репрезентацию якутского языка (а следовательно, и на поддержание этнической идентичности саха) вовлечения не-якутов, среди которых большинство – русские. Чаще всего языковые и этнические активисты полагают, что это необходимо, и увязывают такую необходимость с несколькими обстоятельствами – среди которых символическая историческая принадлежность территории республики якутам, требование уважения к «титульному», коренному народу – и с вполне прагматическими мотивами улучшения климата межэтнических отношений:

Республиканское правительство должно обязательно учитывать мнения этой части народа, которая хочет, и которая ревниво следит за тем, что делает республиканское правительство. Мне кажется, что, в принципе, сам Ил Дархан Айсен Николаев достаточно часто обращается к вопросам языковым, другое дело, что другие руководители, может быть, его несильно поддерживают в этом. Может быть, руководству республики следует обратить внимание на русскоязычную часть населения, чтобы разъяснить ему важность репрезентации якутского языка в общественной жизни, чтобы оно это воспринимало не просто как что-то его не касающееся, но как важную часть собственной жизни, составляющую собственного благополучия, условие для успешного развития современного общества. В конце концов счастливый и довольный сосед гораздо лучше и полезнее недовольного (ПМА, 2022, 1: 5).

Ну в том-то и дело, люди делятся, когда они не понимают других людей. То есть русские – они с русскими общаются, потому что они не говорят на якутском. И якуты, они общаются с друг другом, потому что они не понимают русский. Но когда они понимают – и те, и те – и русский, и якутский, они спокойно находятся и социализируются. То есть, если мы будем, как бы, наоборот, нужно вводить якутский язык, чтобы те русские, которые приехали, они ознакомились (разг. – прим. авт.) с местным языком, и они понимали его, тогда им легче будет с местными разговаривать, и также местные, опять, должны учить русский язык. И тогда им спокойнее тоже будет (ПМА, 2022, 1: 6).

Отметим, что по данным опроса в 2022 г. обязательность изучения якутского языка для всех школьников независимо от национальности поддерживает немалая доля саха – 38%.

Объяснение причин «умирания» языка и вариантов, что с этим делать, как правило, сводится к нескольким, среди которых проблема преемственности образования на языке и языковой среды, проблема чрезмерной унификации государством образовательных стандартов, проблема недостаточно эффективных методик обучения языку и на языке, а также общий кризис и снижение уровня образования в стране в целом.

В ситуации нарушения преемственности образования корень проблемы эксперты видят прежде всего в отсутствии / недостатке дошкольных учреждений с якутским языком воспитания:

Ну я считаю, что это важная тема, и она должна быть всегда в центре внимания. Я считаю, это совершенно неправильно, когда получение школьного образования на родном языке становится привилегией не для всех, а для узкого круга людей. Дело же не только в школьном образовании. Единичные классы в школе, они не решают эту проблему. Должна быть языковая среда. Вообще создание среды, оно же идет, если мы говорим про образование и воспитание, оно идет с раннего возраста. У нас не хватает групп в детских садах, которые вели бы воспитательную работу на якутском. Потому что доказано, если ребенок очутился полностью в русскоязычной среде в младшем возрасте, и он переключается сразу на русскую среду и становится абсолютно русскоязычным, то в школе ему стать носителем якутского языка уже практически невозможно. Это уже доказано исследованиями (ПМА, 2022, 1: 7).

Дошкольные учреждения, по мнению некоторых экспертов, могли бы стать площадкой для обязательного изучения якутского языка и создания с помощью такого метода основ двуязычия не только у детей саха, но и у русских детей и детей других национальностей:

Когда ребенок маленький, мы можем ему это давать хотя бы для расширения кругозора, хотя бы чтобы он понимал... Мы же можем и природу родного края, мы можем много предметов преподавать малышу о родном языке, о родном крае. Нам же не надо, чтоб он прямо в совершенстве владел, если это не его родная национальность. Но он будет много знать, это полезно (ПМА, 2022, 1: 8).

Хочется, чтобы много больше было прикладного чего-то, творческого, созданного на родном языке. И обязательно, чтобы этот язык изучался независимо от национальности детей с начальных... (этапов – прим. авт.) Мы же сейчас начали принимать детей с полутора... с 20-го года это у нас пошло, веяние такое, прямо массовое. Раньше единичные сады принимали с полутора лет малышей, а сейчас, со вступлением нас в проект «Демография» вообще на территории России, мы принимаем малышей. Это как раз тот самый возраст, когда мы бы могли давать и якутский язык, и русский. Я считаю, что это очень правильно. Многие выросшие местные жители, как лично я, к сожа-

лению, не знают якутский язык, и я чувствую иногда некоторое прямо неудобство (ПМА, 2022, 1: 8).

Ситуация с восполнением школьных мест в городе Якутске, оценки экспертов из сферы образования и управления образованием скорее свидетельствуют о том, что запросы населения на обучение на языке саха удовлетворены – по меньшей мере, если речь идет о начальной школе. Выраженная реакция ущемления в языковом плане по сути является эмоциональной реакцией, мотивированной опасениями утраты этнической идентичности:

Да, это точно, может, и есть такие родители, которые хотят (учить детей на якутском – прим. авт.), и они говорят – «мы ищем классы». Но кто против? Все написано, территория закреплена, ты спокойно можешь найти класс с якутским языком, это какие-то остатки того, может быть... остатки общего настроения, что все равно где-то меня обижают, оно у национальностей, которые небольшие, как мы, оно всегда будет (ПМА, 2022, 1: 9).

Стать манкуртами, совсем забыть свои корни абсолютно, свою культуру – это очень страшно. Никто не хочет. Мы все равно хотим знать свой язык, хотим, чтобы наши дети знали наш язык, хотим, чтобы эта культура все равно сохранялась. Это не означает, что мы там как-то хотим отделиться. Ни в коем разе. И это не означает, что мы как-то хуже относимся к представителям других национальностей, нет. Просто мы не хотим потеряться, мы не хотим. Мы же все равно не сможем стать совсем абсолютно русскими, скажем так. Мы все равно будем тогда ни рыба ни мясо, понимаете (ПМА, 2022, 1: 10).

Чрезмерная унификация системы образования государством также является проблемой. Имеющиеся в правовом поле возможности для реализации языковых прав внутренне противоречивы, а обстоятельства, в том числе связанные с положением дел на рынке труда и прагматическими мотивами родителей, часто оказываются более значимыми:

Естественно, школа заинтересована в том, чтобы дети сдавали экзамен на высокие баллы, и потому администрация вынуждает переходить учителей начального класса на русский язык обучения. Соответственно, в последние 5–6 лет наблюдаем очень сильный переход классов на русский язык уже с первого класса (ПМА, 2022, 1: 5).

Если раньше была очень потребность со стороны родителей, сейчас пошел откат в другую сторону. Видите, уменьшается количество детей, которые сдают родной язык; потому что они поступают в свой вуз, и думали, что будут учителями якутского языка, а они безработные, потому что поменялся госстандарт, количество часов уменьшилось, соответственно, пошел отток (ПМА, 2022, 1: 9).

Звонят родители и говорят – после начальной школы пять классов с якутским языком обучения открывают с 5 класса и только один с русским, а мы хотим с русским. – То есть родители уже понимают, они

говорят – мы хотим с русским языком, а администрация нам говорит – нет (ПМА, 2022, 1: 9).

Да, но сейчас уже мы видим, что все школы переходят на русский язык в начальной школе, хотя это не запрещено (обучение на этнических языках – прим. авт.), но просто потому, что ВПР на русском языке, директор требует от учителя, чтобы он начал на русском языке обучать (ПМА, 2022, 1: 9).

В обсуждении того, как решать сложившиеся проблемы, что делать, *отчетливо выделяются две основные позиции – «все зависит от нас» и «ничего не зависит от нас, все это внешнее давление и обстоятельства»*. Безусловно, у каждого найдутся примеры и поддержания знания языка в семье, и потери языка. Такое отношение, как правило, зависит от личностной активистской позиции, но значимы и макротенденции:

У меня брат, например, родной живет близ Москвы, у них дети по-якутски говорят свободно. По-русски свободно и по-якутски свободно. Книжки там, ютуб якутский смотрят. Какой-то там у них, курсы... в неделю один раз ходят там, собираются якутоязычные дети в постпредстве. Там какие-то у них игры идут. Показывают там всякое, про культуру рассказывают. Если в Москве есть условия, то тут-то! У тебя и садики есть, и школы есть, и все вот эти, куда ты ходишь. На олонхосути сходи, на того сходи, все есть – а дети не говорят. То есть это проблемы, на самом деле, не государства, это проблемы родителей. Но надо же кого-то обвинить! Да! Надо обвинить государство, что имперские, вот эти амбиции, что это все. Это специально все делается (ПМА, 2022, 1: 11).

Есть якутский юридический язык, он очень сложный. Но если мы не будем поддерживать его, то мы его потеряем. А у нас сейчас идет, наоборот, насилие... применение русского языка в законодательстве. То есть, если раньше можно было выбрать язык и вести судебное производство либо на якутском, либо на русском или составить материал проверки преступления на якутском, либо на русском, то сейчас идет насильное русскоязычество. То есть, все государственные органы ведут все на русском. Это тоже немножечко... Мы все равно национальная республика, если половина народа говорит на якутском, то должна быть возможность защищать свои права на своем родном языке (ПМА, 2022, 1: 6).

Языковая тема обсуждается не только в контексте школьного образования, но и, учитывая непрерывность и открытость образования в современном постиндустриальном мире, она рассматривается и в ракурсе доступности изучения языка для взрослых. Поддержание преемственности языковой среды осложняется зачастую тем, что родители, даже будучи мотивированными приобщить детей к якутскому языку, сами не владеют им на недостаточном уровне

либо не владеют навыками, в итоге поддерживать языковую среду дома не могут:

Мне кажется, что нужно ввести какие-то курсы уже для более такого осознанного населения. В плане вот молодых родителей, которые не знают, как обучить своего ребенка родному языку. Вот лично я, да, я хочу, чтобы мой ребенок владел несколькими языками: родной, русский и там иностранный любой. Но я не знаю, как своего ребенка обучить якутскому языку, и знаю то, что мой партнер тоже. Мы якутский язык знаем, но не знаем, как правильно всему этому обучить. Мы там базовый... базовыми словами там не воспитать полноценного якута. Поэтому для того, чтобы, ну, начать, я бы хотела, чтоб..., ну, школа понятно, они уже есть, но они нас не примут (ПМА, 2022, 2: 2).

Я думаю, нужны курсы какие-нибудь, именно чтобы население, ребята, которые плохо знают якутский, хотя бы знали, как начать заново его восполнять, не знаю, и могли это дальше... (ПМА, 2022, 1: 9).

Сетующие на отсутствие возможностей изучения языка / повышения языковой квалификации часто не располагают информацией о том, какие из них уже есть (языковые курсы при университете, например). Такую позицию не назовешь пассивной, однако только небольшой круг активистов действует инициативно и на личностном, и на групповом уровне, поскольку для них языковая проблема всегда в фокусе внимания. Люди, не вовлеченные в такие круги, как правило, останавливаются на высказывании сожалений, однако ощущение ущемленности у них вполне может присутствовать. Сама по себе языковая тема вряд ли окажется причиной осложнения межэтнического взаимодействия в республике, но может вызывать недовольство части якутского сообщества, рост ощущения ущемлений по этническому признаку, снижение чувства социального благополучия:

Если бы, например, у нас была возможность строительства по одной национальной школе в округе на 700–800 мест, в Октябрьском там, например, а у нас, по сути, таких школ две или три. А запрос есть. Это все вряд ли будет иметь какие-то последствия, но волну недовольства вызовет (ПМА, 2022, 1: 5).

В прошлом году на федеральном уровне опубликовали проект новых учебных стандартов, и боюсь, что с этого года часы и якутского языка, и литературы будут сокращены, что в корне неправильно... Это сыграет очень негативную роль в том числе в восприятии руководства народом. Конечно, это не является непосредственно прямой причиной. – Вот не открыли якутский класс, и человек взял вилы и пошел кого-то убивать. – Нет, но все равно такие вещи накапливаются, какая-то обида подспудно копится, и когда-нибудь она, не в массовом, может быть, проявлении, хотя это тоже не исключено, но все равно, когда-нибудь эта пружина разжимается. Если человек себя ощущает менее счастливым, да, это ощущение в его жизни обязательно играет нега-

тивную роль. Может быть это произойдет в отношении других людей, в отношении себя, какие-то суицидальные вещи, или, может, это будет неосознаваемое какое-то подавление, которое закроет перед ним какие-то двери в будущем, а это и для него плохо, и для общества (ПМА, 2022, 1: 6).

Хотя языковая проблематика, как правило, обсуждается в ключе необходимости сохранения языка саха и ущерба ему от складывающейся ситуации, эксперты по-прежнему говорят и о другой проблеме – *проблеме недостаточного знания русского языка* зачастую людьми из сел, о которой говорят специалисты с прикладной точки зрения:

В районах все говорят только по-якутски, все на уроках говорят по-якутски. Ну и что, что учебники на русском языке, они все равно говорят по-якутски. ... Дети, которые к нам приезжают с районов, у них проблемы и с русским языком, и иностранные им тяжело. По русскому языку те учителя, которые есть, они однозначно все говорят, что во многом качество снижается, потому что человек не понимает. Вот если то же самое по английскому тест, математику или физику, ты не понимаешь суть задания, все равно процент понимания у наших детей – он меньше, а экзамены одинаковые для всех, они не учитывают уровень владения русским языком в национальных республиках (ПМА, 2022, 1: 10).

Говорят (по-русски – прим. авт.), но не все. К сожалению, до сих пор есть. Недавно тоже приезжал один мой знакомый. Вообще... я вот себя считаю, не очень хорошо говорю, да, по-русски, а они – вообще тушите свет. Им (таким людям – прим. авт.) не очень легко, какой-то комплекс зарождается в этом, и они уже начинают ненавидеть вот это вот, русский язык, не знаю, может русских, из-за этого, возможно, у них вот это национализм какой-то возникает. У людей, которые не очень хорошо говорят на русском (ПМА, 2022, 1: 2).

Я как работодатель могу сказать, что в 15-ом году у нас форум был выпускников федеральных вузов, и тех ребят, кто уехал отсюда. И они, наоборот, говорят, что эта тема – преподавание предметов профильных на якутском языке – приводит к тому, что ребята сбиваются в группы своих соратников и своих соплеменников, якутских ребят, в других городах вместо того, чтобы коммуницировать, заводить связи с другими ребятами, кто говорит на русском языке. И потом это республику развивает, потому что коммуникация помогает, связи растущие, а не только прям учеба как таковая. Они эту проблему описывали, не знаю, насколько старшее поколение поняло это (ПМА, 2022, 1: 12).

* * *

Итак, проанализированные данные показывают, что реальная языковая ситуация в Саха (Якутии) далеко не столь плачевна, как это может представляться в этноактивистских дискурсах. Использование языка в домашнем общении и школьном образовании, поддержка якутского языка на уровне республики, большая доля сельского населения среди саха – существенные факторы сохранения и развития языка. В значительной мере его сохранность и значимость в этнической идентичности поддерживаются инерцией влияния периода суверенизации, однако для самого молодого поколения эти ценности и символы уже не имеют прежнего значения, как это было в 1990-е годы, они неизбежно трансформируются. Отметим существенные моменты: языковое поведение в городской среде, несмотря на указанные факторы сохранности языка саха, постепенно меняется, что подтверждается данными исследований. В то же время именно в городской среде развивается новый феномен – языковой активизм, построенный на высокой символической значимости языка в этнической идентичности, культивирующий эту значимость в своих дискурсах и зачастую связывающий проблематику языка с более широкими темами исторических событий и социальных неравенств. Учитывая легкость и скорость распространения информации в текущем технологическом контексте, сензитивность темы этнических чувств и внешнее давление в этой сфере, важно на управленческом, образовательном, медийном уровнях поддерживать ценности общероссийской гражданской идентичности.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ПМА, 2022, 1 – Полевые материалы автора. Экспертные интервью в г. Якутске, 2022 г. (1 – муж., эксперт из медиасферы; 2 – муж., бизнесмен; 3 – муж., IT-специалист; 4 – муж., журналист; 5 – муж., языковой активист; 6 – муж., юрист; 7 – жен., культуролог; 8 – жен., работник дошкольной организации; 9 – жен., директор школы; 10 – жен., художница; 11 – муж., общественник; 12 – муж., бизнесмен).

ПМА, 2022, 2 – Полевые материалы автора. Фокус-группы в г. Якутске, 2022 г. (1 – жен., участница ФГ–1; 2 – жен., участница ФГ–1).

ЛИТЕРАТУРА

Валеева А.Ф. Влияние урбанизации на языковое поведение жителей полиэтничного региона // Социологические исследования. 2002. № 8. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-08/Valeyeva.pdf> (дата обращения: 16.03.2024).

Ефимов В.С., Лантева А.В., Михайлова Е.И. Влияние урбанизации на процессы сохранения культуры и языка народа саха: социологический анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Том 43. № 4. С. 127–134.

Иванова Н.И. Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты / отв. ред. П.А. Слепцов. М.: ООО «Языки Народов Мира», 2017.

Шабыков В.И., Соловьев Е.В. Влияние урбанизации на динамику языкового поведения нерусских этносов Республики Марий Эл // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. М.: РУТ (МИИТ), 2019. Вып. № 4 (75). С. 42–51.

Шахбанова М.М. Языковое сознание городского населения Дагестана // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 269–275. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-269-275>

REFERENCES

Efimov V.S., Lapteva A.V., Mikhaylova E.I. (2015) The influence of urbanisation on the processes of preserving the culture and language of the Sakha people: a sociological analysis. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Vol. 43. No. 4: 127–134. (In Russ.)

Ivanova N.I. (2017) *Sociolinguistic aspects of the functioning of the Yakut language in Yakutsk: figures and facts*. P.A. Sleptsov (ed.). Moscow: Languages of the Peoples of the World Publ. (In Russ.)

Shakhbanova M.M. (2022) Linguistic consciousness of the urban population of Dagestan. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes]. No. 1: 269–275. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-269-275> (In Russ.)

Shabykov V.I., Solovyov E.V. (2019) The influence of urbanisation on the dynamics of linguistic behavior of Russian ethnic groups of the Republic of Mari El. *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kul'tura: nauchnyy i sotsiokul'turnyy zhurnal* [Search: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture: a scientific and sociocultural journal]. Issue No. 4 (75): 42–51. (In Russ.)

Valeeva A.F. (2002) The influence of urbanisation on the linguistic behavior of residents of a multiethnic region. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 8. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-08/Valeyeva.pdf> (accessed: 16.03.2024). (In Russ.)

Сведения об авторе: Арутюнова Екатерина Михайловна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9002-1491>; e-mail: 981504@mail.ru

About the author: Ekaterina M. Arutyunova, Cand. Sc. (Sociology), Leading Research Fellow at the Center for the Study of Inter-Ethnic Relations, Institute Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, bld. 5 Krzhizhanovskiy St., 117218, Moscow, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9002-1491>; e-mail: 981504@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 18.01.2024

Доработана после рецензирования / Revised 21.03.2024

Принята к публикации / Accepted 15.05.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.474-488>

Этнические аспекты идентификации и языковая ситуация в нестоличных городах Татарстана

Г.И. Макарова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
makarova_guzel@mail.ru*

Резюме. Статья посвящена не теряющей актуальности в регионе теме – социального функционирования татарского языка – и этническим аспектам городской идентичности. На материалах массовых социологических опросов, проведенных в Набережных Челнах, Нижнекамске, Альметьевске, Зеленодольске, рассмотрено его использование в процессе коммуникации в общественных пространствах нестоличных промышленных городов Татарстана. Анализируется видение и оценки проживающими в них татарами и русскими ситуации, складывающейся с применением данного языка в административных, лечебно-профилактических, образовательных учреждениях поселений, в общественном транспорте, на улицах и торговых площадках, во время культ-массовых мероприятий. Делается вывод о схожести мнений представителей выделенных этнических групп относительно важности его присутствия в социокультурном пространстве города, что является результатом многолетней языковой политики республики. В то же время обнаружены расхождения в оценках ими частоты звучания татарского языка в разных средах. И это обусловлено, в том числе, отличиями в его восприятии татарами и русскими.

Обнаружены и некоторые различия в степени использования татарского языка между исследуемыми городами. Это связано с их этническим составом и, в некоторой мере, местоположением. В целом он звучит в нестоличных промышленных городах республики несколько чаще, чем в Казани, за исключением ее города-спутника – Зеленодольска.

Проведенное исследование показало достаточно высокую степень значимости локальной и сохраняющуюся актуальность этнической идентичностей для жителей изучаемых городов. При этом среди факторов формирования позитивного к ним отношения этнокультурный (вариант ответа «здесь есть возможность жить среди представителей моей национальности и общаться на моем родном языке») оказался важным для чуть более или менее десятой части горожан-татар.

Ключевые слова: язык, татарский язык, городские пространства, городская идентичность, языковая ситуация, нестоличный город, Татарстан.

Для цитирования: Макарова Г.И. Этнические аспекты идентификации и языковая ситуация в нестоличных городах Татарстана. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №3. С. 474–488. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.474-488>

Ethnic aspects of identification and linguistic situation in non-capital cities of Tatarstan

G.I. Makarova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

makarova_guzel@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the topic of the social functioning of the Tatar language – a topic that is not losing relevance in the region – and the ethnic aspects of urban identity. Its use in the communication process in public spaces of non-capital industrial cities of Tatarstan has been examined, based on the materials of mass-scale sociological surveys conducted in Naberezhnye Chelny, Nizhnekamsk, Almetyevsk, and Zelenodolsk. The paper analyses the vision and assessments of the Tatars and Russians, who live in the given cities, regarding the situation developing with the use of the language in administrative, medical, preventive, and educational institutions of settlements, in public transport, on the streets and shopping areas, and at mass cultural events. A conclusion is drawn about the similarity of views of representatives of the identified ethnic groups concerning the importance of its presence in the socio-cultural space of the city, which is the result of the long-term language policy of the republic. On the other hand, discrepancies were discovered in their assessments of the frequency of the Tatar language use in different environments. Among other things, this is due to the differences in its perception by Tatars and Russians.

Certain differences in the degree of the Tatar language use between the cities of interest have been noted. It is related to the ethnic composition and, to some extent, the location of the cities. Generally, the language can be heard in the non-capital industrial cities of the republic somewhat more often than in Kazan, with the exception of its satellite city, Zelenodolsk.

The conducted study showed a reasonably high degree of the significance of local identity and the continuing relevance of ethnic identity for residents of the cities in question. At the same time, among the factors in the formation of a positive attitude towards the cities, the ethno-cultural factor (the answer option “there is an opportunity to live among representatives of my nationality and communicate in my native language here”) turned out to be important for a little more or less than a tenth of Tatar townspeople.

Keywords: language, Tatar language, urban spaces, urban identity, linguistic situation, non-capital city, Tatarstan.

For citation: Makarova G.I. (2024) Ethnic aspects of identification and linguistic situation in non-capital cities of Tatarstan. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 3: 474–488. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.474-488> (In Russ.)

Этнические аспекты городской проблематики не только не теряют в России своей значимости, но и приобретают в последние годы особую актуальность. Основы для изучения проявлений этничности в городах были заложены в отечественной социальной науке в трудах Ю.В. Арутюняна (Арутюнян 2007), Л.М. Дробижевой (Дробижева, 2013), О.И. Шкаратана (Шкаратан и др., 1986), Г.В. Старовойтовой (Старовойтова 1987), позже развиты в исследованиях В.М. Воронкова, З.В. Сикевич, Р.Р. Галлямова (Галлямов, 1996) и др. Сегодня

авторы концентрируют внимание на рассмотрении межэтнических, межконфессиональных отношений и этнонациональных установок горожан (Р.Н. Мусина, Н.Г. Хайруллина, Е.Ю. Щеголькова и др.), на проблемах анклавизации (возникновения этнических кварталов) и этнокультурной адаптации мигрантов (В.И. Мукомель, Н.С. Мухаметшина, Е.А. Варшавер и др.), вопросах специфики проявления в них этноязыковой идентичности (И.А. Данилов и В.Б. Игнатъева и др.), функционирования этнических языков и динамики языкового поведения (Е.М. Арутюнова, Н.И. Иванова, Ф.Г. Сафин, М.М. Шахбанова и др.), на этнокультурных аспектах городской среды (О.А. Богатова, Г.И. Макарова и др.) и языкового ландшафта (Габдрахманова и др., 2015), брендинга городов (В.К. Малькова и В.А. Тишков и др.). В связи с этим артикулируется важность специального обращения к городу как к особому объекту государственной национальной политики, управления культурным разнообразием (О.И. Вендина и Э.А. Паин, Ю.В. Попков и др.). Этноязыковые процессы в городских поселениях Татарстана становились предметом анализа в работах А.Ф. Валеевой (Валеева 2002), Я.З. Гарипова, коллектива отдела этнологических исследователей Института истории АН РТ (Государственные языки..., 2016 и др.), З.А. Исхаковой, Л.М. Мухарямовой и др.

В данной статье исследовательский фокус сосредоточен на языковой ситуации в нестоличных промышленных городах Республики Татарстан (РТ) – а именно на применении в ходе коммуникации в их общественных пространствах татарского языка – и этнических аспектах локальной идентичности.

Материалы и методы

Новизна исследования, проведенного в 2021 г. под руководством Г.Ф. Габдрахмановой с участием автора и ряда других исследователей¹, заключалась в том, что языковые процессы впервые изучались в его ходе не в целом по республике, а в разрезе конкретных поселений – городских и сельских. Массовый социологический опрос населения (18 лет и старше) осуществлялся по телефону; номера его участников были взяты из источников Россвязи, где в открытом доступе имеется информация как по стационарным абонентам, так и сотовым. При этом обзванивались отобранные случайным образом респонденты. Полученные данные репрезентативны, выборочная совокупность в целом отражает социально-демографические пропорции населения избранных в качестве объектов изучения населенных пунктов по возрасту, полу, национальному составу.

Представленная вниманию читателя работа опирается на те результаты исследования, что были получены в четырех промышленных городах Татарстана. Это:

---

¹ В рамках реализации Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2023–2030 годы».

Набережные Челны (n=400) – приобретшие статус города в 1930 г. и активно разросшиеся в 1970–1980-е гг. в связи с возведением КамАЗа. Сегодня это крупнейший город² (545750 чел.³) в 205 км от Казани⁴;

Нижнекамск (n=400) – выстроенный вокруг нефтехимического комбината новый город (с 1966 г.), расположенный в 170 км от центрального поселения региона. В настоящий период – большой город (241106 чел.)⁵;

Альметьевск (n=300) – оформившийся как городское поселение на месте татарского села в 1953 г. в связи с развитием нефтедобычи. На сегодняшний день это также большой город (164145 чел.) в 224 км от столицы республики⁶;

Зеленодольск (n=300) – возникший на месте рабочего поселка, приближающийся по численности к большому (99078 чел.) город (с 1932 г.). Расположен в пределах Казанской агломерации, в 34 км от Казани⁷.

Для сравнения здесь будут также приведены отдельные данные опроса, проведенного по тому же проекту в столичном городе республики (n=400) – Казани (1314685 чел.).

Цель статьи – раскрыть видение и оценку использования татарского языка в пространствах нестоличных промышленных городов Татарстана проживающими в них татарами и русскими, определить место этноязыкового фактора в формировании городской идентичности.

Этнокультурная составляющая отношения к городу и идентификация с ним

Опрос показал сохраняющуюся значимость для жителей исследуемых городов этнической идентичности (особенно для татар), как и важность локальной (по некоторым городам чуть больше для татар, чем для русских). Попробуем далее разобраться, есть ли между ними какая-либо связь.

---

² Согласно классификации Г.М. Лаппо (Лаппо, 1997: 43).

³ Здесь и далее численность населения по городам дана по: Статистический бюллетень «Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан» на начало 2023 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/naselenie> (дата обращения: 16.01.2024).

⁴ Согласно результатам Всероссийской переписи населения-2020 татары составляют в Набережных Челнах – 48,8%, русские – 46,2% (процентное соотношение высчитывалось автором от указавших свою национальную принадлежность). Здесь и далее данные о национальном составе городов и муниципальных районов РТ даны по: Всероссийская перепись населения-2020. Таблица 3. Национальный состав населения по городским округам и муниципальным районам Республики Татарстан // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения: 16.01.2024).

⁵ По Нижнекамскому муниципальному району татар (согласно данным переписи 2020 г.) – 52,3%, русских – 42,6%.

⁶ В национальном составе Альметьевского района татар – 56,6%, русских – 36,2%.

⁷ В Зеленодольском муниципальном районе, по результатам последней переписи, татар – 40,8%, русских – 56,3%.

Не останавливаясь здесь подробно на этих вопросах, приведем ниже две таблицы. В первой – представлены данные, касающиеся *субъективной значимости для респондентов этнической идентичности*. Из предлагаемых суждений выбрали «Я никогда не забываю о том, что я татарин/русский, представитель своего народа» по разным городам от трех четвертых до четырех пятых татар и примерно половина русских (табл. 1).

Отметим также, что из следовавшей в опросе далее пары высказываний – о мнении/убеждении относительно того, каким должно быть отношение к своей этнической группе – выделили вариант «современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы» от трех пятых до трех четвертых татар и от двух пятых до половины русских (в Набережных Челнах – 62,8% татар и 44,3% русских; в Нижнекамске – 71,6% татар и 44% русских; в Альметьевске – 66,1% татар и 43,9% русских; в Зеленодольске – 75,8% татар и 51,4% русских). При этом из компонентов этнической идентичности наиболее важным оставался на период проведения исследования язык, особенно для татар: среди них от 53% до 62% по разным городам отметили его при ответе на вопрос «Что из перечисленного больше всего объединяет Вас с людьми Вашей национальности?», среди русских – от 48% до 52%.

Таблица 1

Отношение к своей этнической идентичности, %

Варианты ответов	Наб. Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	Тат.	Рус.	Тат.	Рус.	Тат.	Рус.	Тат.	Рус.
Я редко задумываюсь о том, кто я по национальности	23,5	51,4	20,9	46,3	26,1	46,5	17,5	43,9
Я никогда не забываю о том, что я татарин (русский), представитель своего народа	76,5	48,1	78,1	51,4	73,3	48,2	82,5	52,6
Затрудняюсь ответить	0	0,5	1	2,3	0,6	5,3	0	3,5

Результаты, представленные во второй таблице, показывают *степень самоотождествления респондентами себя с теми, кто проживает в том же городе*. Ответ «в значительной степени» здесь отметили по разным поселениям от двух пятых до половины опрошенных⁸: несколько больше эта идентичность оказалась свойственной жителям Челнов, а также Альметьевска, меньше – зеленодольцам и нижнекамцам. Причем при сравнении данных по татарам и русским мы видим, что они разнятся, но не столь очевидно. – Вариант, указывающий на высокий уровень самоидентификации, выделили чуть больше татар,

⁸ Вместе с теми, кто ощущает единство с ними в некоторой мере, они составляют абсолютное большинство участников исследования (от четырех пятых до девяти десятых и татар, и русских по разным городам).

чем русских: в Набережных Челнах – на 7,6%, в Альметьевске – на 4,3%, по Нижнекамску и Зеленодольску различие в ответах не является статистически значимым (табл. 2).

Таблица 2

Значимость идентичности с жителями города, %

Распределение ответов на вопрос: «С одними людьми мы легко находим общий язык, понимаем их. Другие, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, то о ком Вы могли бы сказать: «Это – мы»? В какой степени Вы ощущаете близость ... с теми, кто живет в Вашем городе?»

Варианты ответов	Наб. Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	Тат.	Рус.	Тат.	Рус.	Тат.	Рус.	Тат.	Рус.
В значительной степени	52,5	44,9	41,3	38,9	47,3	43	42,5	41,6
В некоторой степени	35	44,3	36,8	43,4	43,6	43	44,2	42,8
Не ощущаю близости	9,8	8,6	16,9	14,9	4,8	10,5	10,8	10,4
Затрудняюсь ответить	2,7	2,2	5	2,9	4,2	3,5	2,5	5,2

На вопрос, касающийся *отношения к городу*, мы получили такие ответы (табл. 3).

Таблица 3

Отношение к проживанию в городе, %

Распределение ответов на вопрос: «Нравится ли Вам жить в том городе, в котором Вы проживаете?»

Варианты ответов	Наб. Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.
Да	69,4	67,6	69,2	57,1	62,4	62,3	79,2	72,3
Скорее да	19,7	20	15,9	25,1	26,7	26,3	15,8	12,1
Скорее нет	7,1	9,2	7	10,9	3,6	5,3	1,7	9,8
Нет	2,7	3,2	6,5	6,9	4,8	6,1	3,3	4,6
Затрудняюсь ответить	1,1	0	1,5	–	2,4	–	–	1,2

Как и в случае идентификации с жителями поселения, степень удовлетворенности жизнью в нем оказалась в некоторой мере выше у татар, чем у русских. В Нижнекамске на вопрос «Нравится ли Вам жить в том городе, в котором Вы проживаете?» ответили «да» на 12% больше татар, в Зеленодольске на 7%, в Челнах и Альметьевске данные практически не различаются.

Попытаемся понять обозначенную разницу, обратившись к ответам на следовавший далее вопрос «Если Вам нравится жить в городе, то почему?» (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос:
«Если Вам нравится жить в Вашем городе/селе, то почему?», %***

Варианты ответов	Наб. Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.
Здесь имеются большие возможности в выборе работы, профессии	14,1	9,9	11,1	12,5	6,8	4	1,8	0,7
Есть хорошо оплачиваемая работа	11	14,8	24,6	23,6	15,6	12,9	2,6	5,5
Есть возможность для получения качественного образования для меня и моих детей	9,8	8	7	4,2	8,8	6,9	6,1	3,4
Здесь низкая стоимость жилья	3,1	3,1	2,3	2,8	2	1	3,5	1,4
Я здесь родился и вырос, здесь живут мои родственники, друзья	50,3	52,5	39,2	56,9	54,4	62,4	52,6	55,5
Здесь хорошая экологическая ситуация, красивая природа	19	16,7	9,4	7,6	6,8	11,9	50	50,7
Здесь есть музеи, театры, выставочные залы	4,3	8	4,7	4,9	6,1	4	1,8	4,1
Здесь есть где провести время, заняться спортом, развлечься	9,8	12,3	15,2	17,4	15	22,8	11,4	11,6
Здесь налажена система здравоохранения	6,7	7,4	4,7	4,2	4,1	4	0,9	2,1
Здесь хорошо работает общественный транспорт, есть связь с другими городами и районами Татарстана, России и зарубежья	14,1	13	3,5	2,1	10,2	2	7,9	11
Здесь безопасно, низкий уровень преступности	11,7	6,8	12,9	8,3	18,4	15,8	4,4	9,6
Здесь спокойно, и нет суеты	20,2	32,7	28,7	27,1	34	32,7	40,4	38,4
Здесь есть возможности для участия в жизни города/села	0,6	4,3	5,3	4,2	4,8	7,9	4,4	2,1

Здесь имеется доступный интернет и хорошая мобильная связь	5,5	9,3	7,6	4,9	4,1	4	4,4	2,7
Здесь есть возможности жить среди представителей моей национальности и общаться на моем родном языке	11	4,3	14	3,5	12,2	2	7	5,5
Другое	14,7	14,8	14	11,1	12,9	12,9	7,9	9,6
Затрудняюсь ответить	1,2	1,9	1,8	1,4	–	1	1,8	–

* Было предложено отметить не более трех вариантов ответов.

Мы видим, что на первое место и у татар, и у русских во всех изучаемых поселениях вышел вариант ответа, связанный с самим фактом рождения респондентов в данном городе, проведения в нем детства, наличия родственников, друзей – его указали от двух до трех пятых опрошенных. Следующим по частоте выбора стал ответ *«здесь спокойно и нет суеты»*: в Зеленодольске его выделили две пятых всех респондентов, в Альметьевске – треть, в Нижнекамске – более одной четверти и в Набережных Челнах – треть русских и пятая доля татар. В Зеленодольске половиной всех опрошенных также назывался вариант *«здесь хорошая экологическая ситуация, красивая природа»*. Среди других положительных аспектов жизни в городе отмечались: наличие хорошо оплачиваемой работы (прежде всего в Нижнекамске – четвертью опрошенных, а также в Альметьевске и Набережных Челнах), условий для занятий спортом и проведения досуга (в первую очередь в Альметьевске и Нижнекамске), возможности выбора профессии, работы (в Челнах и Нижнекамске), безопасность, низкий уровень преступности (в Альметьевске) и др.

В контексте нашей темы следует, однако, отметить, что для несколько более или менее десятой части татар оказался важным этнокультурный аспект удовлетворенности проживанием в городе. Указали, что им нравится в нем, поскольку *«здесь есть возможность жить среди представителей своей национальности и общаться на своем родном языке»* 11% татар в Челнах, 14% – в Нижнекамске, 12,2% – в Альметьевске и 7% в Зеленодольске.

Тем самым, этнические аспекты отношения к городу значимы для некоторой доли татар. Однако они существенно уступают факторам, связанным с возможностями удовлетворения в нем ряда важных жизненных потребностей – находиться рядом и общаться с родственниками и друзьями, вести привычный образ жизни, иметь достойную работу, а также условия для проведения свободного времени.

Татарский язык в общественных пространствах городов

На видении и оценке языковой ситуации также сказывается этническая «принадлежность» респондентов. Так, с одной стороны, в определении важности присутствия татарского языка в социокультурном пространстве городов татары и русские проявили единодушие – от четырех пятых до девяти десятых респондентов (по разным поселениям) высказались за необходимость его использования в названиях улиц, магазинов, при озвучивании остановок и т.п. И в этом, несомненно, влияние проводившейся в республике на протяжении трех десятилетий этноязыковой политики (см. табл. 5).

С другой стороны, в видении реального места татарского языка в городской среде⁹ очевидна разница (табл. 6). Здесь татары были в целом более критичными, нежели русские. И если среди русских оценивали его присутствие как достаточное от 89% до 95% опрошенных, среди татар – от 67% до 72% – то есть, в целом на пятую долю респондентов меньше. Не удовлетворенными тем, в какой мере на территориях, используемых всеми горожанами, представлен данный язык, оказались от четверти до трети респондентов – татар. Особенно высок этот показатель (32,7%) в городе-спутнике Казани – Зеленодольске, где большинство горожан – русские. То есть, на оценке реального звучания данного языка в пространствах города явно сказывается отнесение участниками исследования себя к той или иной этнической группе.

Таблица 5

Мнение респондентов о необходимости присутствия татарского языка в общественном пространстве города, %

Варианты ответов	Наб. Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.
Да	88,5	83,2	92	85,7	91,5	79,8	94,2	82,7
Нет	10,4	12,4	5	12,6	6,1	14	4,2	15
Затрудняюсь ответить	1,1	4,3	3	1,7	2,4	6,1	1,7	2,3

Таблица 6

Оценка достаточности присутствия татарского языка в пространстве города, % среди ответивших

Варианты ответов	Наб. Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.
Да	71,6	92,2	68,6	92,7	69,5	94,5	67,3	88,8
Нет	25,3	7,8	27	4,7	27,8	2,2	32,7	5,6
Затрудняюсь ответить	3,1	–	4,3	2,7	2,6	3,3	–	5,6

⁹ Вопрос: «Достаточно ли, на Ваш взгляд, присутствие татарского языка в общественном пространстве вашего города (в названиях улиц, магазинов, аптек и т.п.)?»

Обозначенная зависимость проявилась и в субъективной оценке частоты звучания татарской речи в административных учреждениях города (табл. 7). Русские отмечали, что слышат ее здесь «постоянно», в целом чаще, чем татары. И в этом, по-видимому, сказываются различия в восприятии данного языка. Поскольку для одних он является родным, а для других – хотя и привычным, но нередко все же малопонятным языком народа-соседа, на который они, соответственно, больше обращают внимание. Указывали, что татарский язык используется часто в администрации города и в других государственных учреждениях от 23% до 30% татар и от 29% до 42% русских (табл. 7).

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос:
«Как часто Вы слышите татарскую речь в администрации города
и в других гос. учреждениях (РОНО, пенсионный фонд и т.д.)?», %**

Варианты ответов	Наб. Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.
Постоянно	30,1	42,2	27,9	37,7	29,1	42,1	23,3	28,9
Иногда	51,4	46,5	49,8	48	50,9	41,2	53,3	50,9
Не слышу совсем	14,8	5,4	14,9	8	12,7	8,8	19,2	10,4
Затрудняюсь ответить	3,8	5,9	7,5	6,3	7,3	7,9	4,2	9,8

При этом, как видно из приведенной таблицы (табл. 7), данные по Челнам, Нижнекамску и Альметьевску близки, а по Зеленодольску в целом ниже (на 5–7% у татар и на 9–13% у русских). И это объясняется тем, что Зеленодольск несколько отличается по своему этническому составу – процент проживающих в нем русских больше, нежели в других изучаемых поселениях. Поэтому, видимо, и татарский язык применяется в его общественных пространствах несколько реже. Причем приведенные результаты оказались ближе к столице республики – то есть здесь также сказывается его территориальная близость к Казани (там отметили, что он используется часто в административных учреждениях 24% татар и 34% русских).

Что касается звучания татарского языка в поликлиниках и больницах, указали, что слышат его постоянно от 23% до 31% татар и от 27% до 40% русских (табл. 8). То есть, цифры близки с результатами по его применению в администрациях городов.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы слышите татарскую речь в поликлиниках и больницах города?», %

Варианты ответов	Наб. Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.
Постоянно	31,1	39,5	22,9	39,4	28,5	36	26,7	26,6
Иногда	52,5	46,5	57,7	46,9	50,9	50	56,7	54,9
Не слышу совсем	13,1	10,3	16,4	10,9	13,3	7,9	15,8	12,1
Затрудняюсь ответить	3,3	3,8	3	2,9	7,3	6,1	0,8	6,4

В образовательных учреждениях, на первый взгляд, татарский язык используется ощутимо реже (см. табл. 9). Признались, что он звучит в школе, колледже, ВУЗе постоянно только от 15% до 20% татар и от 12% до 21% русских (то есть, по сравнению с охарактеризованными выше данными, таковых на 8–9% меньше среди татар и на 15–19% – среди русских). Однако обращает на себя внимание то, что по всем городам здесь оказался гораздо большим процент затруднившихся ответить (от пятой части до четверти и более респондентов). А при анализе перекрестных зависимостей определилось, что таковых ощутимо больше в возрастной группе старше 60 лет – то есть это респонденты, дети которых уже выросли, и они могут не знать реальную ситуацию в школах.

Было также замечено, что оценки частоты применения названного языка в учреждениях образования представителями двух этнических групп различаются меньше. Видимо это связано с тем, что часть детей-татар учится в школе на татарском языке либо получает связанную с ним специальность (татарская филология, журналистика и т.д.). Тем самым обозначенная выше разница, связанная с восприятием его звучания русскими и татарами, в данном случае «уравнивается» действием фактора обучения части татар в национальных классах, школах, гимназиях.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы слышите татарскую речь в школе, колледже, вузе?», %

Варианты ответов	Наб. Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.
Постоянно	20,2	21,1	14,9	19,4	17,6	14	18,3	11,6
Иногда	42,1	45,9	41,3	41,7	33,3	39,5	35	32,4
Не слышу совсем	19,1	16,2	22,9	18,3	18,2	20,2	25	25,4
Затрудняюсь ответить	18,6	16,8	20,9	20,6	30,9	26,3	21,7	30,6

Рассмотрим далее данные по использованию татарского языка в городских публичных пространствах. Отметим, что слышат его постоянно в общественном транспорте, примерно такая же доля опрошенных, что и в случае с государственными учреждениями (см. табл. 10) (при том, что здесь от 4% до 18% респондентов затруднились ответить – вероятно это те, кто перемещается по городу на личном автомобиле либо ходит пешком). Цифры по применению названного языка на улицах, в магазинах, торговых центрах чуть выше, чем во всех охарактеризованных ранее случаях (табл. 11). Наконец, в ответ на вопрос о звучании татарской речи на культурно-массовых мероприятиях (Сабантуй, День города и т.д.) мы зафиксировали наибольшую долю респондентов, отметивших, что они слышат ее там постоянно. Эта доля составила в разных городах Татарстана, включая его столицу, чуть более или менее трех пятых респондентов. И в этом, вероятно, сказывается региональная официальная политика, направленная на расширение социального функционирования татарского языка, репрезентацию этнокультурного многообразия и специфики республики. Кроме того, если брать проводимый в регионе повсеместно Сабантуй, на нем, как на национальном празднике татар, он естественно звучит чаще, чем обычно и чем на других городских мероприятиях (см. табл. 12).

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы слышите татарскую речь в общественном транспорте?», %

Варианты ответов	Наб. Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.
Постоянно	30,1	42,7	29,9	42,9	26,7	31,6	22,5	27,2
Иногда	48,6	45,4	54,7	44	47,9	53,5	62,5	59
Не слышу совсем	12	6,5	6	5,1	7,3	2,6	10,8	5,8
Затрудняюсь ответить	9,3	5,4	9,5	8	18,2	12,3	4,2	8,1

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы слышите татарскую речь на улицах, в магазинах, торговых центрах?», %

Варианты ответов	Наб. Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.
Постоянно	35	44,3	29,9	40,6	34,5	36,8	27,5	30,1
Иногда	51,9	49,7	58,2	52,6	56,4	57,9	66,7	62,4
Не слышу совсем	13,1	5,4	9,5	3,4	8,5	3,5	5,8	6,4
Затрудняюсь ответить	–	0,5	2,5	3,4	0,6	1,8	0	1,2

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы слышите татарскую речь на культурно-массовых мероприятиях (Сабантуй, День города и т.д.)?», %

Варианты ответов	Наб. Челны		Нижекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.	тат.	рус.
Постоянно	63,9	62,2	65,2	65,7	58,8	58,8	60,8	52,6
Иногда	32,8	28,1	26,4	25,1	33,9	34,2	35	39,3
Не слышу совсем	0,5	3,8	1	1,1	1,2	2,6	–	–
Затрудняюсь ответить	2,7	5,9	7,5	8	6,1	4,4	4,2	8,1

И в заключении анализа необходимо отметить, что по вопросам, касающимся языковой ситуации, были зафиксированы некоторые различия между городами. Они связаны с их этническим составом и, отчасти, местоположением. При этом в целом татарский язык звучит в пространствах изучаемых нестоличных промышленных поселений Татарстана, согласно данным опроса, несколько чаще, чем в Казани, за исключением ее города-спутника – Зеленодольска.

* * *

1) Исследование выявило сохраняющуюся высокую степень актуализации этнической идентичности жителей нестоличных промышленных городов Татарстана. При этом у татар она была на момент проведения опроса в среднем в полтора раза выше, чем у русских. Среди ее компонентов наиболее важным, особенно для татар, оставался язык.

2) Опрос также показал значимость локальной идентичности для их жителей. От двух пятых до половины опрошенных ощущают единство с теми, кто проживает в том же поселении, в значительной степени. Причем доля таковых в ряде из них чуть выше среди татар, чем среди русских. Для части татар оказался важным языково-культурный фактор самоидентификации с городом. – Среди обстоятельств, которые привлекают в нем, чуть более или менее десятой доли респондентов-татар отметили (помимо других вариантов ответа), что здесь есть возможность жить среди представителей своей национальности и общаться на своем родном языке.

3) Анкетирование подтвердило, что от четырех пятых до девяти десятых всех респондентов – как татар, так и русских – признают значимость представленности татарского языка в социокультурной среде города. И это – результат языково-культурной политики республики последних десятилетий. Однако при оценке реальной ситуации часть татар (от четверти до трети) посчитала недостаточным его использование. Различается и субъективное восприятие татарами и русскими частоты звучания татарской речи в конкретных городских общественных пространствах.

4) В ходе исследования было обнаружено, что в разных средах татарский язык присутствует в различной степени. Меньше, по наблюдениям респондентов, он применяется в процессе коммуникации в образовательных организациях городов, несколько больше – в поликлиниках и больницах, а также в городской администрации и в других государственных учреждениях. И чаще всего он звучит на улицах и торговых площадках, особенно на массовых культурно-досуговых мероприятиях. Опрос также показал различия в частоте употребления данного языка в пространствах четырех изучаемых городов.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнян Ю.В. Москвичи: этносоциологическое исследование / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Ком. межрегион. связей и нац. политики г. Москвы. М.: Наука, 2007.

Валеева А.Ф. Влияние урбанизации на языковое поведение жителей полиэтнического региона // Социологические исследования. 2002. № 8. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-08/Valeyeva.pdf> (дата обращения: 16.01.2024).

Габдрахманова Г.Ф., Махматов З.А., Сагдиева Э.А. Государственные языки Республики Татарстан в языковом ландшафте региона. Казань: Артифакт, 2015.

Галлямов Р.Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. Уфа: Гилем, 1996.

Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Сборник очерков / под ред. *Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, А.Р. Мухаметзяновой.* Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016.

Дробижеева Л.М. Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 3 (27). С. 73–83.

Лаппо Г.М. География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.

Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном советском городе: социологически очерки. Л.: Наука, 1987.

Шкаратан О.И., Сарно А.А., Пароль В.И. и др. Этносоциальные проблемы города / под ред. *О.И. Шкаратана;* АН СССР, Науч. совет по нац. пробл. при секции обществ. наук Президиума АН СССР и др. М.: Наука, 1986.

REFERENCES

Arutyunyan Yu.V. (2007) *Muscovites: ethnosociological study.* Russian Academy of Sciences, N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Committee for Interregional Relations and National Policy of Moscow. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

- Gabdrakhmanova G.F., Makhmutov Z.A., Sagdieva E.A. (2015) *State languages of the Republic of Tatarstan in the linguistic landscape of the region*. Kazan: Artifact Publ. (In Russ.)
- State languages of the Republic of Tatarstan: multiple dimensions. Collection of essays* (2016) G.F. Gabdrakhmanova, G.I. Makarova, A.R. Mukhametzyanova (eds.). Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
- Gallyamov R.R. (1996) *Multinational city: ethnosociological essays*. Ufa: Gilem Publ. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2013) Is ethnicity disappearing in the urban environment? Some answers to the mysteries of the big city. *Izvestiya vy'sshikh uchebny'kh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki*. [News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences] No. 3 (27): 73–83. (In Russ.)
- Lappo G.M. (1997) *Geography of cities: Textbook for geogr. university faculties*. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS Publ. (In Russ.)
- Shkaratan O.I., Sarno A.A., Parol V.I. et al. (1986) *Ethnosocial problems of the city* O.I. Shkaratan (ed.). USSR Academy of Sciences, Scientific National Council for National Problems at Social Sciences section, the USSR Academy of Sciences Social Sciences. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Starovoitova G.V. (1987) *Ethnic group in a modern Soviet city: sociological essays*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- Valeeva A.F. (2002) The influence of urbanisation on the linguistic behavior of residents of a multiethnic region. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-08/Valeyeva.pdf> (accessed 16.01.2024). (In Russ.)

Сведения об авторе: Макарова Гузель Ильясовна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>; e-mail: makarova_guzel@mail.ru

About the author: Guzel I. Makarova, Doctor Sc. (Sociology), Chief Research Fellow at the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>; e-mail: makarova_guzel@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 13.12.2023

Доработана после рецензирования / Revised 30.01.2024

Принята к публикации / Accepted 01.03.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.489-499>

История и современность, материальное и духовное, модерн и постмодерн: социально-философский анализ современной урбанистики на примере Казани

Г.Э. Шалагина

*Казанский национальный исследовательский
технологический университет
Казань, Российская Федерация
galanova@rambler.ru*

Резюме. В статье рассмотрен актуальный вопрос о стадийном (модерном, постмодерном, afterпостмодерном) статусе современного общества. Материалом для анализа выступили тенденции урбанистики Казани. Целью работы является анализ развития города в контексте дискуссии о модерном /постмодерном состоянии регионального социума. Дан обзор философских и социологических подходов к вопросу о модерне, постмодерне и afterпостмодерне. В качестве постмодерных направлений урбанистики выделены неклассическая музеефикация, мегалополизация, джентрификация, архитектура повторного использования и третьих мест, эстетизация городской среды, цифровизация. Экономика совместного потребления, внедрение в городскую действительность элементов умного города и умной нации возвращают общинный менталитет традиционного общества в условиях современного города, что коррелирует с теориями нового Средневековья. Креативная индустрия этнического туризма порождает феномен фейкlorизации (искажения аутентичного культурного наследия), в качестве противовеса которой рассмотрены эстетические стратегии археоавангарда (включения традиционных элементов в современную городскую среду). Анализ урбанистики города Казани показал значимость духовных, нематериальных аспектов, что характерно для постмодерного «общества впечатлений». Сделаны выводы об актуальности инновационистского материального базиса, который характеризует экономический уклад общества модерна. Тенденции постмодерна носят культурный характер, выражаются в брендинге и ребрендинге города, в формировании креативных индустрий, в интересе к вопросам нематериального культурного наследия и соответствующему концепту ЮНЕСКО. Археоавангардистская установка позволяет сохранять традиционные ценности в органичном сочетании с технологическим прогрессом в цифровом мире, а также способствует устойчивому развитию города и региона.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, креативная индустрия, этнотуризм, фейкlorизация, археоавангард, философия города.

Для цитирования: Шалагина Г.Э. История и современность, материальное и духовное, модерн и постмодерн: социально-философский анализ современной урбанистики на примере Казани. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №3. С. 489–499. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.489-499>

History and the present time, material and spiritual, modern and postmodern: socio-philosophical analysis of contemporary urbanism by the Kazan example

G.E. Shalagina

Kazan National Research Technological University

Kazan, Russian Federation

galanova@rambler.ru

Abstract. The article examines the issue of the staged status of contemporary society based on the materials of urban studies of Kazan. An overview of philosophical and sociological approaches to the issue of modernity, postmodernity and after-postmodernity is given. Non-classical museumification, megalopolisation, gentrification, architecture of reuse and third places, aestheticisation, digitalisation have been highlighted as postmodern trends in urbanism. The sharing economy, the introduction of elements of a smart city and a smart nation are returning the communal mentality of traditional society in the conditions of a contemporary city, which allows us to talk about theories of the new Middle Ages. The creative industry of ethnotourism gives rise to fakelORIZATION (misrepresentation of authentic cultural heritage), as a counterbalance to which the strategies of *archeoavant-garde* (including traditional elements into the contemporary urban environment) are discussed. An analysis of the urban planning of Kazan showed the importance of spiritual, intangible aspects, which are characteristic of the postmodern “society of impressions”. A conclusion has been made about the preservation of the innovationist material basis, which characterises the economic structure of modern society. Postmodern trends are of cultural nature and are expressed in the branding and rebranding of cities, in the formation of creative industries, in the interest towards the issues of intangible cultural heritage and the corresponding concept of UNESCO.

Keywords: modern, postmodern, creative industry, ethnotourism, fakelORISATION, *archeoavant-garde*, philosophy of the city.

For citation: Shalagina G.E. (2024) History and the present time, material and spiritual, modern and postmodern: socio-philosophical analysis of contemporary urbanism by the Kazan example. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 3: 489–499. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.489-499> (In Russ.)

В последние десятилетия в философском и социологическом дискурсе осмысливается вопрос о характере современного общества: общество ли это модерна или постмодерна, или даже *afterpostmoderna* и *метамодерна*. Дискуссионный характер стадийного статуса современных обществ, в частности российского социума, составляет *актуальность* настоящей статьи.

Теоретики модерна утверждают, что «модерн – незавершенный проект» (Хабермас, 1992), о постмодерне можно будет говорить, когда он станет всемирным явлением, а пока есть и страны третьего мира, и страны, где наблюдается «растекающийся, текущий модерн» (Бауман, 2008). Неомарксисты, такие как П.Андерсон, Ф.Джеймисон, Д. Харви, и вовсе критикуют теории постмодерна. Так, Ф.Джеймисон подчеркивает, что постмодерн всего лишь выражает

культурную логику периода позднего капитализма, на базисном уровне все осталось прежним (Джеймисон, 2019: 92).

Теоретики постмодерна, как сторонники постиндустриального общества (Д.Белл, Э.Тоффлер), так и не чуждые идеям неомарксизма теоретики человеческого капитала (Р.Флорида), отмечают наступление после 60-х годов XX в. принципиально нового общества с принципиально новым типом социально-классовых отношений, будь то постиндустриальный информационный уклад (Тоффлер, 2004) или теория креативного класса и креативных индустрий (Флорида, 2011). «Классическими» теоретиками постмодерна признаны французские постмодернисты: Ж.Бодрийяр, М.Фуко, Ж.Деррида. Однако логика приравнивания потребления производству у Ж.Бодрийяра (Бодрийяр, 2003) и М.Фуко (Фуко, 2010: 285), а также интерпретация философии постмодернизма как отражения нового, становящегося информационно-цифровым, материального уклада (Кутырев, 2012), опять же ставят разговор о принципиальной общественно-стадиальной новизне постмодерна под вопрос. Afterпостмодерн или метамодерн – это скорее гипотезы вопрошания о том, каким будет общество после постмодерна. Высказываются разные версии, вплоть до концепций нового цифрового Средневековья, технофеодализма, а также археоавангарда (Кутырев, 2012). Свою долю в дискуссии о происходящем общественном развитии внесли авторы, анализирующие социальные реалии России (Ионин, 2004; Наумова, 1999).

Попытаться ответить на поставленные вопросы относительно стадиального характера современной действительности можно, рассматривая эмпирический материал развития городов, в частности нашего города, Казани, который находится на пересечении Запада и Востока, истории и современности, модерна и постмодерна. Цель настоящей работы состоит в последовательном рассмотрении соотношения истории и современности города, а далее в концептуализации увиденного в терминах общественного статуса модерна и/или постмодерна, для которого нематериальное так же значимо, если не больше, чем материальное.

Казань в 2005 г. отметила Тысячелетие. Проведены XXVII Всемирная летняя Универсиада (06 – 17 июля 2013 г.), Чемпионат мира по водным видам спорта (24 июля – 09 августа 2015 г.), Мировой чемпионат по профессиональному мастерству «Worldskills Kazan 2019» (22 – 27 августа 2019 г.), другие мероприятия. Подготовка к «городским зрелищам» активизировала работу по брендингу города как в рамках специальных проектов, так и в иных, более спонтанных урбанистических активностях. В результате этого произошли изменения, свидетельствующие в пользу постмодернистской организации социокультурной городской жизни и эстетики. Это и *музеефикация*, как классическая, так и неклассическая, направленная на формирование эйдоса города; и *мегалополизация* (термин Ж.Готтмана), связанная с развитием агломераций и пригородов; и *джентрификация* в результате «Программы ликвидации ветхого жилья» 1995 г.; и тренд на *архитектуру повторного использования* с созданием *третьих мест*; и *эстетизация* городской среды (Шалагина, 2016). Развитие ту-

ризма, в том числе этнического, активизировало тенденции *совместного потребления*, что в свою очередь приводит к *возвращению форм социальности*, характерных для *традиционного общества* и способствует принципиально новому пониманию этнотуризма. *Цифровизация* городской среды, в сочетании с трансформацией понятия приватности в постмодерном мире, сказалась на внедрении элементов *умного города* и *умной нации* в городскую действительность. Перечисленные тренды говорят о намерении задействовать постиндустриальный потенциал развития Казани. Главным интересантом здесь выступает туристическая отрасль, которая по определенным параметрам, рассмотренным ниже, вполне может претендовать на статус креативной индустрии.

Влиятельный экономический агент постиндустриальных изменений городской среды в регионах с яркой этнической спецификой – растущая креативная индустрия этнотуризма. Этнический туризм сегодня предлагает не только погружение в глубокую старину, этнографическую обрядовость в ответ на желание туриста почувствовать аутентичность прошлого, но и самые различные формы туристической активности, удовлетворяя стремление познать региональные, локальные аспекты культуры современных этносоциальных групп¹. Сказанное особенно актуально в случае городской действительности, ведь доля городов и преобладание городского уклада жизни сегодня беспрецедентно возросли. Мейнстрим этнического туризма ориентирован на использование традиционного этнографического материала, на знакомство с опытом прошлого, на временную рураризацию опыта, в то время как мультикультурная городская повседневность сегодня уже является в большей степени надэтнической. В этой ситуации видятся и риски, и определенные точки роста, связанные с использованием традиционного фольклора. Сегодня не редкость – явление, которое мы назвали «*фейкlorизация*», то есть сознательное (из-за прибыли) либо спонтанное (в силу дилетантизма) искажение аутентичного культурно-исторического наследия в условиях либерализации экономических условий ведения бизнеса в креативных индустриях, в частности в этнотуризме (Шалагина, 2019: 69 – 70). Искажение культурно-исторического наследия в настоящее время – достаточно массовая и распространенная практика, и можно говорить не просто о фейкlore, но о фейкlorизации в приведенном выше значении, что связано не столько с дилетантизмом, сколько с бизнес-процессами.

Росту креативной индустрии этнотуризма помогают народные ремесла, дизайн, ювелирное, кондитерское и поварское дело, хлебопечение, ресторанный сервис, технологии моды и другие новые точки роста постиндустриальной экономики, которые были представлены на Мировом чемпионате по профессиональному мастерству «Worldskills Kazan 2019» (22–27 августа 2019 г.)². Эти

---

¹ В случае татар-мишарей из разных уголков света это ярко видно на примере международных проектов «Сэлэт». См.: Сэлэт. Достижения. URL: <https://selet.biz/about/achievements/> (дата обращения: 10.03.2024).

² Worldskills Kazan 2019 (заархивированный портал). URL: <https://worldskills2019.com/ru/index.html> (дата обращения 10.03.2024).

промыслы фактически служат духовному производству, ведь в итоге создается ментальный продукт экономики для общества впечатлений.

В основе создания, управления и обмена впечатлениями в обществе постмодерна лежат не только рекреационные задачи. Впечатления формируют моральный статус участника общественного производства и качество нематериальных продуктов его труда в условиях постиндустриальной, информационной экономики. Необходимость привести человека в счастливое, «ресурсное» состояние, как бы это цинично не звучало, обусловило возникновение «индустрии счастья» в наши дни, а также социально-философский интерес к теме смысла жизни, счастья, досуга (Лэйард, 2012).

Духовное креативное производство – сегодня это значимый сегмент занятости (Шалагина, 2019: 71), в котором нематериальному «уставному капиталу» принадлежит приоритет. Самозанятость предполагает упрощение экономического вхождения в креативную индустрию, о преимуществе которой писал Р. Флорида: оно состоит в приватном характере средств производства, когда человеку «на правах собственности» безусловно принадлежат его сознание, культура, морально-психологический капитал (Флорида, 2011: 52). В РФ малое предпринимательство и самозанятость – это вынужденная стратегия тех, кто не включен в структуры по преимуществу бюджетного salariата и составляет прекариат или «Систему Д» (от фр. *se débrouiller*) – «выпутаться, справиться, выйти из затруднения без посторонней помощи».

Развитию этнического туризма содействуют сегодня цифровые инфокоммуникационные технологии. Совместное потребление, проявленное в туризме посредством концепции прогулки с местным жителем, который, не являясь профессиональным краеведом, тем не менее покажет «свой собственный город», движение Couchsurfing³, позволяющее путешественнику окунуться в атмосферу жизни местных, появление многочисленных «народных экскурсоводов», предлагающих «организовать впечатление» на Arbnb – техническая легкость осуществления этих проектов сдерживается только законодательным регулированием⁴. Получается интеграция современного и традиционного, наблюдается просьюмеризм и варваризация туризма. Возможны пешие и другие экскурсии-прогулки по известным гиду уникальным и любимым им местам по стандарту качества Airbnb. Это, во-первых, экспертность, которая понимается в духе «любительства» (*amateur*) Э.Мерифилда (Мерифилд, 2018). Указанная концепция экспертности противопоставлена той, в которой ее противоположность, любительство, называется дилетантизмом (*dilettante*), и предполагается низкое качество продукта или услуги. Но это не всегда так, ведь, как пишет автор, «зачастую любители оказываются компетентнее профессионалов благода-

---

³ Когда путешественнику, готовому отдать на время свое жилье незнакомому человеку, в свою очередь предлагается переночевать в доме незнакомца.

⁴ Airbnb. Впечатления. URL: <https://www.airbnb.ru/> (дата обращения: 10.03.2024). В настоящий момент онлайн-платформа не работает с пользователями из РФ; её стандарты приводятся здесь в качестве примера, в том числе и возможной организации импортозамещения.

ря гораздо более тесной связи со своим занятием. Они и есть то, что они делают» (Мерифилд, 2018: 14).

Во-вторых, это инсайдерский доступ, когда опыт выходит за пределы обычных туристических маршрутов, а гостям предлагается принять участие в жизни сообщества местных жителей, локальной субкультуры. И в-третьих, создание сообществ. Практики совместного потребления (проживание с незнакомцами через Couchsurfing, туризм с Airbnb) распространяют традиционные внутрисемейные и дружеские паттерны взаимодействия на незнакомцев, возвращая формы социальности, характерные для традиционной культуры и утраченные в атомарном обществе модерна, «реставрируют» общинный менталитет и механизмы кооперации той исторической эпохи, которая предшествовала появлению категории приватного. Валюта экономики совместного потребления – доверие, репутация, личные отношения. Участники проектов в стиле Airbnb сами предпочитают говорить о сообществе, а не о договорных или клиентских экономических отношениях. Новые цифровые коммуникационные технологии (привязка документов, профилей социальных сетей к аккаунту на сайте платформы) увеличивают возможности создания репутаций и проведения самоинспекций. Это ли не есть глобальная (мировая) деревня по Маршаллу Маклюэну? Налицо сближение условий жизни цивилизаций первой и третьей волны, о которых писал Э.Тоффлер (Тоффлер, 2004), и которое позволяет говорить сегодня о социальных элементах нового Средневековья.

Различение турпродукта и аутентичного этнографического материала является сегодня важной темой и вызовом для традиционной этнографии. Исследователю приходится смотреть сквозь фейкlorизацию при изучении ритуала, праздника. Современные тенденции в антропологическом образовании могут привести к тому, что в сфере этнического туризма будет лидировать энтузиазм, любительство (amateur), но без должного профессионализма, а ироничный постмодернизм сменится новым цифровым, но уже темным и безграмотным Средневековьем.

Социальные эффекты внедрения упомянутых практик могут вызывать как положительные, так и негативные оценки горожан и экспертных сообществ. А на статус экспертов при этом претендуют и представители научного знания (историки, этнографы), и сами горожане (жители, бизнес-сообщества).

Для общества постмодерна духовное, нематериальное, культурное содержание выходит на первый план. Постмодерн, в плане развития материального базиса оказываясь органичным продолжением и усилением общественных установок модерна, реализуется именно через духовное, нематериальное, через эмоционально-воспринимаемую городскую среду, брендинг посредством творчества акторов и эмоционального дизайна. В связи с этим локальная городская идентичность, «дух», философия города – эти «нематериальные» вопросы всё чаще ставятся не только в прикладной урбанистике и этнологии (Секция 13. Круглый стол. (Не)настоящее наследие..., 2021), но и в философии (Порошен-

ко, 2021) именно в ходе осмысления постиндустриального, постмодерного общественного статуса.

Согласимся с тем, что «современные урбанистические теории возникают в ситуации постиндустриального общества и постфордистской экономики» (Порошенко, 2021: 45), то есть во времена, которые определяются теоретиками как постмодерн и постмодернизм. Однако обращение к концепту нематериального культурного наследия ЮНЕСКО происходит сегодня в условиях реальной утраты материальной городской среды в результате сносов, реноваций. Управление городским развитием осуществляется все так же под давлением *инновационистской идеологии*, когда необходимость использования предоставленных денежных средств приводит бизнес к неоднократной модернизации городского пространства. Освоение принципиально новой загородной местности часто просто не выгодно, сопряжено с обустройством инфраструктуры, лишено туристических перспектив. Первоначальное обновление «старой» Казани приостановилось, когда был замечен ее туристический потенциал в качестве «аутентичного исторического центра».

В силу сказанного, обсуждение судьбы исторического центра Казани полидискурсивно, ведется учеными, политиками, активистами, бизнесом. Экспертное сообщество историков и искусствоведов участвовало в решениях по топонимике в преддверии Тысячелетия, когда странным образом современные локации приобретали исторические названия. Например, наименование «Козья слобода» получила местность, в повседневной городской практике известная как «Энергоуниверситет». Поэтому городские сообщества, выражающие низовые, повседневные тенденции, должны были быть услышаны, и это состоялось в работе комиссии по топонимике 2009 г. Как результат, новые станции метро, сданные в 2013 г., назывались уже с учетом пожеланий горожан. Однако потенциал истории для обустройства повседневности все еще остается очень привлекательным. В пример можно привести интересный практический проект: «Концепция устойчивого развития исторического поселения Казани» взята в 2020 г. за основу работы Управления архитектуры и градостроительства города Казани⁵. Ключевой нематериальной категорией концепции является понятие городской идентичности, а проектные решения предлагаются через изучение характерных для города типов деятельности (выделяются уклады – производственный, ремесленный, промышленный, крестьянский). При этом, как правило, учитывается проявленный исторический, а не современный опыт, и это важно для заброшенных районов, в которых замерла современность. Чем была и занималась та или иная слобода? Что преобладало в ней в прошлом – религия, торговля, ремесла? Воплощается интересная задумка – использовать историю и культуру, невесомую атмосферу, дух города в качестве базы для разработки градостроительной концепции. В РФ есть подобные проекты, но только в Каза-

---

⁵ Концепция устойчивого развития исторического поселения Казани. URL: <https://tehne.com/library/koncepciya-ustoychivogo-razvitiya-istoricheskogo-poseleniya-kazani-kazan-2020?ysclid=ltdypkt73136879024> (дата обращения: 10.03.2024).

ни был поднят вопрос о внедрении результатов подобных исследований в градостроительную политику под патронажем мэрии.

Востребованным мировоззренческим противовесом постмодернистской фейкlorизации в современном мире выступает идеология *археоавангарда* (термин предложил аспирант Ф.И. Гиренка С. Дмитриев). Развитая философами далее идея археоавангарда предполагает, что во времена *инновационизма*, ускоренной гонки технологий, в результате которой *транзиторности* подвергается общественное сознание, авангард общества должен осознанно быть тормозом технологического прогресса. Именно на идеологии археоавангарда базируется концепция устойчивого развития, предполагающего обязательную устойчивость того, что развивается (Кутырев, 2012: 15).

В отличие от фейкlorизации, когда происходит стилизация «под старину», археоавангардные творческие усилия направлены на сохранение аутентичного ядра культурного кода и обыгрывание его в современном контексте. Например, в ритуале «Чүльмэк вату» во время Сабантуя в Австралии яйцо разбивают битой, а не палкой. Практика не аутентична, но сохраняет в современных условиях дух традиции. Иллюстрацией археоавангарда выступает также знаменитый фестиваль «Том Соьер фест», нацеленный на косметический ремонт домов, не являющихся историческими памятниками⁶. Археоавангард, в нашем понимании – это осознанное включение этнических компонентов в стилистически современную продукцию креативных индустрий, а не подражание старине, даже при соответствии стандарту, художественное сочетание этнических элементов с авангардом, а не имитация народного (Шалагина, 2019: 74).

Таким образом, социально-философский анализ современной урбанистики на примере Казани позволяет сделать *выводы* относительно стадийного характера современного общества, расставив акценты в статусе материального и духовного для модерна и постмодерна.

1. Материальный базис общества остался современным и усилился за счет ускорения социально-экономических процессов, что сказалось на характере освоения городских пространств.

2. Социально-экономическая инновационистская логика модерна вовлекает в себя аспекты культуры и эстетические режимы.

3. Тенденции постмодерна носят культурный и духовный характер, что выразилось в запросе на брендинг и ребрендинг города, в формировании различных креативных индустрий, в частности этнотуризма, в интересе к вопросам нематериального культурного наследия и к соответствующему концепту ЮНЕСКО.

4. Археоавангардистская установка сегодня позволяет сохранять традиционные ценности в органичном сочетании с технологическим прогрессом и способствует устойчивому развитию города и региона.

---

⁶ «Том Соьер Фест» – фестиваль восстановления исторической среды. URL: <https://tsfest.ru> (дата обращения: 10.03.2024).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

- Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
- Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкин. М.: Библион-Русская книга, 2003.
- Джеймисон Ф. Постмодернизм или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина, под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
- Ионин Л.Г. Социология культуры: учеб. пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
- Кутырёв В. А. Время Mortido. Санкт-Петербург: Алетейя, 2012.
- Лэйард Р. Счастье: уроки новой науки / пер. И. Кушнारेвой. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.
- Мерифилд Э. Любитель. Искусство делать то, что любишь / пер. А. Боровиковой, Е. Изотова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? / под ред. В.Н. Садовского и В.А. Ядова. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Порошенко О.Ю. Экзистенция города // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 2 (140). С. 45–51. URL: [https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/vyatsu/140\(2\)2021/5-rogoshenko.pdf](https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/vyatsu/140(2)2021/5-rogoshenko.pdf) (дата обращения: 10.03.2024).
- Секция 13. Круглый стол. (Не)настоящее наследие: наследие, которое мы сохраняем, конструируем, практикуем // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И.В. Нам. М.; Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021. С. 183–191.
- Тоффлер Э. Третья волна / науч. ред. и авт. предисл. П.С. Гуревич. М.: АСТ, 2004.
- Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А. Константинов. М.: Классика – XXI, 2011.
- Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1978 – 1979 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьяков. Санкт-Петербург: Наука, 2010.
- Шалагина Г.Э. Фейкlorизация в этническом туризме: риски и альтернативы // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2019. Том 34. Вып. 3. С. 69–76. <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2019-34-3-69-76>
- Шалагина Г.Э. Городская среда в постиндустриальной экономике (на примере Казани) // Хартия Земли – практический инструмент решения фундаментальных проблем устойчивого развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию реализации принципов Хартии Земли в Республике Татарстан / ред. колл. Шагидуллин Р.Р., Хакимов Р.С., Хоменко В.В. и др. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. С. 511–514.
- Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52.

REFERENCES

- Bauman Z. (2008) *Liquid modernity*. Saint-Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Baudrillard J. (2003) *Pour une critique de L'Economie Politique Du Signe*. Moscow: Bibliion-Russkaya Kniga Publ. (In Russ.)
- Ionin L. (2004) *The sociology of culture: manual for universities*. Moscow: GU VShE Publ. (In Russ.)
- Jameson F. (2019) *Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism* Moscow: Gaydar Institute Publ. (In Russ.)
- Kutirev V. (2012) *Mortido Time*. Saint-Petersburg: Aleteya Publ. (In Russ.)
- Layard R. (2012) *Happiness: Lessons from a new science*. Moscow: Gaydar Institute Publ. (In Russ.)
- Merrifield A. (2018) *The Amateur. The Pleasures of doing what you love*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Naumova N. (1999) *Recurrent modernization in Russia: trouble, guilt or resource of humanity*. Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russ.)
- Poroshenko O. (2021). The existence of the city. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University]. Vol. 2 (140): 45–51. URL: [https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/vyatsu/140\(2\)2021/5.-poroshenko.pdf](https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/vyatsu/140(2)2021/5.-poroshenko.pdf) (accessed: 10.03.2024) (In Russ.)
- Section 13. Round table. (Un)real heritage: the heritage we preserve, construct, practice (2021). In: *14th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: a collection of materials*. Tomsk, July 6–9, 2021. Moscow; Tomsk: Tomsk State Univ. Publ.: 183–191. (In Russ.)
- Toffler A. (2004) *The Third Wave*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Florida R. (2011) *The Rise of the creative class and How it's transforming work, leisure, community and everyday life*. Moscow: Klassika – XXI Publ. (In Russ.)
- Foucault M. (2010) *Naissance de la Biopolitique. Cours au Collège de France (1978–1979)*. Saint-Petersburg: Nauka Publ. (In Russ.).
- Shalagina G. (2019) Fakelorisation in ethnic tourism: risks and alternatives. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki* [Herald of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences]. Vol 34 (3): 69–76. <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2019-34-3-69-76> (In Russ.)
- Shalagina G. (2016) The urban environment in the post-industrial economy (the case of Kazan). In: *The Earth Charter is a Practical Tool for Solving Fundamental Problems of Sustainable Development: a collection of materials from the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 15th anniversary of the Implementation of the Earth Charter Principles of in the Republic of Tatarstan*. Kazan: Tatar Book Publ.: 511–514. (In Russ.)
- Khabermas Y. (1992) Modern – incomplete project. *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy]. No 4: 40–52. (In Russ.)

Сведения об авторе: Шалагина Гульнара Эдуардовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии науки и социальной работы, Казанский национальный исследовательский технологический университет (420015, ул. Карла Маркса, 68, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0001-2947-0343>; e-mail: galanova@rambler.ru

About the author: Gulnara E. Shalagina, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Philosophy of Science and Social Work, Kazan National Research Technological University (68 K. Marx St., Kazan 420015, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0001-2947-0343>; e-mail: galanova@rambler.ru

Поступила в редакцию / Received 25.01.2024

Доработана после рецензирования / Revised 22.03.2024

Принята к публикации / Accepted 30.04.2024

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the journal were carried out within
the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People”

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем исключительных
имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания
(размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.),
in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2024. Том 9. № 3
Сетевое издание

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2024. Vol. 9. No. 3
Online media

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен

в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7

Дата выхода в свет 24.07.2024 г.

Формат 60×84 ¹/₈

Свободная цена